

НА БЕРЕГАХ БИРЫ И БИДЖАНА

ЛЮДИ БИРОБИДЖАНСКОГО ПОКОЛЕНИЯ

Книга I

БИРОБИДЖАН
2019 год

ББК 63.3
ISBN 978-5-90412-40-2

Составитель Е.И. Сарашевская

Общественная редколлегия:

В.С. Гуревич, Е.И. Сарашевская, В.П. Фоменко

ЛЮДИ БИРОБИДЖАНСКОГО ПОКОЛЕНИЯ

Книга I

Жителям Еврейской автономной области памятна серия книг «На берегах Биры и Биджана», которая выходила в 1970-е — 1980-е годы и была посвящена истории ЕАО и ее людям.

К 85-летию области мы решили возобновить эту серию и опубликовать в ней переведенные с идиша произведения о первых еврейских переселенцах Биро-Биджана.

Этот сборник включает в себя серию документальных очерков, ранее публиковавшихся отдельными изданиями на идише и до последних лет на русский язык не переведенных. Переводы текстов Моше Хащеватского и Шмуэля (Самуила) Гордона впервые печатались на страницах «Биробиджанер штерн» в 2017—2018 годах.

В книге использованы фотографии из фондов Российского этнографического музея и Областного краеведческого музея, г. Биробиджан.

Издание осуществлено с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного общественной организации «Наследие ЕАО» Фондом президентских грантов.

© ОО «Наследие ЕАО», 2019
© Издательский дом «Биробиджан», 2019
© Редакция газеты «Биробиджанер штерн», 2019
© ФГБУН ИКАРП ДВО РАН, 2019
© Российский этнографический музей, Санкт-Петербург, 2019

*И вот они упали у края земли —
там, где начинается неведомое и
страшное — тайга. Они не отступили
перед ее грозным и зловещим гудением,
не бросились назад, столкнувшись с ее
суровостью. Они выстояли в первой,
самой решительной схватке.*

*Виктор Финк.
Евреи в тайге*

ЕВРЕЙСКАЯ
АВТОНОМНАЯ
ОБЛАСТЬ

ייִדישע
אױטאָנאָמע
געגנט

ОО «Наследие
Еврейской автономной
области»

Моше ХАЩЕВАТСКИЙ

— еврейский советский поэт — родился в 1897 году в с. Буки Киевской губернии. Писал на идише. Традиционное начальное образование будущий литератор получил в хедере. В 1916 году, окончив коммерческое училище в Умани, юноша поступил в Екатеринбургский университет, в 1917 г. переехал в Петроград, где продолжил учебу в университете, но через год вернулся на Украину и стал работать библиотекарем. В том же году первое стихотворение Хашчеватского было опубликовано в киевской еврейской газете «Ди найе цайт».

В 1921 г. Хашчеватский переехал в Киев, где в 1922 г. вышла первая книга его стихотворений «Доршт» («Жажда»).

Стихотворения, баллады, поэмы Хашчеватского регулярно публиковались в еврейских периодических изданиях Киева, Харькова, Москвы, Минска. Одновременно даровитый литератор занимался переводами на идиш классической русской, украинской, немецкой поэзии, писал сказки и стихи для детей. Продолжали выходить книги его стихотворений, преимущественно на общественно-политические темы: «Рапортн» («Рапорты», Харьков, 1931), «Лэцце шлахт» («Последний бой», М., 1932). В 1935 г. вышел второй сборник стихотворений Моше Хашчеватского для детей «Унздэр лагер» («Наш лагерь», М.), в том же году — книга стихотворений «Хант ба хант» («Рука об руку», Харьков), в 1936 г. — поэма «А майсэ вэгн а патлатн ят ун зайн нэлдишн тат» («История о лохматом мальчике и его подвиге», М., 1936). Критики отмечали искренность и исповедальный характер лирики Хашчеватского; его творчество было лишено пафоса, тяготело к реалиям жизни без романтического напряжения и героической поэмы.

М. Хашчеватский — автор ряда литературоведческих работ и книги очерков «А райзэ кейн Биробиджан» («Путешествие в Биробиджан», Киев, 1937), написанный им вскоре после поездки в строящуюся Еврейскую автономную область в 1936 году. В 1943 году, будучи призванным в Красную Армию, Моше Хашчеватский погиб на поле боя.

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Эта книжка появилась в результате моей поездки в Биробиджан летом 1936 года.

Во время этого путешествия в Дальневосточный край я вел пусть и не очень детальные, но регулярные дневниковые записи, в которых отразил многое из того, что видел и слышал, описал впечатления, наблюдения и беседы с самыми разными людьми.

Когда я вернулся на Украину, мне приходилось довольно часто в разных обстоятельствах и по различным поводам отвечать на вопрос «Что слышно в Биробиджане?». Я на этот вопрос всегда отвечал, хотя отвечал коротко. А интерес к Биробиджану велик, и мои ответы, конечно же, не устраивали интересующихся жизнью в Биробиджане — им хотелось знать все, что знаю о ней я. По этой самой причине у меня и возникла необходимость рассказать все, что мне о Биробиджане известно. Потому-то я, в конце концов, и решился обработать и опубликовать из моего биробиджанского дневника хотя бы часть заметок обо всем том, что может представлять общий интерес.

Однако, публикуя этот свой дневник, я должен заранее предупредить читателей вот о каком обстоятельстве. Им следует помнить, что описываю я здесь Биробиджан таким, каким видел его летом 1936 года, и вполне может статься так, что мой потенциальный читатель, приехав в Биробиджан сейчас, обнаружит, например, что такой-то и такой-то завод, о котором я здесь пишу как о предприятии строящемся, уже построен и действует; что новый мост через реку переброшен; что в тайге выросли новые колхозы, а в городе появились новые улицы, то читателю такому не стоит предъявлять претензии мне: люди же ведь живут, действуют, строят. В Советском Союзе жизнь не стоит на месте, так что строительство, рост и перемены — явления у нас естественные.

Кроме всего прочего, читателю не следует сетовать и обижаться по поводу того, что в моих текстах он будет едва ли не на каждом шагу спотыкаться о кучи земли, камня, песка и глины. Ведь тексты мои — не более чем отражение действительности. Правда, я не думаю, что тот же читатель по ходу чтения моих заметок вымажет костюм, промочит ноги или в глаз ему случайно попадет пылинка. Но это ведь и в самом деле не так уж страшно, да и не столь важно. Главное всего то, что идет строительство.

И суть — в этом!

ЛИРИЧЕСКОЕ ВСТУПЛЕНИЕ

Я попал в этот дальний край с родного мне юга, проехав через всю страну. Я видел из окон вагона отлогие горы и холмы Урала, любовался водной ширью могучего былинного Байкала. И сколько же никем не меренных равнин и не хоженных то скалистых, то укрытых темными лесами хребтов и взгорий осталось позади меня за дни и ночи долгих моих ожиданий встречи с землей дальневосточного Биробиджана!

Но вот я уже и здесь, гость разительно меняющей свой облик земли, и свободно хожу по улицам селения, среди которых старых — ни одной. Здесь людские мечты становятся явью, вчерашние планы — сегодняшней правдой, а увиденное здесь мною впервые — уже хорошо знакомым. И каждому я здесь готов по-дружески подать руку:

— Доброе утро вам, люди-труженики! Доброго и светлого дня вам, моя и наша область, теперь уже совсем близкий мне край!

ПОЕЗДКА В БИРО-БИДЖАН

Перевод с идиша Валерия Фоменко

Биробиджан, 2016 год

ДЕНЬ В БИРОБИДЖАНЕ

ДЕНЬ В БИРОБИДЖАНЕ НАЧИНАЕТСЯ ТАК

В Москве на кремлевской башне часы уверенно и авторитетно отсчитывают двенадцать ударов, и в полуночной тишине борющейся со сном столицы слышатся первые бодрые и мужественные звуки пролетарского гимна. Здесь же маленькие стрелки всех карманных и наручных, всех настольных и стенных часов в домах и в учреждениях уже обожали правое полукружие циферблата и, захватив частицу второй половины круга, показывают 7 утра. Собственно говоря, в Биробиджане (о нем и речь) день уже наступил. Правда, начинается этот день туманным утром. Но скоро поднимется и припечет солнце, только что омытое водами Тихого океана, разорвет плотную пелену серого тумана, озарит своими лучами ближнюю сопку, верхушку трубы, возвышающейся над лесопилкой «Деталь», заблестит в широких окнах обкома партии и на поверхности быстрой реки Биры, осветит обширное пространство, занятое построенными и строящимися зданиями, строительными материа-

лами и машинами, порадует глаз уже начинающих новый день людей. Все это взятое вместе образует ныне новый город в тайге — главный город Еврейской автономной области — Биробиджан.

...Еще только-только светает, но «биробиджанский» день уже давно начался, поскольку Биробиджан начинается «еще перед домом». Во всяком случае, для нескольких десятков мужчин и женщин в вагоне пассажирского поезда №44, идущего на восток. Люди эти давно уже не спят, они уже разбудили детей, пакут узлы и чемоданы, то и дело высовываются из окон, напряженно вглядываются в темноту и уже в который раз задают один и тот же вопрос проводнику:

— Скоро уже Биробиджан?

— Уже скоро, — каждый раз терпеливо отвечает широкоплечий кондуктор в сером костюме, подкручивая густые черные усы. — Уже совсем скоро. — Но всякий раз, как только состав начинает плавно сбавлять ход перед очередной остановкой, с десятков человек срываются со своих мест, хватают узлы, толкаясь, бросаются к выходу, тревожа сон соседей, и черноусый проводник опять успокаивает взволнованных пассажиров:

— Это еще не Биробиджан. Ну куда вы все торопитесь?

И вот опять дорогу с обеих сторон обступила тайга, а редкие станции как нарочно носят наименования, похожие на название той, куда так спешат беспокойные пассажиры 44-го, — Биракан, Бира... А вот только Биробиджана все нет. Однако бдительные люди в вагоне не отходят от окон: они знают, что едут уже по земле Еврейской автономной области и что уже сегодня (слышите: сегодня!) смогут увидеть край, в котором им предстоит жить. Да, все это так, но в вагонные окна продолжает смотреть почти такая же тайга, что как будто бы осталась уже позади, а чуть ли не вплотную к железнодорожному полотну подступают серые каменные стены, заслоня со-

бой все остальное. Но вот горы отодвигаются от дороги, медленно отходят почти к самому горизонту, постепенно открывая взору равнину, местами поросшую островами леса. Время от времени за окнами поезда показываются крохотные — всего-то из нескольких домов — селеньица, еще реже в поле зрения пассажиров попадают люди. И это называют Еврейская область?.. А что, интересно, представляет собой тот Биробиджан?.. Биробиджан, от которого до старого дома — вэй из мир! — целых десять тысяч километров. А уж говорят люди об этих местах каждый что хочет и как он только захочет. Один как-то рассказывал, что там самая тайга, и куда там ни поверни, так либо на медведя наткнешься, либо на тигра; другой рассказывал о таких мушках, которые в тыщу раз хуже тигров. Потому как тигра ты, может, только раз в жизни встретишь, а маленьких мух этих везде прямо тучи. А еще кто-то про Биробиджан говорил, что там (это ж послушать только!) золото прямо чуть ли не под ногами валяется — бери лопату и иди его копай. Правда, почему-то никто не рассказывал о таких мелочах, как извести, мрамор, и о прочих подобных вещах. Одним словом, чего только об этом Биробиджане не наслушаешься...

А вот людей, как говорят, едет в эти края все больше, а таких, которые оттуда возвращаются, становится меньше, и многие из биробиджанских новоселов зовут к себе родственников и друзей.

Но вот уже таки сам этот Биробиджан. Из вагонных окон видны его в беспорядке разбросанные окраинные дома, и поезд, кажется, идет все медленней. Вот он миновал семафор и движется между двумя стенками, образованными красными вагонами грузовых составов. И нет никакой возможности хоть одним глазком увидеть станцию. Но вот наконец-то, вздрогнув всеми своими позвонками-вагонами, пассажирский поезд № 44 останавливается.

— Станция Биробиджан! — громко объявляет проводник и, на ходу разматывая зеленый сигнальный флажок, быстро шагает к выходу.

Биробиджан! И для всех, кто так долго с нетерпением ждал этой минуты, только что произнесенное слово это почему-то воспринимается вдруг как некая неожиданность. Толпясь и в спешке толкая друг друга, — каждый, кто с узлом, кто с мешком, — прибывшие устремляются к дверям. Слышатся испуганные голоса женщин:

— Мойше! Ты захватил корзину, Мойше?

— Янкеле, погоди, не прыгай! Папа сейчас тебя снимет...

— Рива!.. Господи, и куда провалилась эта Ривка?..

В матовом утреннем свете лица людей кажутся бледно-желтыми, а пересохшие губы почти черными. Охрипшие голоса... Большие удивленно-испуганные глаза детей...

И вот уже весь выгруженный багаж собран и сложен в кучки. Возле каждой — люди. Никто не трогается с места. «Сорок четвертый» пока стоит тоже. Не спешит отправляться в путь и длинный-предлинный товарняк, за которым, как говорят, где-то там недалеко должен быть вокзал. Только отсюда того вокзала не видно.

Но вот в сыром утреннем воздухе прозвучал свисток локомотива, и «сорок четвертый», снова вздрогнув и дернувшись, лениво, словно через силу, тронулся с места. Закрутились — сначала медленно-медленно, а потом все быстрее его колеса, и вот уже поезд гремит где-то там, оставив позади себя только удаляющийся перестук колес, пыль и полосу черного едкого дыма.

Люди, стоя возле лежащих на земле кучек дорожной клади, долго смотрят в ту сторону, куда ушел «их» поезд, и уже всерьез беспокоятся: смогут ли они «перестоять» грузовой состав, который, кажется, так и застыл на рельсах. Но вот все дружно поворачивают головы в одну сторону — туда, где из-под неподвижного товарного ва-

гона вынырнул шустрый хлопец — один из прибывших с остальными. Минуту назад он точно так же перебрался на другую сторону железнодорожной ветки. Парень принес радостную весть:

— Это таки и правда Биробиджан! И почти сразу за этим поездом — вокзал. Вокзальчик, скажу я вам, не из самых-самых, но перед входом в него — большой такой щит, а на нем такими же буквами, как в Танахе (Пятикнижии — **прим. перев.**), написано «Би-ро-бид-жан». Туда-то нам и надо.

И снова все и вдруг заговорили, зашумели, снова слышатся хриплые выкрики, и опять все хватаются за свои вещи. Тем временем стоило тому парню опять показаться по ту сторону вагона, как поезд, прогремев всеми своими железными суставами, сдвинулся с места — люди с криками отпрянули назад. Красный товарняк, грохоча сотнями колес, набирает ход. Перед глазами стоящих быстро-быстро мелькают узкие полоски света между вагонами, но череда тех и других кажется нескончаемой.

Но вот наконец пронеслись мимо последние вагоны, и взглядам всех присутствующих открывается невеликое зданьице вокзала, на котором крупными еврейскими буквами написано «Биробиджан».

Все прибывшие с узлами, и с мешками, и с детьми на руках, опасливо озираясь, поспешно переходят через рельсы и останавливаются на перроне. Но, как оказывается, стоят они перед «старым» вокзалом в то время, как новое, большое здание вокзала находится по другую сторону железнодорожных путей, напротив того вокзальчика, к которому вышли прибывшие на станцию. Оказывается, что и город находится на той же стороне, что и новый вокзал, и сразу за ним же этот город начинается.

И опять мужчины взваливают на себя узлы и мешки, женщины подхватывают на руки детей, и снова, переступая через рельсы, все идут в одном направлении — туда, где неподалеку от нового вокзала располагается

переселенческий пункт «КомЗЕТа» — единственный дом, адрес которого знают все, кто только что сошел с поезда № 44.

Вот так начался новый день в Биробиджане.

Редактор биробиджанской газеты только что закончил вычитку последней корректуры четвертой страницы и подписал номер газеты в печать. Работа завершена. Редактор бросает взгляд на часы, стоящие на противоположном конце стола, и поражается: «Что? Уже семь часов?!» Он снимает трубку телефона:

— Алло! Алло! Почта? Скажите, пожалуйста, который час? Что? Ровно семь? Спасибо!

Поднявшись со стула, редактор подходит к окну и опять не может отделаться от удивления: таки да — во дворе уже настоящий день, за окном туманится росное утро и делает огонек лампы на редакторском столе лишним. В общем, начинается новый день, и выходит, что он, редактор, проработал всю ночь. Ну да, так и получается. Накануне вечером, когда работа над номером газеты была уже почти закончена, пришел срочный и важный материал — две газетных полосы потребовалось верстать заново и к тому же писать новую передовую статью. Ко всему прочему для набора не хватило шрифтов, а еще два дня назад у ротатора в типографии вышел из строя мотор. Пришлось вращать вал печатной машины вручную. В итоге газета опять придет к читателю с опозданием. А чтобы такое же не повторилось завтра, ему, редактору, надо бы по-хорошему снова без промедления садиться за стол и приниматься за работу. Так что пойти домой сейчас, пожалуй, не удастся, а для отдыха сойдет часок-другой сна на «служебном» диване.

Однако спать сейчас редактору как-то пока не хочется, а перед сном, пожалуй, не помешает пройтись по улице и подышать свежим утренним воздухом. Закрыв

окно, погасив настольную лампу и повернув ключ в двери кабинета, редактор выходит на крыльцо и прямо с его нижней ступеньки делает шаг на узкий деревянный настил-тротуарчик, проложенный вдоль всей улицы.

В этот час с пустынных городских улиц еще не ушла тишина. А вот эта улица, впрочем, как многие другие здесь, скорей всего, похожа на проселочную дорогу — дорогу, ведущую от одной стройплощадки к другой. Строительство же идет во всех концах города. Здесь еще копают котлован под фундамент, там уже поднимаются стены, чуть дальше и правей светлеют треугольники стропил, а там видны уже вставленные в проемы оконные рамы.

А вот на тротуарчиках уже показались и первые пешеходы. Некоторые здороваются, и частенько слова «Доброе утро!» перелетают через полные водой дорожные колеи и рытвины с одной стороны улицы на другую, хотя приветствующие идут в одном направлении. Рядом же они окажутся не раньше, чем достигнут перекрестка, где через улицу переброшен дощатый мостик.

Вот по прогибающимся доскам тротуара широко шагает плотник Йосл Клейман — член и глава артели «Колесо революции». Он невелик ростом, худощав и бледен лицом, у него красные, как от бессонницы, глаза, а в его темно-русой бородке поблескивает седина. Но телом Йосл крепок — иной молодой позавидует. Сейчас Клейман спешит на работу и как обычно придет туда первым. Йосл любит свою артель, в которую пришел еще тогда, когда в ней кроме сторожа никого и не было. Трудится же этот человек, как говорится, не за страх, а за совесть, не помышляя о каких-то там прибылях и «наварах». Для него его повседневные дела и заботы служат не чем иным, как источником удовольствия. Придя на работу, Клейман неторопливо, словно прогуливаясь, обходит широкий двор предприятия, уставленный аккуратными штабелями уже очищенных от коры бревен и готовой про-

дукцией, переходит в цеха, по пути заглянув в новую кузню с десятками горнов, снабженных установками механического дутья, и с полным на то правом испытывает чувство хозяина, отдавшего артели годы труда.

...А дальше речь пойдет о старшем механике лесопилки «Деталь» товарище Финкле. В это утро он тоже, естественно, идет на работу. Идет быстро, не оборачиваясь по сторонам, на приветствия встречных знакомых отвечает коротко. Даже не приглядываясь к его особо ничем не отличающейся повседневной одежде, по каким-то неуловимым признакам невольно делаешь вывод, что человек этот — иностранец. Понятное дело, иностранец из бывших. И таки да: Финкл приехал сюда в Биробиджан аж из Аргентины. Как он сам, так и его супруга и родились в той самой Аргентине. Их родители когда-то давно уехали туда из России в качестве колонистов, работали там на освоении новых земель. Их дети стали в тех же краях мужем и женой и тоже, оставаясь в статусе колонистов, работали на земле. Трудились они — и трудились упорно — целых два десятка лет. Но там, за океаном, земля принадлежала не им, а крупному арендатору, технику для обработки пашни надо было покупать, влезая в кабальные кредиты, и в один «прекрасный» день как несостоятельные должники Финклы были лишены права на аренду земли, у них конфисковали машины и даже скромное их жилище. Вот тогда-то — а что оставалось делать? — Финкл с семьей и перекочевал в Биробиджан. Ну и поскольку у главы семейства имелся таки богатый опыт «общения» с техникой, бывшего колониста направили в артель «Деталь» в качестве механика. А что тогда представляла собой производственная база «Детали»? На заболоченном берегу Биры стоял на «стационаре» трактор, который через вал отбора мощности и приводной ремень вращал пилу-циркулярку. Это и была «Деталь». Между тем шел 32-й год — год большого наводнения, затопившего берег и грозившего унести всю

заготовленную для распиловки древесины. Чтобы такого не случилось, все артельщики буквально сутками, стоя по колено, а то и по пояс в воде, спасали и сумели спасти весь кругляк. А потом наступила зима — первая биробиджанская зима Финкла — сезон лютых холодов. Обитала же тогда семья недавних южан, новоселов Биробиджана, в тесной избенке со щелястыми стенами из досок. И сколько ни топи печку, избу она согреть не могла. Это если добавить к тому, что работал хозяин такой избы-временки еще и под открытым небом. Как-то раз, в самом начале рабочего дня, неожиданно заклинило шкив циркулярки. Все! Снимай, механик, рукавицы — иначе устранить неисправность возможным не представляется. А что значит иметь дело с накалившимся морозом металлом, действуя голыми руками? «Срочный» ремонт стоил тогда Финклу пары серьезно обмороженных пальцев и потери нескольких кусочков кожи на обеих ладонях. Но пилорама заработала снова, и снова из-под острых зубьев круглой пилы ударил фонтан желтых опилок...

Сейчас Финкл опять спешит на работу. Теперь в «Детали» работает не только одна та циркулярка на берегу — действуют в артели уже и несколько пилорам. Механику перед началом работы надо их осмотреть, а потом зайти в артельную контору узнать, когда можно ждать пополнения запасов древесины, а то, когда он вчера уходил с работы, поговаривали, будто они вот-вот кончатся.

— Нет, дня на четыре-пять работы бревен еще хватит, — заверил механика заведующий.

— Ну а дальше что?

— Что дальше?... Днями по реке еще один сплав придет...

А вот спешит на работу молодой рабочий мебельной фабрики имени Димитрова стахановец Янкель Мильнер

— тот самый Мильнер, который в начале прошлой недели поставил рекорд на выточке ножек для стульев. Он «сделал» их ровно тысячу при сменной норме 350. А через пару дней Иван Чуркин, работающий бок о бок с Мильнером, выдал этих ножек на двадцать штук больше, чем он. Вот тогда Янкель и заявил при всех, что завтра (а это «завтра» как раз уже и наступило) выточит ножек — ни много ни мало — 1100 штук, во! И надо видеть, как он сейчас торопится к своему станку. Разогревшись от быстрой ходьбы, Янкель машинально расстегивает воротник гимнастерки, встречный утренний ветерок треплет густые светлые волосы парня.

Нет, Янкель Мильнер ни за что не уступит сопернику. Он знает, что сейчас на него смотрят не только комсомольцы фабрики, но и все 300 ее рабочих, а может, и все работающие на городских предприятиях. Мильнер, между прочим, приехал из Малина, а кто не знает, что малинцы — народ ой какой упрямый? Упрямый, каких только поискать. Ведь как раз с подачи земляков Янкеля появилась в Биробиджане фабрика имени Георгия Димитрова. Там, в Малине, где выпускали гнутую мебель, стало туговато с сырьем, и ее производство по сути сворачивалось. Так группа «отставных» мебельщиков с Житомирщины и оказалась в городе на Бире. Они еще дома слышали от верных людей, что ясеня в биробиджанской округе прямо-таки в избытке, и почему бы не учредить там, на новом месте, артель по выпуску стульев? Правда, еще в «старом доме» переселенцев ходили слухи, что ясеня-то в Приамурье много, но только древесина у него особой твердости и поди ее согни. Такая вот беда!.. Но кто не слышал о жестоковыйности и «впэртости» малинцев? Целых десять тысяч верст проехали они, чтобы самим убедиться, правда то или нет, что ясеневая древесина на Дальнем Востоке не такая «гнучая», как на Украине. И что же? Слухи об этом оказались только слухами, а разносили их, что так вполне возможно,

разные кулацкие элементы. Короче говоря, вскоре все биробиджанцы сидели на табуретах, сработанных бывшими малинцами, — табуретах производства фабрики имени Димитрова — полной тезки фабрики в далеком городе Малине.

Нет, Янкель не может сегодня позволить, чтобы его кто-то обошел, обогнал, опередил, и он готов еще раз убедительно доказать: он — Янкель Мильнер и он из Малина.

...Вместе с нашими героями, шагая по подпрыгивающим доскам узкого настила-тротуара, идет на стройку каменщик и штукатур Шая Гланц. Это его первый рабочий день в Биробиджане, поэтому он заметно волнуется. И волнуется, и одновременно радуется тому, что работать он будет на сооружении — представьте себе! — самого большого здания в городе — четырехэтажного каменного здания школы. А это, согласитесь, что-нибудь да значит!

В Биробиджане Шая совсем недавно — не больше месяца он здесь. Сам из Макеевки. Строительную специальность принял, что называется, по династической эстафете. Коротко сказать, каменщиком и штукатуром был еще дед Шаи (об отце уже говорить не будем). С мастерком младший Гланц знаком с раннего детства и не расстается с ним, должно быть, лет этак тридцать кряду.

В это погожее утро Шая идет на работу, держа под мышкой собственную кельму, и с гордостью оглядывает растущий город. При этом у него возникает чувство, что он тоже каким-то образом причастен к застройке домов и улиц Биробиджана, и как раз в эти минуты Гланц мысленно сочиняет письмо, которое он непременно отправит своим друзьям-товарищам в Макеевку (а они действительно просили его написать им письмо). Ха!

Как уж они его там ни пугали!

— И куда это ты собрался, парень? — говорили ему те друзья, прослышав о его решении. — Мэшугэнэр! Биробиджан — это ж самый край света. Там и домов-то нет — только горы. Да еще какие горы!

И что может сказать Шая этим умникам? Приезжайте сюда сами, стройте — вот вам дома и будут. А иначе-то как?

А еще Шая обязательно напишет, что он таки как раз и строит дом. Но дом пока что не для себя — школу он строит, тайере хавэрим! Большую школу. И учиться в ней будет его собственный ребенок. И когда его дочка пойдет со своими подружками в эту школу, она непременно сообщит им, что красавицу-школу и дома по соседству с ней строил ее папа, то есть он, Шая Гланц. И знать об этом будут в городе вообще все.

Да, вот так начинается он — день в Биробиджане... Зубья пил уже распластывают на широченные доски стволы вековых кедров в артели «Деталь». Ловкие и сильные руки сноровисто сгибают распаренный ясень на мебельной фабрике имени Димитрова. Во все стороны сыплются из-под тяжких молотов огненные искры в кузне «Колеса революции». На чуть подрагивающих под ногами подмостях строительных лесов делают свое дело каменщики и штукатуры, плотники и столяры на строительных площадках школы, кинотеатра, швейной фабрики и еще на десятках других объектов. Землекопы углубляют канавы по обеим сторонам улицы Октябрьской, готовя ее проезжую часть к укладке булыжником. На улицах Партизанской и Валдгеймской (ныне — улицы им. Шолом-Алейхема и Советская — **прим. перев.**) гудят груженные и порожние автомашины, через распахнутые окна и двери больших домов слышно, как стучат и жужжат разные станки и машинки в разных промышленных артелях. Тянется народ к дверям магазинов, которые и открываются в этот час, перед мостом через

Биру мало-помалу удлиняется очередь ожидающих подхода автобуса, а у коновязи и на площадке перед зданием исполкома уже видны оседланные лошади и пара легковых машин. Между тем солнце растопило утренний туман и единовластно царствует в чистом небе, щедро заливая ярким светом и город, и все громадное пространство вокруг.

...В здании переселенческого пункта, где со всеми своими мешками, узлами и чемоданами устраиваются сейчас прибывшие сегодня в Биробиджан утренним поездом люди, шум и суета. За последние дни поезда восточного направления доставили сюда таки немалое число пассажиров, и вот опять новое пополнение. И куда же, где и как, скажите на милость, прикажете прибывающих и прибывших размещать? Койки и лавки заняты все до единой — яблоку упасть негде... Все жилое помещение (аж в глазах пестрит!) разделено занавесями и занавесками, отгораживающими одно семейство от соседствующих других. «Перегородками» служат одеяла, простыни, мешки, дерюги...

Вот по длинному и немислимо узкому проходу движется высокий мужчина — комендант всего этого «поселения». Одетый по-домашнему, в больших, давно нечищенных сапогах, комендант сейчас явно не в духе, если выразиться очень мягко. То и дело промокая носовым платком пот, заливающий его полное лицо и лысину, он громко, не скрывая гневных интонаций в голосе, комментирует положение дел в подведомственном ему учреждении:

— Нет, до этих людей ну просто-таки никак не доходит, что здесь у нас не гостиница и не общежитие, а переселенческий пункт, где человек с вокзала может только переночевать одну, от силы две ночи. А получил ты направление то ли на работу в городе, то ли где-то в

другом месте, — изволь тут же освободить место для другого. Ну?

По-своему комендант прав, но людям, проделавшим многотысячеверстный путь, вряд ли надо спешить (к тому же многим из них предстоит снова ехать — ехать в другие населенные пункты области). Так что приедем хотелось бы от утомительной дороги хоть чуточку отдохнуть, прийти в себя, осмотреться...

А вот другая картина. За длинным столом с таким важным видом восседает молодой человек в очках — служащий КомЗЕТа. Это он, «бог переселенцев». Ответственный товарищ пристально изучает документы каждого из предстающих перед ним обитателей многолюдного прибежища и, отобрав у очередного клиента переселенческий билет, вручает ему «направление» — бумагу с указанием предстоящего места работы прибывшего. Слово комзетовца свято: как «бог» этот скажет, так оно и быть должно. Не все, однако ж, получается гладко. Вот перед столом «распределителя» стоит паренек, уже прошедший описанную процедуру. Оказывается, там, куда парня направил КомЗЕТ, принять претендента на работу почему-то не захотели, и человек самостоятельно нашел вакансию в другой организации. Теперь у него просьба к представителю КомЗЕТа — переписать «направление».

— Хорошо. А где подтверждение, что тебя там, куда ты был направлен, принять на работу не захотели? Где это написано?

— Так нигде. Мне просто сказали, что им там пока такие работники не требуются и все.

— Во-во! А там тебе должны были выдать письменный документ, подтверждающий, что работы, которая указана для тебя в направлении КомЗЕТа, у них нет.

— Да не захотят они ничего писать! Тем более что я там с ними немного поскандальил. А вы можете выпи-

сать мне другое направление? Ну в ту организацию, где меня возьмут.

— Ну да. А вдруг тебе и там, где, ты говоришь, для тебя есть подходящая работа, тоже в приеме откажут? Мне и в этом случае нужно письменное подтверждение того, что ты тут мне наговорил. Тебе это ясно?

В общем, как говорят по-русски, лыко да мочало — начинай сначала.

А вот требование еще одного, совсем юного переселенца: да, это правда, что он прибыл сюда в составе семьи, которая получила назначение ехать на работу в колхоз. Но, во-первых, у паренька этого, по его словам, есть причина жить от семьи отдельно («Мне, между прочим, уже полных шестнадцать лет!»), а во-вторых, у хлопчика есть специальность, с которой ему будет лучше, как он считает сам, остаться здесь, в городе. Так что ехать в какой-то там Амурзет ему точно никакого резону нет...

А сейчас уполномоченный КомЗЕТа нетерпеливо выслушивает заплаканную и продолжающую жалобно всхлипывать молодку, которая, тут же обнажив загорелую грудь, сует ее беспокоившемуся младенцу.

— Да отошлите меня уже обратно домой! Который раз прошу, — ноет просительница. — Не берут же меня здесь на работу нигде!.. Ну купите тогда мне билет до Белой Церкви...

Высокий комендант, стоящий тут же рядом, наклонившись к комзетовцу, вполголоса объясняет ему:

— Это та жинка, про которую я вам уже рассказывал. Там, у себя дома, она записалась как вдова. Муж у нее будто бы помер. Ну и решила она в Биробиджан уехать. А тут вчера вечером гляжу: какой-то мужичок возле нее крутится. И кто вы думаете? Ее законный муж. Он послан сюда на принудработы. А эта к нему вроде как на свидание прикатила. Я ему, конечно, показал от ворот поворот. Ну а вот с ней теперь что делать? Работать она не пойдет, да и не возьмут ее нигде с малым-то...

Летний день в Биробиджане уже отсчитал первые часы, и жаркое солнце подняло невидимые потоки пара со всех немалочисленных здесь водных поверхностей. Там, в небесной глубине, пар превращается в белые облака, которые, загустев, укрывают небосвод тучами, и они время от времени по частям возвращают земле взятое от нее солнцем. Игра солнца и облаков причудливо меняет — и не один раз в течение дня — цвет и контуры ближних и дальних сопок и сопочек. Двигается время, продолжаясь, идет жизнь... Недавно прибывшие в Биробиджан женщины сидят рядом перед фасадом переселенческого дома-пункта, держа на руках грудничков. Тут же носятся по полянке дети постарше. И хотя все эти люди прибыли на новое для себя место совсем недавно, судя по всему, чувствуют они себя здесь вполне комфортно. Мужчины, кто в пиджаках, кто в пальто, на ногах — у кого ботинки, у кого сапоги, кто с бородой, кто без, кто в группе, кто в одиночку, ходят по еще не обустроенным городским улицам, присматриваются, спрашивают, разузнают, заводят разговоры о том о сем, выслушивают пожелания, объяснения и советы «старых» биробиджанцев относительно того, как лучше обустроиться в этих местах.

...Молодой врач, два года назад оставивший студенческую скамью, приехал в Биробиджан вместе с женой, тоже недавно получившей специальность. Сейчас доктор стоит в одном из кабинетов облисполкома, стучит кулаком по столу и буквально орет на заведующего облздравотделом:

— Я от вас ничего и слышать не хочу! Мне обещали двухкомнатную квартиру? Обещали. Так вот и соизвольте мне ее предоставить. И нечего мне тут зубы заговаривать. Не будет квартиры — уеду! Сегодня же уеду!

Громко хлопнув дверью кабинета, молодой специалист сбегает по лестнице в вестибюль, где его ждет жена.

— Идем, Ира! Нечего нам тут делать. Сегодня же отсюда уедем.

А когда Ира делает попытку мягко урезонить не на шутку расхोдившегося супруга: дескать, не спеши, подождем — может, все еще как-нибудь уладится, он, прямо-таки рассвирепев, выкрикивает:

— Ха! Они еще и город тут построить собрались! Ну погодите, я вас проучу. Пошли!

Рабочий день в Биробиджане тем временем продолжается. Все идет своим чередом: каменщики выкладывают стены; плотники старательно подгоняют бревно к бревну, перекладывая их паклей; землекопы сыплют песок и гравий, поднимая дорожное полотно на одной из центральных улиц, чтобы затем вымостить ее булыжником; трактор тащит на буксире тяжелый грузовик с полным кузовом того же песчано-гравийного балласта; на мебельной фабрике рабочие бережно укладывают на полуторку готовую продукцию; к швейной фабрике со станции только что пришли машины с технологическим оборудованием, а в банке идет выдача денег клиентам — кому на приобретение стройматериалов, кому для расчета с работниками за истекший месяц.

Сегодня же в одной из комнат исполкома заседает комиссия научных работников. Сразу несколько молодых геологов, склонившись над крупномасштабной картой, вырабатывают маршрут очередной исследовательской экспедиции. А вот за низким столиком у окна в другом исполкомовском кабинете, перебирая стопку бумажных листов, сидит филолог, а в данное время — переводчик, товарищ Шнайдер. Он перекладывает на идиш Конституцию СССР. (В данном случае будет точнее вести речь еще только о проекте Конституции СССР, поскольку сама она будет принята только в начале зимы того же 1936 года. От своего проекта же она, как извес-

тно, отличалась разве что датой опубликования — **прим. перев.**). Шнайдер переводит текст, который специальной почтой был доставлен сюда из Москвы с сопроводительным письмом, в котором были слова: «Данный текст предназначен для перевода на государственный язык Еврейской автономной области». В небольшом помещении, где работает товарищ Шнайдер, шумно и жарко, и его лысина усеяна капельками пота. Переводчик подолгу пристально рассматривает и оценивает каждое слово в русском тексте — ведь переведенный на идиш текст Конституции станет официальным и единственным подлинным документом для Еврейской автономной области. Документ этот, естественно, содержит в себе перечень краев и областей, входящих в состав РСФСР. Шнайдер пишет: «Пункт... В состав РСФСР входят следующие автономные республики... края... автономные области: Адыгейская, Еврейская...».

Шнайдер перестает писать, когда к его столу робко приблизилась какая-то девушка и положила перед ушедшим с головой в работу лингвистом лист бумаги. Кстати, до этого вошедшая в кабинет девушка уже несколько раз безуспешно старалась обратить на себя внимание переводчика, окликая его по фамилии:

— Товарищ Шнайдер... Ну товарищ Шнайдер!..

И когда означенный товарищ с недовольным видом наконец поворачивается к визитерше, та от смущения заливаясь краской и испуганно лепечет:

— Товарищ Гершман просил вас... Вы, пожалуйста, позвоните ему.

Товарищ Шнайдер берет со стола поданную ему бумагу, подносит ее чуть ли не к самому носу, близоруко сощурившись, в несколько секунд прочитывает адресованную ему депешу и, швырнув ее на стол, от возмущения аж подскакивает со стула:

— Ну сколько раз вам можно повторять, чтобы вы не лезли ко мне со всякими пустяками?!

— Ну что же я могла поделать, раз меня к вам послали?..

— Где тут у вас телефон? — выходит из-за стола до предела разгневанный товарищ Шнайдер и, подойдя к стене, начинает энергично накручивать рукоятку аппарата.

— Алло! Гершман, это опять ты? С добрым утром, с Новым годом! Сколько уж раз я тебе вдалбливал, чтобы ты напечатал свое меню раз и навсегда? Я что? Штатный переводчик твоего ресторана? Учти, это последний наш с тобой разговор. Ты понял?

С этими словами, повесив телефонную трубку, Шнайдер берет со стола присланную ему из ресторана бумагу и пишет напротив каждого названия блюд на русском языке их наименования на идише.

— Так, — бормочет он себе под нос. — «Суп» так и будет «суп». «Борщ» — это и по-нашему «борщ». «Бульон» — переводится как «юх». «Кисло-сладкое мясо» обозначим как «эсик-флэйш», ну или «роsl-флэйш».

А вот слово «пельмени» переводчика озадачивает. Он никак не может решить, как будут «пельмени» по-еврейски. Может, кнедлики? Нет, это по-чешски... Или «крэплэх»? Кныши? Варничкэс? Тоже не пойдет... Варенички? Вертуты? Да, есть и такое словечко, но у белорусов. В общем, ни первое, ни второе, ни третье... Немного в задумчивости помолчав, товарищ Шнайдер, махнув рукой, рядом со словом «пельмени» решительно пишет «перевод» этого слова еврейскими буквами: «пель-мени-эс».

— Вот так-то, реб Гершман! И уже не морочьте мне больше голову...

...В просторном, пока еще недостроенном цехе обозного завода во время обеденного перерыва собрались рабочие-строители. Идет собрание, на котором обсу-

дается проект Конституции СССР. Один за другим перед товарищами выступают еврей и русский, украинец и финн, латыш и китаец, кореец и гольд. Как оказывается, на возведении объектов завода трудятся представители 13-ти национальностей. И все они, несмотря на различие их языков, прекрасно понимают друг друга, ибо общаются между собой на универсальном языке — языке труда, и все они — граждане одной великой страны под названием Союз Советских Социалистических Республик.

...Сегодня сюда, в Биробиджан, приехали из Хабаровска два писателя: один уже известный на Дальнем Востоке поэт, другой — молодой драматург, и в не очень-то просторной комнате редакции областной газеты проходит их встреча с группой местных литераторов. Кстати будет заметить, что писательская организация автономной области как по числу ее членов, так и по их творческой квалификации не намного уступает профессиональному объединению писателей города Хабаровска. Поэт хабаровчанин — осанистый широкоплечий мужчина среднего роста — держится солидно как человек, знающий себе цену. Стоя перед слушателями, он время от времени поправляет рукой волнистые русые волосы, говорит басом, четко артикулируя каждое слово. Поэт подробно и обстоятельно рассказывает о работе городского отделения Союза писателей и о планах редколлегии литературного журнала, членом которой он является. Другой гость из Хабаровска, драматург — молодой человек в очках с густыми черными бровями вразлет — коротко поведал присутствующим о литературной жизни в Дальневосточном крае и, в частности, в Приморской области с центром во Владивостоке. Он, драматург, здесь в Биробиджане, да и в области, бывал уже не однажды. Правда, не в роли писателя, а в роли уполномоченного «Дальлеса» (т. е. Дальневосточного управления лесами). И вот он написал пьесу о Биробиджане, с текстом которой ему

хотелось бы ознакомить здешних писателей и выслушать их товарищеские мнения о своем произведении. Кроме того, автору пьесы перед ее чтением хотелось бы еще раз взглянуть на растущий город, а позднее вместе со всеми присутствующими побывать на приеме писателей в облисполкоме — приеме, который состоится в ближайшие часы.

...В вестибюле исполкома пришедших сюда на прием литераторов радушно встречает ответственный товарищ, к месту сказать, совсем недавно вступивший в должность одного из руководителей исполнительного комитета области. Пригласив писателей в свой кабинет, он садится к столу и начинает с воодушевлением рассказывать об области и ее настоящем дне. По словам хозяина кабинета, за короткое время пребывания в области он успел объездить всю ее территорию. На машинах и на лошадях, причем не только в бричках или просто на телегах, но и в седле. И должен сказать, что по-настоящему полюбил эти края. А чем ближе узнаешь эту землю, тем дороже она для тебя становится. Это всегда так и только так!

Сменив тему, руководитель рассказывает о прибытии в область новых и все более многочисленных партиях переселенцев, среди которых нередко встречаются люди образованные и интеллигентные, стремящиеся, как ему говорили, даже соперничать между собой за право остаться жить и работать на приамурской земле.

«В то же время, — продолжал рассказчик, — бывая на общих собраниях в некоторых колхозах, слышишь немало разных жалоб, обид и нареканий от членов сельхозартелей. Да, частенько претензии людей оправданы и справедливы. Но, случается, уже после собрания отведешь в сторонку одного-другого крикуна, начнешь уже спокойно расспрашивать его о его жизни где-нибудь то ли в Тальном, то ли в Охримове, то ли в каком-то другом подобном городке, тут обычно и выясняется: ну совсем

уж не от хорошей жизни уезжал человек из тех мест...»

Не обошел собеседник писательской аудитории и планы строительства в области. В частности, постройки жилья.

— На этом участке — если мы не хотим перебоев в переселении людей на Дальний Восток — нужно прежде всего иметь в достатке рабочие руки. А коль скоро рабочие не достает, как и кем эту нехватку восполнять? Только переселенцами. Ну хорошо, вот они к нам сюда прибыли. А где им жить?.. Земли здесь много. И хорошей земли. Область большая и богатая. К тому же сейчас идет речь о включении в границы области большого района на севере. Однако опять-таки люди нужны — люди, которые построят дома. Только разве сами-то их строители с семьями могут жить под деревьями?..

...Середина дня. В городских учреждениях — обеденный перерыв, и на узких мостках-тротуарах по обеим сторонам улицы снова царит оживление. В предполуденный час в городе принялся было накрапывать дождик, но быстро перестал. Сегодня тепло, даже жарко, и уже просохшие доски тротуаров выглядят так, как будто их помыли. И снова на улице встречи, оклики, короткие приветствия.

— Приходите обязательно. Заседание бюро — в семь.

— Ну, обустроились?.. Отлично.

— Когда уезжаете? Прямо сегодня? Что так?

— Кукольный театр организуем.

— Да ведь у нас же партдень сегодня...

— О, неужто это ты? — Я! — И откуда? — Из Хибиногорска! А Песя? — Тоже здесь. — А родители? — Приедут скоро. — Фаня как? — Скоро свой медицинский окончит, тоже приедет...

В большом новом ресторане, что неподалеку от театра, заняты уже все столики. И откуда бы здесь взялось

столько народу? В проходах снуют официантки в белых фартуках и белых чепчиках. На подносах «дымятся» горячие блюда. Хлопают пробки бутылок с боржоми и клюквенной водой, любители еврейской кухни, слышно, заказывают кисло-сладкое мясо по-домашнему, фаршированную рыбу, вареники.

В дальнем углу ресторана под звяканье тарелок, ложек и вилок, под звуки пока еще только настраиваемого оркестра громко беседуют двое: бывший переселенец из Америки, а в настоящее время директор одного из здешних предприятий товарищ Берг и подсевший к нему за столик молодой биробиджанский писатель. Писатель этот только сегодня вернулся из короткого вояжа по области, к которой он за несколько лет жизни здесь прикипел, как говорится, душой и сердцем. Да, он изъездил ее территорию, что называется, вдоль и поперек, передвигаясь на попутных машинах, на самолете, на лошадях, но чаще-то всего пешком... Быть в дороге, в пути, в движении стало для юноши делом обыденным, и он, кажется, не успокоится до тех пор, пока во второй, в третий или в десятый раз снова и снова не окажется то ли где-нибудь в глухом уголке тайги, то ли на переправе через порожистую речку, то ли на обрывистом склоне безымянной сопки, трогая руками каждый камень на пути к ее вершине, или, утоляя жажду, не зачерпнет пригоршню кристально чистой воды из каждого лесного ручья, не познакомится с каждым человеком, живущим в этом краю. На этот раз молодой человек возвратился с отдаленной лесосеки. Пеший переход туда и обратно оказался для него неожиданно тяжелым и утомительным и буквально вымотал парня. Вдобавок, уже возвращаясь домой, он поранил ногу. Однако вышел из тайги наш герой несказанно довольным своим визитом в лесную глушь. Многокилометровый путь, который он проделал, обогатил писателя таким обилием впечатлений, которые ни по числу, ни по яркости своей просто несо-

поставимы с теми, которые получает пассажир автомобиля или самолета. Какая — прямо-таки неповторимая — красота открывается здесь твоему взору буквально на каждом шагу!

Однако подсел писатель к Бергу вовсе не затем, чтобы рассказывать тому о своих дорожных впечатлениях. Говорить с директором он хотел бы совсем на иную тему. Нет, даже не говорить, а попросить руководителя предприятия в ближайшее время назначить ему встречу для пространной беседы. О чем разговор пойдет? А что вам ближе всего и что вас больше всего заботит и волнует, товарищ руководитель? Разве не дела на вашем предприятии? А для читателей нашего журнала, выпуск которого запланирован уже на следующий месяц, мой рассказ о вас и вашем заводе, уверяю вас, наверняка будет интересным...

Однако всегда жизнерадостный и по натуре покладистый товарищ Берг в ответ хмурит брови и, явно через силу улыбнувшись, бросает в ответ:

— Нет-нет, только не сейчас... Только не теперь...

Писатель настаивает:

— Да-да, я слышал, что на вашем заводе сейчас прорыв. Но нам что, номер журнала из-за этого отменять?

Берг недовольно в ответ:

— А у вас что, другого времени уже не будет? Или других дел нет?

Писатель, однако, человек настойчивый:

— Но вы поймите, — пытается он объяснить несговорчивому собеседнику, — журнал наш уже почти собран... мне перед ним теперь, выходит, в должниках оставаться?.. Ну, что?.. Жаль, товарищ Берг, просто очень жаль...

— Мне, представьте себе, тоже, но...

Все более чем понятно. Вот сидит молодой писатель, собирающий материалы для биробиджанского литературного журнала, а напротив него — можно сказать, кусочек живой истории Биробиджана — человек, могущий

поведать людям свою интереснейшую и поучительную биографию, человек, который в Америке прошел путь от высокооплачиваемого рабочего до безработного люмпена (кто не слышал о «великой депрессии» в США?). И вот Берг — в Биробиджане. Здесь он вступил в партию, здесь возглавил одно из предприятий области, став сознательным строителем социалистического Биробиджана. Ну а ко всему прочему Берг способен с неподражаемым колоритом и тонким юмором рассказывать о людях, о событиях и о себе самом. Так что согласись товарищ Берг поведать молодому писателю обо всем, что могло бы того заинтересовать, очерк о биробиджанце из Соединенных Штатов наверняка стал бы украшением следующего выпуска журнала. Однако ж есть то, что есть, и писателю волей-неволей намеченное интервью с директором приходится отложить до более подходящего времени.

— Только уж не забудьте, пожалуйста, товарищ Берг, что материал о вас и вашем заводе в план выпуска журнала уже «забит», так что...

...А вот еще один любопытный диалог, услышанный мною уже в парикмахерской, — разговор старшего мастера-парикмахера и молодого человека в юнгштурмовке (юнгштурмовка — куртка спортивного или полувоенного покроя — прим. перев.).

Старший мастер: Ты что себе думаешь? По-твоему, я должен парикмахерскую совсем закрыть?

Парень в юнгштурмовке: Да кто тебя ее закрывать заставляет?

Ст. м.: Что значит, кто заставляет? Если я останусь без людей, разве я не буду вынужден ее закрыть?

Юнг-шт.: Да кто у тебя твоих людей забирать собирается?

Ст. м.: Что значит «кто людей забирать собирается»? Обычно это делает Господь-бог... А ты со своими этими штучками их только от работы отрываешь.

Юнг-шт. (обиженно): Что значит «с этими штучками»? Физкультура это, по-твоему, «штучки»?

Ст. м.: Физульта-шмискультура... Это работа — если только занятие такое можно работой назвать — для маленьких мальчиков, а у меня план... Если мои мастера будут бегать и прыгать в одних трусиках, весь город будет ходить небритым и нестриженным. Хорошенькое дело!

Юнг-шт.: Н-да, вот и поговори с такими несознательными!

Ст. м.: А она, сознательность-то, видно, вся в тебя ушла...

Юнг-шт.: Ой, да ты хоть постыдился бы так говорить — люди ведь сидят слушают. Я целые дни на тренировках нашей команды провожу. Мы же сейчас к краевой олимпиаде готовимся, а он тут разглагольствует, понимаешь... Ты бы гордиться должен тем, что твои мастера будут защищать честь Еврейской автономной области в столице Дальневосточного края.

Ст. м.: Да, я буду даже очень этим гордиться, но кто в столице нашей области будет стричь людей?

Юнг — шт.: Да иди ты!.. Мне с такими, как ты, даже говорить не хочется.

Вечером приехавший в Биробиджан драматург читал в театре свою пьесу о нем же, о Биробиджане то есть. При этом автор, как бы «обрамляя» текст пьесы, старался некоторые сценические эпизоды еще и проигрывать, напевая то мелодии еврейских народных песен, то отрывки песен дальневосточных партизан.

Большинство собравшихся в зале культработников, актеров и просто любителей театра терпеливо прослушали текст пьесы до самого финала, а после высказали ряд критических замечаний о ее содержании. И, надо сказать, делали они это подчеркнуто тактично, не преминув отметить, что отдельные сцены и эпизоды «биробиджан-

ской» драмы можно без натяжек считать вполне удачными. Кто-то из выступивших посоветовал автору пьесы сократить в ней монологи нравоучительного характера и в целом быть ближе к жизненной правде: ведь строительство — это больше всего все-таки борьба и меньше всего — парад. Начинаящий драматург, внимательно выслушивая замечания, делал пометки в записной книжке, и хотя в своем заключительном слове он дал понять слушателям, что разделяет не все высказанные ими мнения, но в то же время благодарен за данные ему советы и обещал учесть пожелания биробиджанцев при окончательной доработке текста...

...В тот же вечер в переселенческом пункте шло многолюдное собрание. На него пришла группа переселенцев, вот уже несколько лет — граждан Еврейской автономной области, как они сами себя и называют. «Старожилы» по-простому, как говорится, с открытым сердцем рассказывают недавно прибывшим в Биробиджан людям о том, что они пережили, оказавшись на новом месте, и как они здесь обустроивали свое житье-бытье.

Первым выступал уже знакомый нам старый плотник Йосл Клейман, рассказавший о себе и о становлении своей артели. Вслед за Клейманом слово взял молодой стахановец Янкель Мильнер, за ним — механик из Аргентины. В числе гостей переселенческого пункта были украинка — одна из лучших работниц швейной фабрики — и рабочий-железнодорожник Василий Орлов.

А вот к столу, накрытому красной скатертью, подошел низенький чернявый еврей в шапке густых волос, заметно тронутых сединой. Обведя внимательным взглядом собравшихся, он начал:

— Вы все здесь — простые рабочие люди. Я тоже простой рабочий человек. Сапожник. И я хочу говорить с вами тоже просто и открыто.

Рассказ этого выступающего и правда производит такое впечатление, словно рассказчик беседует с близки-

ми ему людьми, сидя где-нибудь на лавочке во дворе собственного дома. О чем ведется речь? О том, как он, сапожник из местечка Тальное, в прошлом — партизан, решил однажды бросить сапожничать и поискать себе если не лучшей доли, то уж хотя бы сносного заработка. Но не случилось ему такого найти. Даже на самом краешке земли, в городе Керчи, где он, сапожник, вынужден был браться за любую работу, чтобы иметь хотя бы кусок хлеба. В той Керчи он и узнал о Еврейской автономной области. «Так это ж доброе дело! — решил про себя наш странник. — И уж, наверное, там наши евреи тоже ходят не босиком». Сюда, в Биробиджан, он отбыл уже из Тального, и не один, а с женой и двумя детьми — мальчиком пятнадцати лет и восемнадцатилетней дочерью.

Прибыв в Биробиджан, он тут же устроился на работу в артельной сапожной мастерской. Не стоит, конечно же, даже и говорить о том, что все и сразу у него уладилось и пошло как по маслу, нет. Однако же ни единого разу — даже в самое трудное время (а время такое здесь таки было, и не только у него одного!) — ему не приходила в голову мысль из Биробиджана уехать. Ведь он еврей, а земля эта отдана евреям, и значит, — он твердо уверен, — что все здесь обязательно будет хорошо... А тут как-то заболела у него дочка, серьезно заболела. И когда девушке стало совсем плохо, он, ее отец, отправился в облисполком к председателю и рассказал ему все как есть. Семье оказали материальную помощь. Стало немного легче. Но вот исполкомовские деньги кончились. Тогда — и что вы думаете? — его и тут не оставили в беде — начали выплачивать нуждающейся семье пособие, пока дочь наконец не выздоровела.

— Вот я вас и хочу спросить, — обратился оратор к присутствующим, — где и когда в прежние годы простой сапожник мог бы получить от властей помощь, если в его семействе, не дай Бог, кто-то заболел? Ну а сейчас и

сын, и дочь у меня уже работают. Она — на почте, он на телеграфиста выучился. Недавно обоим зарплату добавили. На жизнь вполне хватает. Вот вам пример того, как могут жить люди, которые приехали сюда не за длинным рублем, а, как говорится, по зову сердца. Будем добросовестно трудиться, и все у нас будет хорошо, — закончил свой рассказ «старожил» Биробиджана, уже отходя от стола.

После этого к столу подходили другие люди. Кто-то говорил, кто-то читал, а после этого по чьему-то предложению собравшиеся пели. Сначала прозвучала песня о золотой паве, ее сменила «По долинам и по взгорьям», а потом над широкой поляной из радиорупора, укрепленного на столбе, полилась маршевая музыка из самой Москвы. Зазвучал в этот час голос столицы и на улицах вечернего города, и в залитых электрическим светом домах, и в дальних таежных селениях на берегах Биры, Биджана и Амура.

Уже поздним вечером по приглашению старейшего переселенца Йосла Клеймана в его доме собрались родственники и друзья хозяина. В просторных трех комнатах многочисленным гостям было, правду сказать, даже тесновато. На вечеринку пришел секретарь областного комитета ВКП(б) и еще несколько товарищей из числа руководителей области и города. За столами звучали еврейские песни, песни партизан Гражданской войны и песни о Родине. Не обошлось без еврейских танцев и непременно фокстрота. Младший сын Клеймана, жизнерадостный и на удивление подвижный юноша, веселил публику, разыгрывая забавные сценки и демонстрируя фокусы не хуже профессионального артиста так, что все буквально валялись от хохота. Было у гостей Йосла Клеймана время послушать его рассказы о жизни до революции и жизни теперешней, когда он, строитель, только в свои шестьдесят лет благодаря советской власти впервые переступил порог собственного дома. Затем,

надев очки, Йосл попросил послушать, что написал недавно в своем письме домой его внук, недавно окончивший школу и вместе с другими выпускниками-одноклассниками отправившийся на экскурсию по стране. Письмо с московским штемпелем на конверте прямо-таки переполнено восторженными эпитетами: мальчика поразили панорамы столичных площадей и проспектов, необъятные шири и дали родной страны. Но по тону письма чувствовалось, что его автор с нетерпением ждет встречи со столицей, расположенной на иной географической долготе, нежели Москва, и отстоящей от нее на целых семь часовых поясов, — со столицей Еврейской автономной области. Вполне понятно: Биробиджан дал выпускнику школы-десятилетки, члену семьи простого плотника, достойное воспитание, открыл ему глаза на мир, показал верную дорогу к счастливой жизни.

...Так иногда случается — так случилось, пожалуй, впервые и в доме Клейманов. Гостям не хватило вина. Одному из них сообщили о возникшей «проблеме», и вскоре тот чуть ли не в самую полночь появился в доме хозяина застолья с десятком бутылок наливки. Через минуту-другую кто-то из гостей предложил выпить за великого вождя всех народов, дорогого и любимого товарища Сталина, потом пили за Еврейскую автономную область, за здоровье главы большого дома Йосла Клеймана и за благополучие всех собравшихся.

...В тесном помещенье типографии, чуть ли не всю площадь которого занимает ротатор, в этот поздний час товарищ Шнайдер вместе с корректором наконец закончили вычитку последней корректуры Конституции СССР, отпечатанной на идише. Из помещения они вышли уже за полночь. Над Биробиджаном расстилалось безгранично высокое небо — черный бархат, густо усыпанный бриллиантовыми кристаллами звезд и кружевами созвездий. А среди других прочих звездных россыпей виднее всего в безлунной ночи была единственная медведица в

Биробиджане — Большая Медведица. Чистый воздух свеж и даже прохладен. В ночной тишине громче и отчетливей, чем в дневные часы, слышны шаги идущих по доскам тротуара, а если остановиться и прислушаться, то непременно уловишь звучащие где-то вдали людские голоса и обрывки песни. Это, верно, с затянувшейся вечеринки у Клеймана расходятся по домам его гости.

...А в далекой-далекой Москве в это время еще день. И скоро на одном из столичных вокзалов опять объявят об отправлении поезда в восточном направлении, и в вагонах этого поезда будут сидеть евреи — мужчины и женщины с детьми, с мешками, чемоданами и прочей дорожной кладью. А на вопрос: «Куда вы едете, товарищи пассажиры?» — каждый из них, ни на секунду, ни на миг не задумываясь, ответит: «В Биробиджан!»

ПЕРВЫЙ ВЫЕЗД

ОПЫТНИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ. БИРОФЕЛЬД. БЛЮХЕРОВО

Вот маршрут, который мы выработали вместе со старожилом Биробиджана — уже упоминавшимся здесь мной ранее молодым еврейским писателем. От Биробиджана я еду сначала в Бирофельд. Там знакомлюсь с колхозом, с поселком (кстати, одним из населенных пунктов области, который первоначально планировалось сделать ее административным центром) и с опытнической станцией неподалеку от Бирофельда. Оттуда еду через Алексеевку в Блюхерово, там сажусь на пароход и двигаюсь по реке Амур в Сталинфельд — усадьбу Биробиджанского зерносовхоза; из Сталинфельда тем же водным путем — в Амурзет. А по дороге туда мне было бы интересно

заглянуть в село Благословенное (в корейский колхоз). Между прочим, недалеко оттуда проходит известная дорога для гужевого транспорта, которую строили еще каторжане, — «колесуха». Из Амурзета я — опять пароходом — еду дальше, в Пашково. Не так далеко от этой бывшей казачьей станицы — поселок золотоискателей Сутара. Из Пашково на телеге можно будет легко добраться до железнодорожной станции Облучье, что в сорока верстах от пашковской речной пристани. Облучье — последний населенный пункт на западной границе Еврейской автономной области. И как раз оттуда — уже поездом — я могу вернуться в Биробиджан, сделав остановку в Биракане (там добывают мрамор), дальше на пути у меня будет еще Кульдур (это курорт), непременно надо будет остановиться в Лондоко (известковый завод), а потом снова — в Биробиджан. Позднее мне, возможно, надо будет побывать в расположенных к востоку от Биробиджана таких географических пунктах области, как Смидович, Волочаевка, коммуна «Икор»...

Вот такой маршрут был нами разработан, и при первой же возможности я по нему и отправлюсь. Но прежде всего об этой самой возможности. Я было совсем уж собрался ехать в Бирофельд на почтовой машине, отправляющейся туда ранним утром, но нашелся один «добрый» человек из райпотребсоюза, который сказал мне:

— И чего вам трястись на этой почтарке, да еще и вставать ни свет ни заря? Как раз завтра наши машины тоже пойдут в Бирофельд. На любой доедете так, что лучше и не надо.

«Ладно, — подумал я. — Посему и быть». В общем, рано утром на почту я не пошел, а в девять часов, основательно подготовившись к началу своего путешествия, направился, как было условлено, к райпотребсоюзу. И что вы себе думаете? Вчерашнего доброжелателя моего в потребсоюзской конторке не оказалось, и о машинах,

которые должны пойти отсюда в Бирофельд, мне тоже никто ничего сказать не мог. Ну, вот разве что к обеду будет что-то об этом известно, сообщил мне кто-то из конторских.

Когда часа через два я снова пришел в потребсоюз, выяснилось: да, одна машина в Бирофельд таки пойдет, но разве что часа через два-три, не раньше. И если я хочу ехать, было сказано, то до отправления машины мне лучше где-нибудь здесь и подождать — так оно, мол, верней будет. Ну ждать так ждать — что тут поделаешь? На этот раз ценный для меня совет дал мне все же не кто-нибудь, а заведующий гаражом — главное лицо в автопарке конторы и сам, понятно, шофер — товарищ Левин. А уж если он что сказал, то так оно и будет...

И вот я сижу у въезда в левинский гараж на низкой табуретке и жду. Точнее так: не у въезда в гараж, а у дверей автомастерской, поскольку потребсоюзский гараж этот — не крытое помещение для грузовиков, а попросту отгороженный участок двора, который, говорят, после дождей превращается в настоящее болото, отчего машинам, поставленным в этот «гараж», бывает непросто с места сдвинуться.

Завгар, парень, по всему видно, расторопный, мне определенно понравился. На вид ему не больше тридцати, одет он в желтую рубашку, такого же цвета комбинезон, перехваченный в поясе узким кавказским ремешком с блестящими металлическими висюльками. На голове Левина — выдавшая виды казачья фуражка тоже с желтым околышем. Правда, сейчас одеяние заведующего больше коричневое: весь его комбинезон едва ли не сплошь в пятнах мазута. Завгар необыкновенно ловок и подвижен. А здесь, в гараже, он не только главный распорядитель, что не без видимого удовольствия сейчас мне демонстрирует, но, как кажется, и самый активный из работающих здесь. Ни на секунду не останавливаясь, он то что-то там к чему-то примеряет и прилаживает, то

насвистывая колдует над старой шиной, то переливает из ведра в канистру бензин, то помогает своему подчиненному, который возится с мотором грузовичка. И все это Левин проделывает быстро, с удивительной сноровкой, словно играючи.

Однако, как я, в общем-то, и предполагал, уехать мне в тот день все же не удалось. Но уже к вечеру я узнал об экскурсии учителей, собирающихся завтра утром ехать на опытническую станцию, и мне было нетрудно получить согласие к числу экскурсантов на следующий день присоединиться. Правда, покинули мы Биробиджан после невероятно долгих сборов.

На опытническую станцию мы ехали дорогой, по которой ехали к месту назначения самые первые еврей-переселенцы. Только добирались они тогда к тому месту целыми сутками. Теперь все совсем иначе: от самого берега реки Биры начинается отсыпанная и достаточно хорошо наезженная дорога до самого Бирофельда. А вся дорога в том направлении (ее протяженность 140 километров) соединяет город Биробиджан и село на берегу Амура под названием Блюхерово. Через реку Биру, через которую еще как будто совсем недавно переправляли гужевой и автомобильный транспорт паромщики-корейцы, уже переброшен довольно прочный бревенчатый мост, так что машина буквально перелетает по его настилу, а чуть дальше набирает разгон, чтобы без лишних хлопот одолеть крутой подъем. День сегодня выдался прямо на редкость погожим. В небе — ни единого облачка, а уже высоко поднявшееся солнце пышет полуденным жаром. Но машина наша движется ходко, и встречный ветерок не дает нам в полной мере ощутить «прелести» летнего зноя. К тому же грузовик идет по подножиям сопок, под тенью леса, с обеих сторон вплотную подступающего к дороге. И видели бы вы, какие потрясающе живописные панорамы открываются взору едва ли не на каждом километре этой дороги через тайгу! Иной раз

прямо-таки сердце замрет при созерцании дикой красоты, невиданно-щедрого обилия цветов, красок и причудливых очертаний всего сущего и окружающего тебя в дальнем этом краю. Вот она какая, Еврейская область наша!.. Мы сидим в грузовике, поперек кузова которого в качестве скамеек для пассажиров уложены ряды досок, и как только дорога идет на подъем, доски сами собой съезжают к заднему борту кузова, плотно прижимая всех нас друг к другу, а когда машина с бешеной скоростью мчится под гору, доски вместе с пассажирами снова плотно сбиваются одна к другой и опять плотно стискивают сидящих, что, впрочем, служит еще одной причиной общего приподнятого настроения. Встречный ветер напитан пьянящими запахами леса, трав и цветов, сквозь пестрые россыпи которых, кажется, и прокладывалась наша дорога. Но забавно наблюдать, как шальной ветер-ветерок «поступает» с легкими соломенными шляпками нескольких наших попутчиц.

...Между тем дорога, выйдя из окружения сопок, дальше пролегает по равнине, опоясанной гигантской цепью лесистых гор — светло-зеленых вблизи, но по мере удаленности неуловимо меняющих окраску на зелено-голубую, сиреневую, дымчато-голубую, далеко-далеко сливающуюся с небом и уже не отличимую от него. Тем временем высоко над землей, как будто бы совсем из ничего, появилось округлое белое облачко, рядом с ним «вспыхнуло» другое, третье, и вот уже распластались и потянулись по просторной низине облачные тени...

Кругом — ни малейших признаков жилья, зеленая пустыня, безлюдье. Правда, несколько раньше, на 22-м километре, поодаль от шоссе мы заметили какое-то движение. Судя по всему, на «чистине» (местное название просторных лесных полян) работали косари. Чуть дальше наше внимание привлек дым костра, почти отвесно поднимающийся над вершинами елей: скорее всего, где-то рядом трудились лесорубы. Но после этого, на протя-

жении трех десятков километров дороги, единственным свидетельством «обитаемости» этой местности стала для нас встречная трехтонка, с протяжным сигналом разминувшаяся с нашим грузовиком и тут же исчезнувшая в густом клубе пыли.

Но вот впереди, буквально в чистом поле, перед нами возникают строения, ряд объемистых белых цистерн, несколько тракторов подле дороги, кучка людей. Все это вместе обозначает месторасположение Бирофельдской машинно-тракторной станции. Но мы едем сейчас не в Бирофельд, и, круто повернув баранку вправо, водитель наш сворачивает с накатанной дороги на ухабистую и порядком размытую грунтовку. Едем мы на опытническую станцию, и теперь уже не машина «главенствует» над дорогой, а дорога «руководит» движением машины. Разлившиеся ручьи, рытвины, расшатанные мосточки — препятствия, которые, как говорится, ни обойти ни объехать, — здесь на каждом шагу, так что мужчинам приходится несколько раз покидать кузов, занимать места позади и с боков машины, чтобы на «раз-два-взяли!» помочь ей в очередной раз сдвинуться с места. Работа, должен признаться, не из самых приятных... В общем, прошло немало времени, прежде чем мы издали увидели на склоне невеликой сопочки домики опытнической станции. Но вот чего стоило нам оказаться на ней самой! Ведь куда стекает вода со склонов сопки? Правильно: к подножию этих сопки и надолго здесь застаивается. Так что, пожалуй, нетрудно будет представить, как мы преодолевали подступы к цели нашего путешествия, чтобы оказаться на относительно удобной для проезда улочке станции.

Уф-ф, наконец-то!..

Биробиджанская опытническая станция — это с десяток домиков, как уже было сказано, на склоне небольшой возвышенности и еще несколько невеликих строений, расположенных слева от единственной и «главной»

улицы селения и перпендикулярно ей. Все это вместе выглядит, как хутор или фольварк, и представляет собой что-то вроде малого островка в безбрежном пространстве зеленой равнины. При всем этом, как и любой полноценный населенный пункт, станция располагает столовой, магазином и школой, в которой обучается тридцать учеников. Станционный поселок — селение, конечно, своеобразное. Прежде всего, в целом это научное учреждение, и все, кто в поселке живет, либо сам работает в этом учреждении, либо обслуживает работающих в нем.

...Наскоро помывшись с дороги возле сорокаметровой глубины колодца в самом центре поселка, начинаем знакомиться со станцией, с ее сотрудниками и их работой. Сначала мы побывали у директора станции, бывшего переселенца, члена партии, который получил специальность агронома уже здесь, на Дальнем Востоке, и с одним из агрономов — специалистом в области садоводства. Вскоре мы собираемся в небольшой комнате учрежденческой конторы, за столом в роли лектора — сам этот агроном-садовод, подробно и обстоятельно рассказывающий нам о работе станции. Рассказчик — молодой человек, прибывший сюда из местечка в Белоруссии. Окончив сельскохозяйственный институт в Витебске, он сразу же поехал работать в Биробиджан. Здесь, на приамурской земле, молодой специалист рассчитывает вывести новые сорта фруктов, о чем говорит с особым увлечением. Достаточно полное представление садовод-селекционер имеет и о работе всего коллектива станции.

Какая же работа ведется на опытной станции? Первостепенное внимание ее ученые уделяют вопросам почвоведения, то есть изучению степеней пригодности здешних сплошь целинных земель для выращивания различных сельскохозяйственных культур, а также отбору таких видов зерновых культур (пшеницы, овса, сои и т. п.), которые могут лучше всего расти и развиваться в

местных условиях. Не на последнем месте здесь и селекция. К примеру, сейчас ученые станции ставят перед собой задачу вывести сорт сои с высоким стеблем. Дело в том, что растения этой культуры низкорослые и потому почти не поддаются уборке комбайнами, так что немалая часть ее урожая попросту теряется. Должное внимание уделяют научные работники станции и фитопатологии — иначе говоря, «медицине растений» (растения тоже страдают разными болезнями, а здесь, в Приамурье, — болезнями, чаще всего вызываемыми высокой влажностью почв) и физиологии растений вообще. Еще одно направление научной деятельности сотрудников станции — выращивание кормовых трав и выработка рекомендаций по их заготовке. Мы, например, узнали, что опоздание с заготовкой сена может снизить его питательную ценность в 3-4 раза. На опытных делянках станции высеваются семена вики, клевера, тимофеевки. Однако при всем при этом главным делом ученых агрономов является все же садоводство.

Наряду со специфическими научными исследованиями сотрудники станции активно внедряют результаты своей работы в практику местного земледелия. Они подробно рассказывают переселенцам, что и как сеять, как ухаживать за посевами и посадками, как убирать урожай. С этой целью на станции в зимнее время проводятся курсы для бригадиров-полеводов, и к настоящему времени почти все они, включая руководителей колхозных хат-лабораторий области, прошли обучение на этих курсах. Кроме всего прочего, агрономы станции часто выезжают в села, чтобы проконтролировать, как земледельцы выполняют советы и рекомендации специалистов. К сказанному стоит добавить, что и колхозники нередко обращаются за помощью к ученым или наведываются на их «хутор» с экскурсиями.

Педагоги-экскурсанты после осмотра опытных делянок, теплицы и небольшой пасеки на противоположном

склоне «станционной» сопочки отбыли ближе к вечеру в Биробиджан, а я, продолжив более «подробное» знакомство с научным учреждением и его людьми, остался в поселочке на ночлег. Утром до Бирофельда меня подбросил на машине сам директор опытнической станции. По дороге он показал мне, где здесь будет проложена железная дорога, которая свяжет Биробиджан и Амурзет, а недалеко отсюда же, возле речки под названием Бирушка, появятся полустанок с разъездом. Ну и легко себе представить, как железнодорожный путь со временем оживит эти места.

...Бирофельд — это, разумеется, одно село. Но я увидел на его месте два селения — старый Бирофельд и новый Бирофельд. Правда, оба они изрядно друг с другом перемешаны. Да, соседство старого и нового здесь прямо-таки бросается в глаза. Старый Бирофельд — одно из типичных сел, возникших в этих краях еще в прошлом веке, — кучки ветхих запущенных домишек с подслеповатыми оконцами и обшарпанными кровлями, но тут же, чуть ли не вплотную к этим избам, — светлыми, аккуратными домами-кубиками прорастает Бирофельд новый. Радуют глаз и высокие, правда, еще не достроенные дома, двумя ровными пунктирными линиями протянувшиеся по обеим сторонам главной улицы села. Над дверью одной из небольших и довольно невзрачных изб вижу выгоревший красный флаг и вывеску: «Бирофельдский сельский совет». Сразу же за этой избой поднимается «коробка» нового помещения, куда, как мне сообщили, вскоре и переселится сельская власть. Точь-в-точь в таком же положении — школа. Позднее я узнал, что в нынешнем году в Бирофельде было запланировано построить целых полторы сотни домов, однако, судя по всему, выполнение такого плана — под большим вопросом. Но начало застройке нового Бирофельда положено, что видно не только по облику села, но и по настрою, и по лицам его жителей — большей частью евреев-пересе-

ленцев.

Спустя некоторое время я в сопровождении местного учителя прошелся по селу, осмотрел школу, состоящую пока что из нескольких не очень просторных комнат, приспособленных под учебные классы.

Супруга моего «экскурсовода» — тоже учительница. Оба они и ведут начальные классы, оба молодые, оба недавно окончили педтехникум и мечтают образование продолжить. Здесь, в селе, они обустроились как будто неплохо: имеют небольшой огород, держат кур, поросят.

Вместе с председателем сельсовета — высоким молодым блондином, бывшим сотрудником милиции города Днепропетровска — идем к другому председателю — главе местного колхоза. О нем, то есть о руководителе здешней сельхозартели, я был наслышан, еще будучи в Биробиджане. Рассказывали, что человек этот — прекрасный работник. Прежде он возглавлял колхоз в Амурзете и со своими обязанностями справлялся превосходно. По этой причине его не так давно и перебросили в отстающий бирофельдский колхоз на председательскую должность или, как принято в таких случаях выражаться, «на укрепление». Говорят, что новый «пред» взялся за дело так крепко.

С колхозным председателем мы встретились уже ближе к вечеру неподалеку от его дома, у колодца. Подхватив ведра с водой, хозяин дома кивком приглашает нас в гости. Председательский дом — две просторные комнаты, кухня. В семье — двое маленьких детей, жена, старик-тесть. Мы, нечаянные гости, в доме особо засиживаться не стали: вот-вот должно начаться расширенное совещание сельисполкома, куда я вместе с обоими председателями и поспешил.

В небольшом помещении, уже заполненном людьми, ко мне подошел знакомый — заместитель председателя Биробиджанского горисполкома, приехавший в Биро-

фельд в качестве уполномоченного на время сеноуборки (в здешнем колхозе в последние дни на сенокосе наметилось отставание). В числе пришедших на совещание увидел я и еще одного знакомого мне «по Биробиджану» человека — директора здешней МТС. Здесь же мне представили длинноносую блондинку — главврача местной больницы, немку с Поволжья. Недавняя выпускница Саратовского медицинского института, девушка была распределена в Дальневосточный край, а из крайздра-вотдела, из Хабаровска, ее направили на работу сюда, в Еврейскую область.

В крохотном сельсоветском зальчике тесно, и тем, кто явился на совещание только что, приходится стоять вдоль стен, в дверях и даже снаружи дома — перед распахнутыми окнами. Заметно темнеет, кто-то зажег на столе президиума керосиновую лампу. Стекло лампы-десятилетнейки треснуто, она страшно коптит, но сейчас, за горячими дебатами, этого никто даже не замечает: выступающие — кто обиженно, кто сердито — говорят о сбоях в ходе полевых работ, о темпах строительства, где дела также обстоят не лучшим образом, о недостатках в снабжении детского сада, о нехватке рабочих рук на прополке картофеля и, наконец, о тех же сенозаготовках...

Одна из выступавших, учительница, бросила серьезный упрек в адрес директора МТС, который не оказывает должной помощи сельской школе. Любопытно то, что директор МТС — муж учительницы.

Нешадно коптит лампа, в воздухе виснет густой махорочный дым. Он смешивается с керосиновой копотью и запахом разгоряченных тел... Совещание явно затянулось, но в конечном счете на нем были намечены как будто вполне конкретные меры по устранению целого перечня разных просчетов и недостатков. Заседавшие расходились по домам поздно, когда все вокруг буквально тонуло в чернильной тьме, и только далеко-далеко на западном краешке горизонта узкой полоской лежал тус-

клый отсвет вечерней зари.

На ночлег меня позвал к себе богатырского сложения парень — еврей с чисто украинской фамилией. А познакомились мы с ним — как-то так оно само собой вышло — совершенно случайно, теперь я в точности даже не припомню, как... Если бы мы от сельсовета шли к дому моего нового знакомого днем, дорога показалась бы мне, конечно, гораздо короче, чем в полной темноте. Не лишним будет добавить, что дом, где мне было предложено заночевать, стоял самым последним в ряду других, фактически на опушке леса. Стараясь шагать за «проводником» след в след, я все же не раз чувствовал под ногами скользкую грязь. Шли мы медленно и долго, так что у спутника моего было достаточно времени, чтобы поведать мне в общем-то типичную для новоселов этого края историю жизни. Впрочем, рассказ этого человека был не связным рассказом в полном смысле этого слова, а скорее неспешным размышлением вслух. Случайный мой знакомый родился в городе Николаеве, в семье портового грузчика. Рано уйдя из жизни, тот оставил овдовевшую супругу с пятью детьми. Старшим из них был шестнадцатилетний Наум. Не умевший ни читать, ни писать, не имевший профессии, будучи, однако ж, юношей крепкого сложения, он пришел в порт на место отца. Но сколько он мог тогда заработать на том месте?

Скорые перемены в жизни парня начались с приходом советской власти — «самой правильной», по выражению моего спутника, власти. Разве не благодаря именно ей он, еврей-чернорабочий, через три года стал в городе — можете себе представить! — инструктором по ликвидации безграмотности и сделал все от него зависящее, чтобы приобщить к образованию своих младших. Сейчас один из братьев Наума — курсант военного училища в Москве, двое других — близнецы — окончили техникум, сестренка — студентка медицинского института. Жаль, у самого у него не получилось учиться дальше. Хотя, если

разобраться, он здесь, в своем селе, сейчас тоже человек не из последних. Председатель кооператива он здесь как-никак, и на балансе у него числятся ой какие средства. Не каждому могут доверить столько-то...

Несколько удивил меня вопрос, с которым обратился ко мне Наум: не знакома ли мне фамилия его родственника, точнее — его племянника? Тот, мол, тоже, вот как и я, пишет и печатает стихи. Хотя Наум знает точно, что племянш-то его работает в Николаеве на заводе имени Хосе Марти. Ну и как же оно так получается — заводской рабочий и стихи сочиняет?

Жилище моего гостеприимного хозяина — просторная комната с большой русской печью. В семье — жена и ребенок, совсем еще кроха. Меня Наум представил жене чуть ли не как своего родственника, а за ужином в разговоре со мной продолжал рассказ о себе: о том, как по приезде сюда, в Бирофельд, он стал ударником труда, как его, авторитетного работника, позже выдвинули на должность председателя кооператива, и как он, поехав однажды по делам в Житомир, привез оттуда свою молодую жену. Живут они материально неплохо, правда, жинка иной раз, бывает, на скуку пожалуется: мол, ни клуба здесь, ни кино нет. Да, это так. Зато землищи тут сколько! А рыбы в реках!.. А леса здесь какие!.. Только живи и трудись. Так что со временем и клубы здесь появятся, и кино будут крутить...

— Мы городским нисколько не завидуем, — подводит итог своему рассказу Наум. — Роза у меня молодец: и корову доить научилась, и за чушками ухаживать, огород тоже на ней. А уж готовит жинка, сами видите, просто отменно. Теперь вот еще и сынка мне растит...

Утро следующего дня блистало солнцем и переливалось тысячами ослепительно ярких огоньков росы. Молодая хозяйка уже подоила и проводила в стадо корову, управилась в сарайчике с беспокойными поросятами, накормила грудью ребенка. После завтрака я по-

прощался с гостеприимными хозяевами, получив от Наума в подарок пару новых резиновых сапог («У нас тут без них... Ну сами знаете...»).

Дорога к центру села при свете дня показалась мне чуть ли не в два раза короче, чем вечером накануне. И вот я уже сижу в салоне зеленого биробиджанского автобуса, спереди к нам медленно приближается округлая сопка, которую здесь почему-то называют «Бомбой». Солнце поднимается все выше, дорога ведет все дальше и дальше — туда, где зеленую равнину отграничивает от неба волнистая лента голубеющих сопок.

В автобусе кроме нас, двух «бирофельдских» пассажиров, — меня и молодого человека в сером костюме, девушки-кондуктора, четвертым едет молчаливый китаец. Молодой человек, только что довольно долго прощавшийся на остановке с пожилым евреем, возможно, родственником, несколько взволнован и явно хочет с кем-нибудь пообщаться. Почему бы не скрасить дорогу беседой и мне? Знакомимся, тут же выясняется, что новый спутник мой уже не только наслышан обо мне, но даже читал кое-что из написанного мной. Сам он едет, как выражались прежде, «по казенной надобности», и его маршрут — представьте — в точности совпадает с моим. Молодой человек — работник «Дальбанка», цель его поездки — проконтролировать ход дел на строительных объектах области, финансируемых его учреждением. Ревизор живет в Биробиджане уже второй год, но в районах ни разу не бывал, так что все увиденное им в дороге кажется ему, «конторскому сидельцу», необычным и удивительным. Например, в Бирофельде глубокое впечатление произвел на него человек, с которым он так тепло прощался перед посадкой в автобус:

— О, вы даже не представляете, какой это человек! Это ну просто настоящий Тевье-молочник... Жаль, вы с ним не поговорили. Сейчас редко встретишь таких, как он. Прямо кладезь мудрости — иначе не скажешь...

Между тем наш автобус уже миновал соседствующее с Бирофельдом село Алексеевку, где к нам присоединились новые пассажиры — еще один китаец и молодая еврейка с ребенком на руках. Женщине надо в Блюхерово. Но села она в автобус не сразу, а, попросив кондукторшу подержать ребенка, побежала за багажом, который оставила на крылечке за ближним к дороге домом: вдруг, дескать, автобуса на Блюхерово сегодня не будет... Однако проходит минута, две, пять, вот уже и четверть часа миновало — из-за ближнего дома никто не показывается. Мы уж было собрались ехать, поручив годовалую Машу кому-нибудь из прохожих, — матери-то ее все нет и нет... Но вот наконец-то она появляется. Вспотевшая, растрепанная, с наброшенным на плечи потрепанным красным одеялом и туго набитым мешком за плечами... Уже на выезде из Алексеевки выслушиваем историю нашей новой попутчицы. В Биро-Биджанском районе она с 28-го года. Работала в колхозе. Вышла замуж за местного парня, тракториста, и все у них складывалось хорошо. Но вот как-то муж пришел с работы, прилег немного отдохнуть, заснул и вот уже месяца два — подумать только! — так вот и спит... И осталась она — ни жена, ни вдова — одна с малым дитем на руках. Как на работу ходить? Работают-то на селе не по часам — по солнышку. А детяслей в Алексеевке нет. Поехала она вот так же с ребенком в Биробиджан, в исполком, где ей дали письмо в Амурзет к ихнему начальству. И в бумаге той написано, чтобы заявительницу приняли там в колхоз, а ребенка ее устроили в ясли. В Амурзете этом ясли, она узнавала, есть. В новом колхозе работа ей, конечно, найдется, а со временем, даст Бог, и муж поправится. При этом женщина не поленилась облизполкомовскую бумагу из мешка достать и показать нам: смотрите-де, все так, как я вам и рассказала.

Тем временем лесистые сопки, отодвинувшись далеко-далеко к горизонту, остались позади нас, и за окнами

автобуса во всю ширь распахнулась панорама приамурской равнины. По обеим сторонам дороги — зеленое море буйно цветущих высоких трав. Насколько же плодородна эта земля! Но от века не тронутая плугом, щедро отдает она всю свою плодородную силу зарослям дикой травы, способной с головой и пешего спрятать, и даже всадника укрыть. На этом участке пути мы сделали несколько коротких остановок, чтобы, как говорится, перевести дух и полюбоваться красотой открывающихся нам буквально с каждого поворота дороги видов. Глубокая синева небес, ветер, гуляющий по зеленым волнам цветущих трав, неумолчная перекличка птичьих голосов, журчание ручья меж корней тальника... В каком же веке остановилось здесь время?..

Но вот к нашей дороге опять все ближе подступают горы. Мы где-то уже недалеко от Амура, а за запыленными квадратами автобусных стекол показываются то выкошенная луговина, то ровная полоса пашни, покрытая зеленым бархатом всходов. Через несколько минут наш автобус движется уже по сельской улице. В поле нашего зрения — десятка два домиков, перегородившая неглубокую речку плотина водяной мельницы, лежащие на самой середине дороги коровы. Это украинское село Чурки, в самом центре которого мы и вынуждены были остановиться из-за этих коров. Автомобильные сигналы — и протяжные, и отрывистые — на животных не производят решительно никакого впечатления, и водителю приходится покинуть кабину, чтобы освободить проезд с помощью «подручного» средства. Мы, пассажиры автобуса, чувствуем себя несколько утомленными и, кажется, никто из нас не против немного перекусить. В надежде эту «проблему» решить, просим шофера остановиться возле ближайшей избы: авось нам с моим новым знакомым удастся раздобыть у ее хозяев хотя бы буханку хлеба. На наш стук в калитку на крылечко вышли две женщины — старая и молодая, которые, успокоив

рвущегося с цепи пестрого пса, любезно предложили нам войти «у хату». Усадив нас за стол, младшая хозяйка поставила перед нами глиняный кувшинчик молока, плоскую мисочку меда, нарезала хлеба. Вторая настезь распахнула окно, выходящее в довольно просторный внутренний двор позади избы. В дальнем углу двора в тени забора возлежала огромная свинья, подле бродили куры и утки, бдительный гусак охранял двух своих подруг с выводками «одуванчикового» цвета. Внутри просторного дома все выглядело так, как будто мы по какому-то волшебству очутились где-нибудь на Полтавщине: расписанная цветами и узорами печь, расшитые полотенца-рушники, с раннего детства знакомые нам обоим напевные звуки речи...

БЛЮХЕРОВО

Мой жизнерадостный попутчик, который, кажется, и глухонемого способен разговорить, по всему несколько удивлен увиденным, то есть хорошо знакомым ему будничным укладом жизни на Украине, заводит беседу со старшей хозяйкой дома. Выясняется, что она, как и товарищ мой, родом с Днепропетровщины, что будучи еще молодой, приехала она в эти края с большой группой селян-украинцев в тысяча девятьсот девятом году, то бишь двадцать семь лет назад. Преодолев немыслимой длины путь от Днепра до Амура, они и оказались на месте нынешнего села у подножия вот этих сопок. Здесь им было сказано: «Вот вам лес — стройте себе дома. Вот вам земля — пашите и сейте». Так вот и появилась у безымянной каменистой речки деревня Чурки. Мужа хозяйки в живых уже нет. А был он на селе первейшим ковалем, смалочку приохотив к кузнечному делу и сына. Сын, служа в Красной Армии, выучился на шофера и тракториста. Недавно его выбрали председателем колхоза, и теперь от зари до зари он все на работе да на работе... Сама же

бабуся — бывает же так! — за все двадцать семь лет даже в Блюхерове ни разу не была. Про то, что новый город где-то на железной дороге строят, знает — от людей слышала и хотела бы в тот Биробиджан одну свою родственницу свозить — расхворалась девка не на шутку, а в городе, говорят, добрые доктора есть. Да вот собраться поехать до них все как-то не получается...

Наскоро пообедав, снова занимаем места в автобусе. На переднем сиденье видим еще не знакомую нам женщину. На голове ее — цветастый платок-полушалок, на лице — сурово-отчужденное выражение. До самого конца дороги пассажирка из Чурков не проронила ни слова. Через каких-то полчаса мы подъехали в Блюхерове к высокому деревянному зданию с широким крыльцом, над которым укреплен щит с надписью: «Исполнительный комитет Блюхеровского районного Совета депутатов трудящихся».

Председатель райисполкома — сибиряк, в 1928 году прибывший на Дальний Восток в качестве работника переселенческого отдела и сам ставший здесь одним из первых евреев-новоселов. Об этом мы узнали от него самого позже, а в день нашего приезда в Блюхерово мы предРИКа на месте не застали. Оставив свои дорожные вещи в председательском кабинете, который открыл для нас прораб, руководящий строительством районной больницы, мы вместе с ним и оправились на его стройплощадку. Идем мы по берегу широченной реки, после недавних дождей залившей мутной коричневой водой прибрежные тальники.

По всей стройплощадке в беспорядке валяются доски, жерди, бревна, здесь же мы видим установку «Козлес» — раму для роспуска кругляка на доски с помощью продольной ручной пилы, рядом работает и циркулярка. Судя по всему, сооружение больничного корпуса движется ни шатко ни валко. Да и как можно ускорить работу, если на стройке до сих пор нет такой мелочи,

как пакля? Так что вместо нее бревна сруба здесь пере-
кладывают войлоком, а кое-где и мхом. Мой «банкир»,
видя все это, не мог не возмутиться. Прораб же спокой-
но парирует претензии в свой адрес:

— Ну а если эту паклю не подвезли, мне что — строи-
тельство теперь останавливать?

— Но у вас же в смете пакля стоит... И как мы потом
будем утверждать вам расходы?

— И что же мне теперь делать прикажете?!

Центральные улицы Блюхерова — ровные ряды креп-
ких домов. Некоторые обиты оцинкованной жстью. Это
бывшие дома кулаков, привозивших жсть из Китая. Ну
а «металлические» фасады домов не только украшают
их, но и защищают дерево от сырости. На сельских ули-
цах — лужи и грязь, правда, по бокам каждой улицы
натоптаны относительно сухие тропинки. В комендату-
ре, куда мы пришли за разрешениями на пребывание в
приграничной зоне, нас приняли довольно вежливо, и
хотя коменданта на месте не было, нужные бумаги с
печатами мы получили без проволочек. Оформив доку-
менты, направляемся в столовую, которая стоит здесь на
самом берегу реки, недалеко от небольшой пристани, и,
наскоро пообедав, возвращаемся в райисполком, куда
уже вернулся и его председатель. После короткого зна-
комства с главой района вместе с ним направляемся в
переселенческий колхоз имени Лейзера Кагановича.
Председатель колхоза, как оказалось, тоже из сибиря-
ков. Худощавый, рыжеволосый, в полувоенном кителе,
он даже при разговоре почти не выпускает изо рта труб-
ку.

— Должен вам сказать, что председателем я здесь без
году неделя как, — неспешно повествует предколхоза. —
До этого работал, а если точнее сказать, служил в систе-
ме под названием «Военторг». Слыхали о таком? При
Военторге было небольшое подсобное хозяйство, кото-
рым я, так сказать, и командовал. А когда то хозяйство

из подчинения армейских вывели, все его имущество было передано только что организованному колхозу — колхозу переселенческому. А в нем — один скрипач, другой резник, а третий и вовсе не пойми кто... Так меня с бывшим моим подсобным этим людям и передали...

Колхоз имени Кагановича — в полутора километрах от Блюхерова — объединяет ровным счетом десять семей. Но нагрузка у них — каждому за двоих работать надо. Одна свиноферма чего стоит! С нее мы и начали нашу «экскурсию» по хозяйству. Помещение свинарника-маточника нас прямо-таки поразило чистотой. Каждое животное находится в отдельной клетке, побеленной снаружи и внутри. Слева — клетки для супоросных свинок, справа — для свиней с потомством. Одну такую важную мамашу нам представили особо: в прошлом году она поставила рекорд — принесла сразу аж 17 здоровых розовых «визгунчиков». К сожалению, при этом она забыла, что располагает всего двенадцатью «действующими» сосцами, так что пятерых хрюшечек закололи. Хотя произошло это по незнанию тогда еще малоопытных работников — ведь в том же свинарнике есть клетка, в которой содержатся сейчас несколько поросят без матери. По этому поводу нам и рассказали о матке, которая оказалась настоящей свиньей: она сожрала трех своих новорожденных деток. Остальных удалось спасти, ненормальную свинью прирезали, а оставшихся в живых ее детенышей выкармливают из соски.

Все поголовье колхозных свиней обслуживают две девушки и парень, а всей животноводческой фермой заведует высокий до черноты загоревший мужчина с высоко закатанными рукавами рубахи. Он выводит нас из свинарника, чтобы показать хлев для крупного рогатого скота. Коровы сейчас на пастбище, а телятки вот они — разномастные, но чистенькие и ухоженные. Есть в колхозе несколько лошадей, два трактора — без хлеба люди зимой точно не останутся. Имеется у «каганович-

ских» и довольно большой огород — огород общий. Кроме того люди обрабатывают земельные участки возле домов. И вот одно из моих наблюдений: каждый огород — зримая и непредвзятая характеристика своего хозяина. Смотришь и видишь: вот этот участок принадлежит человеку трудолюбивому, а тот явно достался лодырю и неумехе. Вот, например, огородик семьи завфермой: и рядки, и грядки — все как по линейке, кусты картофеля будто зеленые букеты стоят, нигде ни сорняка, ни соринки — любо посмотреть. Тут хозяев богатый урожай ждет... А вот огород рядом — совершенно другая картина: из-за лебеды и полыни земли не видать, где что посажено-посеяно — не разберешь. Вот и думаешь: то ли хозяин этого участка по самое горло на колхозных полях так уж занят, что до своих картошки-морковки у него руки не доходят, то ли ему с выбором жены, а заодно и тещи больно не повезло...

Заходили мы и в жилища здешних колхозников. Большая часть домов построена недавно, что, в общем-то, нетрудно заметить по разным недоделкам. Ну и очевидно никому не надо объяснять, что такое барак. Правда, в колхозе имени Кагановича строения барачного типа рассчитаны на проживание всего двух или трех семей. Только, как оно водится, близкое соседство нередко служит причиной для разного рода споров-раздоров, а то и серьезных стычек жильцов. У женщин накопилось немало претензий к председателю, а еще больше — к бригадиру-полеводу. Он — еврей-переселенец из Крыма, человек, неплохо знающий дело, и поэтому предколхоза во всем на него полагается, а тот, глядь, уже и возомнил себя здесь полновластным хозяином: трудодни пишет как кому захочет. А председателю что? Ему лишь бы приехать сюда из Блюхерова раз-два в неделю да поорать да покомандовать: «Шарманщики! — кричит. — Лодыри!». Кто чуть приболел, для него уже лентяй. Кто как работает, он не знает и знать не желает. А чтоб

он хоть кому-то доброе слово сказал...

В «Кагановиче» работают в основном люди молодого возраста, а то и совсем молодые, и в семьях у них у кого один, у кого два ребенка. Но решительно никакой — ни общественно-политической, ни культмассовой работы в колхозе не наблюдается. Нигде мы не видели ни книг, ни даже газет. Агроном из райзо (районного земельного отдела — **прим. перев.**), с которым мы почти случайно столкнулись в колхозном поселочке, считает: ничего, мол, страшного — обвыкнутся, обживутся здесь люди, и все у них тут наладится само собой. Сейчас главное — чтобы хозяйство побольше доходов имело...

Уже поздним вечером мы вдвоем с ревизором возвратились в райисполком. Накрапывал дождик. Слышно было, как в темноте шумел Амур. В исполкоме кроме сторожа никого уже не было, а сам он получил распоряжение развести каждого из нас по квартирам, где нас могут и готовы принять на ночлег.

Меня сторож проводил в дом секретаря райсовета, который был как раз в отъезде. Порядком уставший за день, я тут же уснул. Проснулся же я задолго до наступления утра от сильного шума. Было два часа ночи. Как оказалось, вернулся домой хозяин квартиры (квартиры однокомнатной, кстати сказать). С ним был еще и какой-то военный. Оба только что возвратились из дальнего села, в которое секретарь ездил с проверкой. Представившись ему и его спутнику, я извинился за свой визит в «безлюдное» жилище. Тем временем хозяин уложил военного на раскладную койку, а сам постелил себе матрац на полу возле печки. Вскоре все мы крепко спали.

К утру дождь так и не перестал. Небо было сплошь обложено низкими тучами, начинало казаться, что непогоде уже и конца не будет. Все улицы были залиты желто-коричневыми лужами, ноги скользили по липкой каше из песка и глины. Даже тропки, жмущиеся к забо-

рам по обеим сторонам улицы, были сплошь затоплены мутной водой. Идешь и думаешь, как бы на ногах удержаться. Люди идут, придерживаясь руками за палки изгороди и стены домов. Точно так же мы втроем — приютивший меня на ночь хозяин, военный и я — гуськом двигались в направлении столовой. Неподалеку от столовой, под навесом для пассажиров речных судов среди довольно большой группы ожидающих парохода я увидел и женщину с ребенком, которую мы едва не потеряли в Алексеевке.

В райисполкоме я опять встретил моего попутчика-ревизора, и мы с ним решили в этот же день продолжить наше совместное путешествие. Как раз сегодня здесь ожидается скорое прибытие парохода, на котором мы и доплывем до Амурзета.

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Однажды созданный наш мир с неизбежностью меняет свой облик. Меняет ежегодно, ежедневно, ежечасно. Но вот опустилась на землю непроглядная ночь, и в полной темноте человеку кажется, что и само время вдруг остановилось, заплутав в непроглядном мраке ночном...

Но наступает рассвет, встает и все выше поднимается солнце, в никуда уплывают туманы. И время, будто очнувшись, вновь отправляется в свой нескончаемый путь, продолжая изменять и обновлять этот мир. Меняют свои цвета зеленые и голубые горы, на широких полях распускаются цветы, в кронах деревьев играют листвою веселые ветерки, наливаются колосья нив. Человеческий труд — это тоже движение — неостановимое движение, преобразующее мир и изменяющее самого человека. Движение времени заявляет о себе и звучанием земных голосов — птичьим пением и гулом тракторных моторов в полях, переплеском речной волны и пароходным гудком, звоном пил на стройках и залиvistым ржанием жеребенка на росистом лугу... Идет время. Идет вперед.

АМУРЗЕТ

— Раз-два-взяли! Раз-два-взяли!..

В коричневой воде возле самого берега покачивается под погрузкой трехпалубный пароход «Косарев». Непрестанно идет дождь, поэтому грузчики раздеты по пояс — чего зазря рубахи мочить? — лучше работать так. Правда, у некоторых на головах мешки, накинута в виде капюшонов. Рабочие грузят муку, железо, какие-то запчасти для машин.

Отсюда, из Блюхерово, мы направляемся в Амурзет. Длинным гудком пароход дает сигнал к отплытию, с кормы отдан конец, поднят якорь, и мы постепенно отдаляемся от берега. Описав широкий полукруг, судно наше ложится на курс.

Поверхность коричневой амурской воды там и сям пятнают извилистые ленты желтоватой пены, над рекой — то ближе к нам, то дальше от нас — лежат пласты тумана. Идем вверх по течению. Мимо нас проплывают длинные узкие острова и островки, сплошь покрытые растительностью. Время от времени в поле зрения попадают стремительно проносящиеся канонерские лодки — катера знаменитой Амурской флотилии. Раз два-три пароход наш замедляет ход и причаливает к левому берегу, выбрасывает с низкого борта узкий трап и за какой-нибудь час-полтора освобождается от части груза: люди с берега умеют работать просто на удивление слаженно и быстро. Любо смотреть, как крепкие загорелые парни, словно играючи, перебрасывают друг другу тяжелые мешки, чуть ли не наперегонки и не пошатнувшись преодолевают гуляющие под ногами сходни. Помощник капитана, который руководит разгрузкой, едва успевает делать в блокноте отметки всех этих биров и клейм на мешках и коробках, которые так и мелькают у него перед глазами. А у моего попутчика, буквально захваченного наблюдаемой картиной, вырвалось:

— Смотрите-смотрите! О такой работе вы потом даже стихи написать сможете!..

...С наступлением ночи оставаться на верхней палубе становится не очень уютно и нам волей-неволей приходится спуститься в трюм, буквально набитый людьми, тюками, ящиками и разной другой кладью. Правда, до этого мы разок в «подвальном помещении» парохода уже побывали, но найти там хотя бы кусочек свободного места нам не удалось. На сей раз нам повезло: прямо у входа такое место было. А освободила его для нас дождевая вода, которая проникла сюда сверху, образовав на широкой скамье добрую лужу. К счастью, дождь уже прекратился, мы, как могли, мокрое место подручными средствами осушили и благополучно расположились на ночлег.

Заняв места, мы оказались соседями четверки парней, увлеченно игравших в «шестьдесят шесть». Один из них показался мне знакомым, и я вспомнил, что он тоже, как и я, брал на пристани в Блюхерово билет до Амурзета.

— Вот, познакомьтесь, — обратился он ко мне, кивком показав на сидящего напротив него молодого человека с длинными, зачесанными назад волосами, это наш редактор.

— Очень приятно, — протягивая руку редактору, сказал я на идише.

Обменявшись крепким рукопожатием, вступаем в разговор.

— Вы меня извините, — улыбнулся только что представленный мне журналист, — но мои товарищи здесь — русские, так что давайте пока без идиша...

— А когда мы будем в Амурзете? — тут же интересуюсь я уже на русском. Однако мой вполне понятный вопрос остается без ответа. Да кто ж, мол, это знает? Если ночью «Косарев» не будет останавливаться, то часиков в одиннадцать-двенадцать будем на месте. Если, конечно, утро окажется не таким, как ночь. Как это понимать? Да

очень просто: в таком тумане плавать что днем, что ночью, как с завязанными глазами ходить...

К счастью, наутро от вчерашнего тумана не осталось и следа. Проснувшись, мы по-быстрому покидаем переполненный людьми душный трюм и снова поднимаемся на верхнюю палубу. И какое же это наслаждение — полной грудью дышать идеально чистым воздухом! Да и Амур сейчас выглядит по-другому: волнение почти незаметно, только река по-прежнему замедляет ход нашего судна мощным и стремительным встречным течением. Но внешне все спокойно. Над нами — чистая голубизна неба, ярко зеленеют на утреннем солнце берега. И вот странное ощущение: хотя оба берега — и левый, и правый — выглядят совершенно одинаково: тот и другой невысоки, тот и другой сплошь покрыты растительностью, но вид их вызывает разное впечатление. Краешек земли справа от нас, берег «нашенский», кажется близким и даже как-то по-домашнему уютным, а от того, другого, веет на нас чем-то неведомым, чуждым, почти враждебным, и, кажется, оттуда, из-за каждого куста и с каждого пригорка, смотрят в нашу сторону чьи-то недобрые глаза. Фарватер, по которому движется наш пароход, извилистый, и мы время от времени оказываемся совсем близко то к одному, то к другому берегу. Впрочем, речной фарватер здесь, как кажется, — понятие чисто условное, причем не только для наших судоводителей. Вот буквально в десятке метров от левого борта «Косарева» встречным курсом проходит «ихний» (то ли маньчжурский, то ли китайский) белый трехпалубник. В глаза бросается непомерно большое гребное колесо парохода, расположенное в кормовой части судна. Ничем не закрытое, колесо это похоже на мельничное. При вращении оно поднимает до самого своего верха целые потоки воды. Осыпающиеся с лопастей россыпи брызг переливаются на ярком утреннем солнце всеми цветами радуги. Фантастическое зрелище...

На второй день нашего путешествия «Косарев» подходил к пристани только один раз, и мы снова любовались виртуозной работой по-южному загорелых и атлетически сложенных грузчиков — людей свободного социалистического труда, жителей села под названием Сталинск. Отсюда, от Сталинска, Амурзет совсем недалеко, и в час дня мы таки ступили на его землю. Было удивительным то, что на берегу пароход наш встречали здесь десятки людей. И по всему тут уж никак нельзя было усомниться в том, что находишься ты не где-то на Дальнем Востоке, а именно в Еврейской автономной области. Так что здесь, в далеком краю, на берегу Амура, куда уж, наверное, никогда прежде не ступала нога еврея, я почувствовал себя — да-да! — в самом настоящем шумном местечке где-нибудь на Подолии.

Под «аккомпанемент» громких и оживленных разговоров встречавших и только что прибывших направляемся в поселок. От пристани до него совсем недалеко — всего каких-нибудь полкилометра. Вот мы прошли мимо МТС, что было совсем нетрудно угадать по рокоту тракторных моторов, доносившихся из-за забора и куч поржавевшего металлолома возле ворот станции. Райсовет со всеми его отделами и учреждениями расположился тут же неподалеку — в двухэтажном здании, стоящем на противоположной стороне улицы, как раз напротив МТС. Идем в райсовет.

Председатель Амурзетского райисполкома, молодой человек лет тридцати, принял нас по-деловому и, пригласив в свой кабинет, без обиняков предложил нам остаться на заседание президиума райсовета, которое вот-вот и начнется.

— Так что предоставляем вам возможность прямо с ходу познакомиться с положением дел в нашем районе, а заодно и с работой районного руководства, — заключил предРИКа.

Тем часом в председательский кабинет, постучавшись,

входит миловидная евреечка с ребенком на руках. Она передала председателю какую-то бумагу и, сбиваясь и торопясь, объяснила, что ей выдали этот документ в Бирэбиджане, и согласно тому, что в бумаге этой значится, она, посетительница, направляется в колхоз «Ройтэр штэрн». Но вот на пароходе ей объяснили, что колхоз в Амурзете называется «Ройтэр Октябрь», а тот колхоз, куда ей выдали направление, находится где-то в Самаре. А до Самары этой отсюда еще добраться надо (с дитем-то на руках!), так что пусть товарищ председатель даст ей письменное разрешение остаться в здешнем, амурзетском, колхозе, то есть в «Красном Октябре», а иначе, категорически заявила женщина, она тут же вернется в Бирэбиджан.

Выслушав посетительницу и с полминуты задумчиво побарабанив пальцами по столу, председатель сказал, что свяжется с председателем «Октября», и если тот согласится принять ее в свою артель — добро, а если нет, то ничего не поделаешь.

И тут, прямо как раз кстати, в председательский кабинет вошел сам глава колхоза «Ройтэр Октябрь», высокий симпатичный молодой человек с пышной шевелюрой, в темной рубаше и в сапогах. Войдя в курс дела, он окинул женщину оценивающим взглядом и коротко бросил: «Ну, если вы и правда будете работать...». От этих слов кровь бросилась в лицо молодой матери: «Что значит «правда будете работать»?!» — гневно восклицает она. — Всю свою жизнь я работала, а тут вдруг работать не буду, это как так?».

Коротко говоря, дело быстро улаживается, и женщина, довольная, уходит.

Мало-помалу просторный кабинет предРИКа заполняют представители партийно-хозяйственного актива: члены райисполкома, ответработники, руководители строительных организаций. Последним появляется секретарь райкома партии. Председатель открывает заседание. На

повестке дня один вопрос — «О ходе строительства в районе».

Первым из присутствующих выступил совсем еще молодой человек, инженер из Москвы, главный разработчик строительных объектов района. Закрепив на стене несколько широких листов ватмана с диаграммами и чертежами, инженер начинает говорить. У меня создается полное впечатление, что перед собравшимися сейчас держит экзамен студент-отличник строительного вуза. Оратор четко и уверенно оперирует числами, адресами и названиями строящихся объектов и тех объектов, которые построить еще предстоит. «Четыреста» — запомнилось мне круглое число жилых домов, возведение которых было предусмотрено в плане застройки здешних сел. Из них 150 — в Амурзете, 100 — в Самаре и 150 — в Пузино. Далее в докладе идет перечень уже построенного, перечисляются наименования десятков стройматериалов, звучат слова «кубометры», «тонны», «сроки», «человеко-часы» и т.д. и т.п. К великому сожалению, все сказанное инженером прозвучало диссонансом по отношению к повестке дня совещания, а выяснилось это после того, как москвич свое выступление закончил.

А что же выяснилось? Прежде всего, тот факт, что древесина, даже та, что как будто уже отправлена по реке сплавом, до получателей еще не дошла, а у лесозаготовителей к тому же сейчас закончился запас тросов для вязки плотов. Да и здесь на стройках, ощущается большая нехватка рабочих: их требуется примерно шестьсот, а сейчас едва ли сто наберется. Один за другим выступающие говорят и о других серьезных недостатках в работе. Всем становится ясно: выполнение годового плана строительства в районе находится под угрозой и чтобы избежать этого, требуются экстренные меры.

Позже, уже после совещания в райисполкоме, гуляя по селу и беседуя с разными людьми, я, так сказать, лично убедился в том, что строительство в Амурзете сей-

час вообще почти не ведется, так что о приеме новых переселенцев здесь пока и речи нет. При всем при этом здешний колхоз считается хозяйством довольно крепким. Кстати сказать, раньше здесь было два коллективных хозяйства, которые, объединившись, и образовали «Красный Октябрь». У каждого колхозника — собственное хозяйство: коровы, свиньи, птица... Но в сельхозартели, даже после ее укрупнения, числится чуть больше восьмидесяти семей.

На некоторое время оба мы — я и мой спутник — расстались: он занялся своими делами, я — своими. Однако вскоре мы опять встретились, одновременно оказавшись в здешнем детском саду. Должен вам сказать, что лучшего садика вам сейчас и в Биробиджане не найти. Ну и добавлю к этому, что здесь мы встретили ту женщину, которая приходила к председателю райисполкома. Увидев ее здесь веселой и улыбчивой, мы разговорились. Она только что определила в детясли своего малыша и сама была принята сюда на работу. Мы тут же познакомились с ее сыном и просто залюбовались здоровым румяным крепышом-биробиджанчиком.

В сопровождении воспитательниц мы обошли уютные помещения детсада, а в одной из комнат нам представили двух преважных и едва отличимых друг от друга загорелых близнецов-бутузов. При этом нам сообщили, что здешний врач, у которого нет своих детей, долго упрашивал родителей близняшек отдать ему на воспитание одного из мальчиков, на что доктор получил, конечно же, категорический отказ.

...Вечером мы заглянули в сельский клуб. Он представляет собой довольно большое, правда, еще не совсем достроенное здание с просторным залом и множеством комнат, которые здесь не пустуют. А перед нашим приходом в клуб на одной из улиц к нам подошел мужчина невысокого роста с начинающей сесть бородкой и представился:

— Переселенец двадцать восьмого года.

Надо заметить, что такая рекомендация воспринимается в Биробиджане как нечто вроде свидетельства наследственного дворянского титула.

— Очень приятно, — в один голос ответили мы новому знакомому.

Во время прогулки наш знакомец поведал нам, что о нем уже не раз писали в здешних газетах, а раз поместили в одной газете даже его фотопортрет. Ну и было бы, пожалуй, неплохо, если бы о нем написал, например, такой человек, как я. Дескать, о таких людях, как он, только и стоит писать. Ну а мне — уж не знаю почему — как-то не захотелось рассказывать об этом человечке, так уж старательно расписывающем свою богатую прямо-таки невероятными приключениями жизнь. И хотя я не задавал нашему новому знакомцу «наводящих» вопросов, герой наш говорил не умолкая до тех пор, пока мы не очутились перед клубом. Здесь, на волейбольной площадке и подле нее, было шумно и весело. А когда мяч попадал в стойку или чиркал при подаче по верхнему краешку сетки, всеобщий шум становился прямо-таки оглушительным... Между тем к клубу подходили и подходили люди.

Утром следующего дня мы рассчитывали покинуть Амурзет и направиться в Никольск, однако ехать нам пришлось в Сталинск, то есть в противоположном направлении. К сожалению, выбирать нам тут не приходилось: мы вынуждены были ехать туда, куда уходила машина. А ситуация складывалась такая: предрайисполкома сказал мне, что здешний главврач как будто бы собирался ехать сегодня к больному в Сталинск и может подбросить туда меня и моего спутника. Попрощавшись с главой района, мы нанесли визит доктору. Здесь приняли нас тепло, хозяйка тут же пригласила нас к столу. Однако засиживаться за завтраком нам не пришлось: к дому подкатила почтовая машина, и тут же на пороге

появился рослый молодой человек в комбинезоне. Обращали на себя внимание его черная, как смоль, растрепанная шевелюра и блестящие, будто испуганные, глаза. Пришедший коротко представился: он из Сталинска. Тракторист.

— Что там у вас? — спросил парня врач, поднимаясь из-за стола.

Оказалось, что у нежданного гостя несколько дней назад слегла беременная жена. Поначалу-то она пошла было на поправку. Да и фельдшер говорил, что ничего, мол, страшного. А тут — на тебе! — жинке совсем худо сделалось. Живот весь опух. Фельдшер говорит: тут, дескать, опытный врач нужен. Наверно, даже операцию делать придется. А им, да и вам, что? Вам ить только резать...

— Ну что ж? Иногда действительно необходимо, как ты говоришь, «резать», — как бы в поддержку младшего коллеги сказал доктор.

— «Необходимо-необходимо»... А может, сначала-то как все следовало осмотреть да проверить надо, а уж потом... Вы, я знаю, человек понимающий. Вот я и приехал за вами. А то «резать»...

— А какую-нибудь записку ваш фельдшер с тобой передал?

— Да нет.

— Ну так а с чем и для чего мне тогда к вам ехать? Иди туда, не знаю куда. Так, что ли?

— Как так «иди»? Я же к вам не как-нибудь, а на ма-ши-не приехал.

— Да ты одно пойми: как я могу ехать, если меня не вызывают?

— Так вот я же вас сейчас и вызываю.

— Да не ты должен меня вызывать, а фельдшер Брукер. Ты это-то понимаешь? Ведь за своих больных он ответственность несет...

— Дак ведь жена-то моя! — выкрикнул тракторист, ути-

рая со лба выступивший пот. На покрасневшемся лице парня — печать отчаяния. Он никак не может понять эти докторские «штучки». Его жена. Каждый хочет только резать, а он тут ни помешать, ни упросить...

— Ладно. Знаете что? — пытается спасти положение доктор. — Вот мой совет. Ехать обратно в Сталинск за письмом Брукера — это долго. Свяжись-ка ты с ним по телефону, а я поговорю с ним сам. Вот телефон. Звони.

Доктор снова усаживается за стол, а тракторист принимается энергично накручивать рукоять аппарата:

— Станция! Станция! Дайте мне Сталинск!

Проходит несколько минут, и наш доктор разговаривает со сталинцами: выясняется, что роженице стало гораздо лучше и, скорее всего, все обойдется без хирургического вмешательства. Так что доктору никуда ехать не надо. Тракторист, прослушав телефонный разговор, прямо посветлел лицом и, повернувшись к доктору, торжественно проговорил:

— Ну вот видите же! Я что, зря, что ли, говорил? Вам бы только ре-езать...

— Да, но я говорил только... — обрывает врач разговор на скользкую тему и тут же спрашивает тракториста, не согласится ли тот взять с собой двух пассажиров до Сталинска. Доктор имел в виду, разумеется, нас.

— Да с моим удовольствием, — отвечает парень. — Только мне прямо сейчас и назад.

Несколько минут спустя мы уже трясемся в кузове почтовой машины, едущей по немыслимо ухабистой и размытой дороге. Тракторист сидит в кабине рядом с водителем. В «салоне» грузовика кроме нас еще два пассажира. Один из них — молодой судья. Едет в Пузино — старую казачью деревню в 13-ти километрах от Амурзета. Сегодня там у него работа — судебное заседание.

БЛАГОСЛОВЕННОЕ

Машина движется по равнинной дороге, идущей вдоль Амура. Над землей медленно поднимается солнце. Дует свежий встречный ветерок, который отчасти спасает нас от назойливых комаров, как будто целым роем преследующих нас от самого Амурзета.

В селе Пузино — по сути длинной-длинной улицы, редко застроенной низкими почерневшими от времени избами, — машина останавливается. Здесь, возле сельсовета, видимо, в ожидании приезда судьи толпится народ. Наш временный попутчик, попрощавшись с нами, спрыгивает на обочину дороги, а мы благополучно продолжаем путь. Однако вскоре нас ждала остановка и остановка довольно длительная. Прямо перед машиной откуда-то из-за зелени тальников возникает целое озеро. Озеро это оказывается рекой под названием Самара. На ее противоположном берегу расположилось корейское село Благословенное. Нам — туда. Только вот моста через озеро-реку здесь нет, и единственным средством переправы через широкий разлив служит небольшой паромчик, представляющий собой плот с прикрепленными по обеим его сторонам гребными суденышками. Вместе с нами ждут переправы на ту сторону несколько грузовиков и пара конных повозок. Паром способен принять на борт только одну «транспортную единицу». Каждый рейс парома занимает не меньше получаса. Трудно сказать, когда дойдет очередь до нас. Между тем солнце уже поднялось высоко, утренний ветерок утих, а нас непрестанно атакуют целые тучи комаров и мошкары.

Поразмыслив, мы решили пойти на «военную хитрость» и объявить окружающим, что я и мой спутник — врачи, которых срочно вызвали к серьезно больной женщине. Какая-то доля правды в этом таки была. Жена тракториста ведь и вправду больна, а сам он действи-

тельно ездил в Амурзет за врачом. За медика вполне могу сойти и я. Осуществление нашего плана вызвало у шоферов понятное недовольство. К нашей общей радости, водитель почтовой машины был не промах, и когда паромчик ткнулся в наш берег, наш грузовичок, виляя и едва не касаясь стоявших машин, чуть ли не на полном газу проскочил вперед и тут же оказался на качнувшемся пароме. И надо было слышать возмущенные возгласы шоферов, сопровождавшие искусный маневр «почтаря». Сойдя с машины, мы не без интереса наблюдали за актом переправы. Паромщик, босой старик-кореец с острой бородкой, оттолкнулся шестом от берега, а его напарник, молодой парень, тоже босой, но в широкополой соломенной шляпе, с силой налег на весла. Тут же у него объявился добровольный помощник, пассажир парома, переправлявшийся с велосипедом, и вот мы плывем. И хотя гребцы обливаются потом, примитивное наше плавсредство движется удивительно медленно. Тут же выясняется, что паром наш идет не прямо к «берегу назначения»: речной разлив хоть и широк, но здесь можно легко наскочить на мель. И действительно: несколько раз из-под днищ обоих суденышек до нашего слуха отчетливо доносится шипение песка.

Но вот наша машина снова на твердой земле. Мы опять в кузове «почтаря», едущего по широкой улице Благословенного. Машина набирает скорость, водитель явно пытается наверстать время, упущенное на переправе. Но вот грузовик принимает чуть вправо, и вот — на тебе! — не успеваем мы опомниться, как сразу два колеса оказываются в глубокой промоине на обочине дороги. Каким-то чудом мы не повылетали из кузова, когда машина, сильно накренившись, оказалась в канаве. Так или иначе, но случаю было угодно предоставить нам шанс окинуть взглядом хотя бы мимолетно один из биробиджанских населенных пунктов — село Благословенное...

Освободить машину из глубокой промоины — дело нелегкое. Молодой шофер изо всех сил жмет на педаль газа, переключает скорости, но грузовичок лишь бес- сильно трясется и дергается, вхолостую вращая задними колесами, и ни с места... Не долго думая, шоферок раз- зувается, скидывает с себя брюки и в одних трусах лезет в канаву с лопатой. В кабине за рулем сидит уже тракто- рист и по команде водителя активно манипулирует пе- далями и рычагами. Мы, трое пассажиров, упираемся в кузов машины сзади, стараясь помочь ей сдвинуться с места. Все напрасно...

Мимо нас по дороге-улице проезжают машины. Вот поравнялся с нами велосипедист, который переправлял- ся с нами на пароме. Тоже на велосипедах прокатили мимо два корейца, а вот чуть поодаль внимательно на- блюдают за нами пара смуглолицых от загара корейчат. А мы все стоим. И как только наш шоферок умудрился влететь в эту злосчастную канаву на ровной песчаной улице? Так что теперь способ выкарабкаться из непри- ятного положения тоже под вопросом. Замечаем, что издали за нами следит группа мужчин — тоже, понятно, корейцев. Тракторист, выйдя из кабины, к ним сейчас и направляется. Ясно, с какой целью.

Мы тем часом можем повнимательнее осмотреть мес- то, в котором оказались. Как уже было сказано, Благо- словенное — село корейское (название селу дал русский священник, крестивший язычников, пришедших когда- то на территорию нынешнего Октябрьского района из Страны утренней свежести — **прим. пер.**). По обеим сто- ронам улицы тянутся целые гектары безупречно ухожен- ных огородов. Здесь кукуруза и подсолнечник, чумиза и соя, тыква и еще много чего... Мне не однажды при- ходилось слышать, что корейцы — прямо-таки прирож- денные агрономы. Дома местных жителей — фанзы — находятся в некотором отдалении от дороги. Внешне это обычные и довольно просторные крестьянские жилища,

крытые соломой. Крыши фанз почти плоские, а солома на них застелена сетками из веревок — защита от ветра. Ни на одной крыше корейских жилищ вы не увидите дымовой трубы. Зато рядом с фанзой прямо из земли торчат сбитые из досок просмоленные столбики — это и есть те самые трубы. Стоит пояснить, что у корейцев принята своеобразная система отопления жилых помещений. Топки печей находятся ниже пола фанзы, и дым вместе с теплом проходит сначала под полом жилища и уходит наружу по подземному дымоходу. Так что спят корейцы прямо на полу, застилая его ковриками, циновками и матрасами. Люди и спят на полу, и едят сидя на полу, и дети их играют на полу. Летом фанзы не отапливаются, и пищу их хозяева готовят прямо во дворе.

Неспешно прогуливаясь по селу, мы заглянули в дватри двора, осмотрели несколько новых фанз. Тем временем из своей «вылазки» вернулся наш тракторист, приведя за собой довольно рослого гнедого жеребца — лучшего, как ему сказали, коня в здешнем колхозе. Вместе с трактористом пришел и кореец-конюх. Жеребца быстро «запрягли» в машину, шофер занял свое обычное место за рулем, а мы опять, упираясь плечами в кузов, изо всех сил пытались сдвинуть «почтарку» хотя бы на немного вперед. Все мы наперебой громкими криками погоняли гнедого, который и без того хорошо знал свои лошадиные обязанности, — только машина по-прежнему оставалась на «старом» месте.

Много позже на дороге показался тяжелый грузовик — один из тех, которые мы так удачно обошли при погрузке на паром. После коротких и энергичных переговоров с водителем остановившегося грузовика гнедого быстро освободили от работы, а вместо него с помощью троса «впрягли» в нашу страдалицу-машину так кстати нагнавший нас грузовик. Минута — и наша полуторка всеми четырьмя колесами стоит на проезжей части дороги.

Шофер наш быстро одевается, мы занимаем свои места в кузове, и наша полутонированная машина продолжает путь. Между тем время уже к ночи. Третий наш пассажир (он с нами едет с самого Амурзета), за время поездки не вымолвивший, кажется, и десятка слов, при выезде из Благословенного, к нашему удивлению, разговорился. Сам он, было нам сообщено, здешний, живет с 1913 года в селе Нагибово, что находится между Благословенным и Сталинском. Попутчик наш рассказывает:

— Это Благословенное-то — село старое. А корейцы, которые здесь осели, раньше занимались в основном разведением опиумного мака. Опиум этот они с большой выгодой сбывали китайцам. Не один раз, бывало, на корейское село нападали хунхузы и отбирали у корейцев все подчистую. Опиум, конечно, тоже. И вот как-то решили корейцы вокруг своего поселения стену повыше построить. Вон там, смотрите, еще остатки той стены сохранились, — кивнул куда-то в сторону рассказчик. — И кто, вы думаете, эту стену строил? Да китайцы же и строили. Ну а за работу корейцы рассчитывались с рабочими тем же опиумом. Дело было сделано, и с тех пор хунхузы уже не смели делать налеты на укрепленное село. Только появятся они поблизости, тут же в деревне колокол зазвонит, все мужики, значит, в ружье поднимутся — и уже нет ходу хунхузишкам...

В Нагибово наш рассказчик с машины сошел. Спустя некоторое время, в полной темноте безлунной ночи, мы наконец-то прибыли в Сталинск.

И ЕЩЕ ОДИН ДЕНЬ...

(В ПОСЕЛКЕ НА АМУРЕ)

1

В последние дни здесь воцарилась прямо-таки изнуряющая жара. С самого раннего утра, как только на восточной стороне горизонта показывался краешек солнца, все в округе начинало дышать палящим зноем. Создавалось полное впечатление, что на ночь солнце вовсе и не закатывалось, не отдыхало где-то там, далеко, а теперь, не выпавшееся и страшно этим раздраженное, изливало свой гнев на все прибрежное пространство и поселок на амурском берегу, совершенно не считаясь с тем, что у жителей поселка впереди долгий рабочий день.

«Как же это здорово — купаться! Стоишь по самую шейку в воде и от души наслаждаешься живительной прохладой», — с этой мыслью Рубин, директор здешнего совхоза, встречал и проживал все эти дни. Мысль такая преследовала его постоянно, пока не превратилась в мечту — мечту, так и не осуществленную и, как казалось, неосуществимую. Стоило ей прийти в голову, как ее немедленно оттесняли на самые задворки сознания мысли куда более весомые, важные и далеко не всегда приятные. В реальности-то было что? Ранним утром несколько пригоршней теплой воды в лицо из ведра на крылечке, хорошо, если завтрак — пусть и на ходу, — а засим сотни раз промеренное широкими поспешными шагами расстояние от дома до совхозной конторы. А там — круговерть срочных, неотложных и решительно не терпящих промедления дел. Потому как на календаре — самая середина лета. Значит, вот-вот начнется уборка хлебов, по-хорошему надо уже заканчивать заготовку сена и непременно наверстать упущенное из-за недавних дождей на пропашных. У директора — голова кругом: зерновые следует убрать вовремя и, разумеется, без потерь, уход

за посадками завершить как можно скорей, с сенокосом — не точно ли так же? А чтобы с первым, со вторым, третьим и плюс к ним — с пятым-десятым управиться, как оно положено, требуется достаточное количество работников — работников знающих и расторопных, нужна техника — техника, безотказно действующая, непременно — благоприятная погода, а ко всему этому необходимы также... Вам перечислить все или уже не надо?.. Или рассказывать о том, чем хозяйство на сегодняшний день располагает реально? Пока что в основном разве что хорошей погодой.

Между тем, пока июльское солнце еще только собирается всплыть над землей, Рубин таки отважился пойти на реку. И чего бы ему раньше-то до этого не додуматься? От дома до берега — двести-триста метров, не больше, а раздеться да пару раз в воду окунуться — велик ли труд? Ну и если Рубин ненароком не просчитался, то сегодня как будто бы воскресенье, выходной то бишь. А имеет он, в конце концов, право на отдых или нет? К тому же и ночь у него выдалась бессонной: духота стоит — впору хоть в погребе спать, а от навязчивых мыслей о работе уж точно никуда не деться. Вот и ворочался Рубин едва ли не полночи в своей, можно сказать, холостяцкой постели (жена, учительница, вот уже несколько дней как на курсы усовершенствования в Хабаровск отбыла). Стараясь не шуметь, он по-быстрому надел порядком выгоревшую рубашку, сунул ноги в разношенные туфли и тихонько, чтобы не разбудить дочь, притворил за собой дверь.

Укрытый прозрачной пеленой рассветной дымки поселок только-только начинал просыпаться. Траву крыла густая роса, еще не тронутая сиянием нового утра. Невольно остановившись на крыльце, Рубин окинул взором окружающее: не так уж часто выпадают у него минуты, когда можно отрешиться от будничных дел и забот и, ощутив собственную принадлежность ко всему, что

видит глаз, на мгновение удивиться громадности и непостижимой изменчивости этого мира. Залюбовавшись панорамой нарождающегося дня, Рубин на миг даже забыл, куда и зачем он сейчас отправляется. Из состояния глубокой задумчивости его вывел легкий ветерок, издали дохнувший в лицо влагой речной свежести, и, предвкушая, как вода мгновенно снимает усталость с утратившего вес тела, Рубин решительно шагнул в направлении берега.

Однако сегодня ему, очевидно, опять не суждено было осуществить заветную мечту о купании, когда он заметил торопливо шагающего по ближней улице молодого человека — агронома Абрамова. И пускай бы Рубин просто его увидел — мало ли куда и зачем человек может идти по селу хотя бы и в этот ранний час. Когда же Абрамов подошел ближе, директор отчетливо рассмотрел выражение его лица: нахмуренные брови, плотно сжатые губы, исподлобья взгляд... Ну а в момент, когда чем-то крайне рассерженный Абрамов, спрямляя путь, свернул на обочину дороги и широко зашагал по соседствующему с директорским двориком нехоженому болотцу, Рубину совсем не стоило труда сообразить: агроном — это к нему.

Встретившись с нечаянным гостем глазами, Рубин окинул того притворно-простодушным взглядом. Ну, шел человек мимо его дома, да и подумал: «А дай-ка я заверну к его хозяевам да поздороваюсь...» Ну вот и зашел, добро тебе пожаловать. Так что Рубин как ни в чем ни бывало и попытался задать соответственный тон предстоящему общению с утренним гостем, который, к месту уж сказать, директору вполне в сыновья годился. Однако Абрамов с ходу дал Рубину понять неуместность предложенного тем ни к чему не обязывающего тона беседы, а его столь ранний визит к директору вовсе никакая не случайность. Ведь он вот уже несколько дней пытался «поймать» директора для разговора с ним по

серьезному вопросу, да как-то не получалось все. Между тем Рубин прекрасно знал, в какие такие переговоры собирался вступить с ним совхозный специалист. Уехать он хочет отсюда. И когда уехать-то? Сейчас, перед самой уборочной. А что? Женился парень совсем недавно. И жену нашел себе не где-нибудь, а в городе Хабаровске. Даже, говорят, работу там себе по специальности нашел. Абрамов и раньше нет-нет да и заводил с директором разговор об увольнении, но Рубин каждый раз — как он это умел — дипломатично уходил от обсуждения нежелательной для него темы. Ну а что он мог сказать Абрамову теперь, при этой утренней встрече, напрямую, без всяких там уверток да еще и перед самой жатвой, когда буквально каждая пара рабочих рук на счету? До этого же директор с молодым агрономом — иначе не скажешь — все как бы в кошки-мышки играли: приходит Абрамов в директорский кабинет, а там народу — не пробиться. Абрамов сидит ждет, пока люди разойдутся. Остался Рубин в кабинете один, а Абрамова, глядь, срочно на зерносклад вызвали. А столкнутся где-нибудь оба, что называется, нос к носу — Рубин тут же: «Ой, извини, брат, тороплюсь страшно — бежать надо...» Так оно и шло. А в последний раз, когда агроному все же удалось улучшить момент для разговора с директором, тот, вставая из-за стола и надевая пиджак, на ходу бросил вошедшему в кабинет: «Прости, пожалуйста. Срочно в райком вызывают. А знаешь что? Зайди-ка ты, брат, ко мне днями прямо домой. Там и поговорим».

2

И вот Абрамов стоит перед директором. Именно так — «прямо» у него дома.

— Доброе утро, товарищ агроном! И куда это мы так рано? — бодро приветствует хозяин нежданного гостя, чувствуя неотвратимость малоприятного разговора и вполне понятную досаду: ну вот как человек может ставить

свои личные интересы выше интересов коллективных, общественных, государственных, в конце концов? А ведь Абрамов и сам отдал и отдает немало времени и сил производству. Будь он бездельником, Рубин давно бы избавился от такого спеца по собственной инициативе. У него принцип: «Тот, кто хорошо знает, что делает, прекрасно знает, что делать с теми, кто ему мешает». «Ладно, разберемся, что и как», — решает про себя сейчас Рубин.

— Да к вам я, Моисей Львович, — не скрывая раздражения, отвечает Абрамов, — сами же говорили: «Можешь прямо домой зайти»...

«И даже “здравствуйте” не сказал», — мелькнула у Рубина мысль.

— Да, верно. Я сразу так и понял. Ну давай выкладывай, с чем пришел.

С мыслью о купании Рубину приходится расстаться, и ноги уже сами собой несут его в привычном для него «утреннем» направлении — к совхозной конторе.

— Я о чем поговорить-то с вами собирался? — уже как бы в примирительном тоне произносит Абрамов. — Вы же сами понимаете, что уезжать мне отсюда надо.

— Уезжать? Ну так и уезжай себе на здоровье. Кто тебя здесь держит? — отвечает агроному Рубин, глядя куда-то вдаль поверх головы собеседника, и сам в этот момент на все сто процентов верит в искренность своих слов (безошибочный прием скрыть досаду).

— Как это «кто держит»? Да вы же меня и держите!

— Я? — изумляется Рубин.

— А кто ж еще? Вчера прихожу получать зарплату и вижу, что у меня оклад опять каким был, таким и остался. А вы говорили, что еще весной приказ о его повышении мне подписали...

— Ты точно говоришь? — удивленно поднимает брови Рубин и даже замедляет шаг. — Ну это опять в бухгалтерии что-то там понапутали. Сегодня же разберусь.

Ни в чем и ни с кем он разбираться, конечно, не станет, поскольку, зная (больше — по слухам, конечно), что Абрамов, как говорится, за червонец и палец себе даст отрубить, сам директор и дал «секретную» команду прибавку к его окладу пока попридержать.

— А ты малость подожди, — продолжал директор. — Как только перечислят нам деньги, ты все сполна и получишь.

— И сколько же мне ждать?

— С недельку — не больше. А то могут те деньги и вообще не сегодня-завтра прийти.

— Вы, Моисей Львович, еще поймите и то, что у меня сердце что-то побаливать стало...

Нет, Рубину, кажется, так и не удастся убедить агронома и хоть как-то повлиять на его сознательность. В конце концов, Абрамов далеко не мальчик, чтобы его воспитывать. Да и какой работник в поле, если мыслями он где-то там, в «своем» городе?..

Когда оба — уже молча — подходили к конторе, у Рубина возникло чувство, которое, верно, испытывает пловец, отдалившийся на приличное расстояние от берега и вдруг осознавший, что у него навряд ли хватит сил вернуться обратно. Хотя... В общем, чувствовать и осознавать — это одно, действовать — другое.

Между тем в совхозной конторе, несмотря на ранний час, директора ожидали люди — начинался очередной рабочий день (Ша! И чего это он, задумав поутру искупаться, решил вдруг, что сегодня выходной-то?), и «абрамовская проблема» тут же становится для совхозного директора всего лишь одной из множества вопросов и проблем самых разных масштабов и значимости.

— Доброе утро, товарищи!

— Доброе утро, товарищ Рубин! — нестройно отвечают собравшиеся у входа в совхозный «штаб». Повернув ключ в замке, Рубин открывает дверь кабинета, занимает свое обычное место за столом, вслед за ним кабинет заполня-

ют посетители.

— Садитесь, товарищи! Присаживайся поближе и ты, Абрамов! — приглашает Рубин, отодвигая в сторону стопку бумаг — газет, конвертов и телеграмм — свежую почту, доставленную накануне уже под вечер. — Начнем работать?

Так начался в Биробиджанском зерносовхозе новый день.

3

Уже не первый год Рубин директорствует в совхозе. Без малого год отвоевав в империалистическую, он служил на командной должности в Красной Армии, потом пять лет руководил одним из заводов в Москве. В один прекрасный день Рубина неожиданно для него самого вызвали в ЦК и предложили поехать сюда, на Дальний Восток. Совхоз, который коммунист Рубин должен будет принять в свое подчинение, сообщили ему, еще только в проектах и сметах и находится (вернее, находиться будет) на территории Биро-Биджанского автономного района. Дополнительно было сказано, что назначенный на должность директора того совхоза должен владеть идишем, и поскольку он, Рубин, как еврей по национальности, идишем владеет, то лучшей кандидатуры на пост руководителя создаваемого в Еврейской автономии хозяйства, кажется, и быть не может. Разумеется, Рубину дали понять, что его новая работа, да к тому же в не совсем обычных условиях, простой и легкой быть не обещает. Потому-то, мол, ему ее и поручают. Ведь он, член ВКП(б) с солидным партстажем, не однажды доказывал, что способен преодолевать даже очень серьезные трудности. Да ведь и не один он будет там, на Амуре, и в случае необходимости всегда может твердо рассчитывать на помощь и поддержку партии.

Прибыв на место назначения, Рубин со всей ответственностью и присущим ему трудолюбием принялся за

порученное дело, с головой уйдя в исполнение повседневных руководительских обязанностей.

...Усевшись в кресло, Рубин еще раз обвел глазами стол, на котором стоял так и не выпитый накануне вечером стакан чаю, и вспомнил, что сегодня он даже так и не успел умыться. Извинившись перед посетителями, Рубин вышел в коридорчик, где в углу на табурете всегда стояло ведро, и зачерпнув оттуда кружку воды, наскоро умылся, утершись носовым платком, а прическу привел в порядок растопыренной пятерней. Все. Теперь можно работать.

Как бы машинально отхлебывая из стакана холодный чай, директор внимательно выслушивает каждого из сидящих. Сам по большей части молчит, лишь изредка вбрасывая в монологи говорящих односложные «Так», «Ну?», «Да-да», «Ага» или «Ну и что?». Так из всего, о чем бы и кто бы ни говорил сейчас в его кабинете, директор из отдельных и как будто разрозненных деталей, эпизодов, вопросов, утверждений и отрицаний по крупицам складывает для себя общую картину повседневной жизни хозяйства. Присутствующие в директорском кабинете держатся с подкупающей непринужденностью, что чаще всего можно наблюдать в среде людей близких (явный признак сельского колорита). Сегодня сочувствуют механику — у того сынишка заболел, за завхоза порадовались — у этого жена вчера родила. Нередко предмет обсуждения служат здесь и новости из Биробиджана. И тут же как бы между прочим звучит директорское поручение или распоряжение тому-другому-третьему, подписываются нужные бумаги, о начале рабочего дня время от времени извещают телефонные звонки...

Сегодня ежеутреннее совещание в директорском кабинете несколько затянулось по вине рослого чернявого парня в комбинезоне — Зелика Фридмана. Накануне с группой молодежи он возвратился с дальневосточной межсовхозной олимпиады. В ответ на предельно корот-

кий вопрос Рубина: «Ну и как все прошло?» — Фридман разразился прямо-таки восторженным докладом и о том, как его команду там встречали, и как она себя проявила в ходе состязаний.

— Представляете, — с жаром начал Фридман, — они там сначала подумали, что к ним вместо совхозных рабочих из нашей области профессиональных артистов прислали — да! Зря мы, что ли, столько готовились? Ну и подготовились же! Особенно девчата отличились. После их выступлений и началось: вот же, дескать, евреи эти какие хитрые — актрис на олимпиаду привезли! Кое-как нам им там втолковать удалось, что все мы — простые рабочие. Был, правда, с нами один артист, так он-то и не выступал совсем. Кстати, за игру на сцене нам первую денежную премию вручили, во как!

— И сколько же это? — вставил слово в темпераментный монолог Зелика Рубин.

— Тыща рубликов! — не делая паузы, с гордостью констатировал Фридман. — А еще же были индивидуальные призы — за выступления наших бегунов, за игру футболистов, за венок еврейских танцев, а еще за то, что на заключительном концертном вечере Лида Иваненко, дочка нашего бухгалтера, от имени всех жителей Еврейской автономной области выразила благодарность участникам и гостям фестиваля на идише, закончив словами «Да здравствует наш дорогой товарищ Сталин!». Это, я вам скажу, был-таки настоящий фурор. Лида же, вы знаете, русская, хотя, может, и украинка.

Закончив рассказ о фестивале, Фридман с не меньшим увлечением заговорил о том, как вырос и прямо-таки до неузнаваемости изменился город Биробиджан, о том, как он, Зелик, выступил там по радио. Парень хотел было поделиться еще и своими впечатлениями о самодеятельном концерте, который его артисты дали на пароходе, но тут Левин, встав из-за стола, жестом остановил рассказ Фридмана: в широко распахнувшуюся дверь

директорского кабинета вошли новый начальник политотдела Шерман, главный агроном райзо (районный земельный отдел — прим. переводчика) Левит, а с ними еще несколько человек.

Вообще-то Рубин мог позволить Фридману говорить и дальше. Причем позволить преднамеренно, дабы оттянуть вплоть до самого начала предстоявшего в его кабинете районного совещания (о нем директору сообщили по телефону минут десять назад) уже коллективное обсуждение злополучной «абрамовской проблемы». Хорошо знал директор о серьезности и других вопросов, которые готовы были «поднять» сегодня некоторые из его посетителей. Только вот немедленных и четких ответов на их вопросы он, Рубин, дать сегодня точно бы не смог. Так что дело вполне могло бы дойти даже до конфликтов. Рубин же ссор и скандалов никогда не любил (да и кто их может любить?) и по обыкновению делал ставку на «дипломатию». А сейчас был уверен: проведет совхоз уборочную как надо — тем более что урожай зерновых обещает неплохим быть, — и все возможные конфликты разрешатся как бы сами собой. Поздоровавшись с представителями районных властей, Рубин с извиняющейся полуулыбкой обвел взглядом «своих» (что, мол, тут поделаешь, если такое начальство пожаловало?..): давайте по своим местам расходиться.

Люди покидают директорский кабинет с явной неохотой. «Вот и поговори с этим Рубиным...» — играя желваками, ворчит Абрамов. Недовольно морщится Фридман: «И кто меня за язык тянул ту олимпиаду расписывать? Совсем же по другому делу сегодня в контору шел». И, с минуту в раздумье постояв на крыльце конторы, зашагал в направлении машинного двора.

Совещание, на котором обсуждается только один вопрос — подготовка к предстоящей жатве, идет трудно и явно затягивается. В сущности, все, о чем ведется речь, собравшимся хорошо известно. Тем не менее Рубин спо-

койно и обстоятельно докладывает им о положении дел в хозяйстве в настоящий момент. Говорит он о наличии рабочих рук на отделениях совхоза, о состоянии уборочной техники, о материальных и денежных средствах, недостаток которых не лучшим образом может отразиться на ходе уборочной страды, о том, что размытые последними дождями дороги сильно осложнили доставку необходимых грузов — в том числе и продуктов питания — на отделения хозяйства: машины туда в последнюю неделю проехать просто не могли. Что касается еще с весны обещанной совхозу партии новых тракторов и комбайнов, то он, директор, лично отправил за ними в краевой центр — причем одного за другим — вот уже трех человек, однако из Хабаровска не только технику не отгрузили, но даже ни телеграмм, ни телефонных звонков оттуда до сих пор дожидаться не удалось...

Все, о чем сообщил участникам совещания Рубин, им было, повторюсь, достаточно хорошо знакомым, однако выслушано было с пониманием и даже сочувствием. Вслед за директором слово взял Шерман, буквально несколько дней назад сменивший на должности начальника политотдела своего предшественника, срочно вызванного в Хабаровск. Шерман сравнительно молод, с виду добродушен, невысок ростом, что делает еще более заметным шапка его курчавых, давно не стриженных волос.

Манерой своего выступления «по текущему моменту» Шерман старательно копирует своего бывшего шефа, но (хотя и с важным видом) говорит то, что все знают чуть ли не дословно: то, что уборка урожая является важнейшей и ответственной народной хозяйственной кампанией, что по ее результатам будет дана объективная оценка как всему совхозу в целом, так и конкретно каждому его работнику и что, руководствуясь именно этим положением, необходимо мобилизовать все возможные резервы с тем, чтобы молодой Биробиджанский зерносовхоз не-

пременно вышел на первое место в крае, для чего, подчеркнул оратор, особую важность собственного труда должен чувствовать и осознавать не только рядовой рабочий совхоза, но в особенности специалисты хозяйства (не имел ли Шерман здесь в виду Абрамова, о противостоянии которого с директором начальник политотдела мог знать, что не исключено, из собственных источников?).

Вслед за Шерманом слово берет старший агроном района Левит, который начал выступление с того, о чем он уже не раз говорил и не единожды повторял, наверное, на всех собраниях и совещаниях, — о том, что все проблемы Биробиджанского зерносовхоза порождены в первую очередь пресловутой гигантоманией, о чем людям стоило бы, наконец, задуматься всерьез.

— Где вы слышали, чтобы один совхоз имел сто тысяч гектаров земли? — задает риторический вопрос Левит, подкрепляя его энергичными жестами обеих рук. — Нигде такого нет! — горячится агроном. — Взгляните на карту. Вот он — Амур, так? А вот центральная усадьба совхоза. И сколько, вы думаете, можно распахать земли вокруг поселка? Ничего и очень мало. Если не считать, конечно, частных огородов за околицей. А где же поля совхоза? На его отделениях, одно из которых справа в сорока километрах отсюда, второе — по другую сторону — в полусотне километров. Ну и как, скажите, можно в таких условиях нормально хозяйствовать? И я нисколько не удивился, когда услышал, что ваш агроном на сердце жалуется. Я бы тоже на его месте к докторам пошел... Давно уже назрела необходимость делить ваш совхоз. На два, на три — я знаю? — может, и на четыре хозяйства. Вот тогда и можно будет работать. Сколько вы сейчас га успеваете засеять? Семь-восемь тысяч, так? А за совхозом-то этих гектаров числится ровно сто тысяч.

Вряд ли кто-то отважился бы спорить с тем, что выразил в своей речи Левит. Да и проблема, которую он

затронул, действительно далеко не нова. О необходимости разукрупнения Биробиджанского зерносовхоза уже писали из района в Хабаровск, не раз говорили об этом с руководством Дальневосточного сельхозуправления — все остается по-прежнему. И сейчас, когда на подходе уборка урожая, труженикам села надо быть готовыми работать с полной отдачей сил при любых условиях. План есть план, и говорить сейчас можно только о его безусловном выполнении.

Один за другим поднимаются с мест участники совещания рангом поменьше. Тема выступлений, конечно же, у всех одна. Между тем, за окнами уже набирает полуденную силу июльское солнце. В тесном помещении — духота, за густой завесой табачного дыма уже трудно разглядеть лица сидящих, и единственным надежным способом завершения совещания становится единогласно принятое решение первым же пароходом отправить в Хабаровск еще одного человека, который, чего бы это ему ни стоило, должен будет что-то разузнать, наконец, о судьбе застрявших где-то по дороге в совхоз тракторов и комбайнов.

— Не разузнать, а организовать их доставку к месту назначения, — категорично заявил Шерман. — А ответственность за разгрузку и отладку техники возлагается персонально на руководителя совхоза товарища Рубина.

На этом порядком затянувшееся совещание в директорском кабинете и закончилось.

4

— Да, и в особенности, Моисей Львович, прими во внимание, что работать ты будешь на самой границе! — сказал тогда в ЦК Рубину ответственный товарищ. — А я думаю, ты представляешь себе, что это значит.

Что такое граница, Рубин представлял себе, пожалуй, что даже намного яснее, чем тот ответственный товарищ из ЦК. Не зря же он долгое время воевал с басмачами на

границе в Таджикистане. А забыть такое куда как не просто. И тем более никак не выбросить из памяти последовавшие уже потом события 1929 года, когда Рубин только-только прибыл из столицы на Дальний Восток. Китайские, а вернее сказать, японские военные суда сновали тогда чуть ли не под самыми окнами домов Сталинфельда (так поначалу назывался поселок центральной усадьбы еще только организующегося тогда Биробиджанского зерносовхоза). А сколько происходило в том же 1929-м трагических случаев на границе вблизи Сталинфельда! Не о них ли напоминает сейчас ограда вокруг уже поросшей густой зеленью могилы в центре поселка — могилы, в которой покоятся тела двух бойцов — красноармейца и его командира?..

Рубин до мелочей помнит события той тревожной ночи. В поселке никто не ложился спать, с часу на час все ожидали налета белокитайцев. А наутро случилось вот что. С ближней к поселку пограничной заставы угнали лошадь. Как и когда это случилось, не мог сказать никто. Начальник заставы, отправив искать пропавшего жеребчика нескольких конных, тоже оседлал коня и вместе с одним из бойцов выехал на поиски. Оба всадника поскакали вверх по течению реки в направлении Амурзета. Амур, уже окончательно вышедший здесь на равнину, вольно растекается на несколько протоков, отделяемых одна от одной длинными островами, густо поросшими тальником.

Дальше, если полагаться на рассказы местных жителей, события развернулись так. Спустя некоторое время до слуха пограничников донеслось лошадиное ржание, а через секунду-другую они увидели по ту сторону протоки своего гнедого. Но когда бойцы вместе с лошадьми переправлялись на ближний остров, течение отнесло их довольно далеко от места, где они видели своего коня. Однако, подъехав туда, лошади они уже не обнаружили. Три часа — никак не меньше — ушло у пограничников на

то, чтобы прочесать остров вдоль и поперек — поиски оказались напрасными — гневной бесследно исчез... Пришлось возвращаться. Но как только всадники, спешившись и ведя лошадей в поводу, вошли в воду по пояс, откуда-то из-за кустов прогремел выстрел. Командир упал и подхваченный течением начал тонуть. Красноармеец, неплохо умевший плавать, бросился командиру на помощь, но то ли не успел увернуться от удара взметнувшейся на дыбы лошади, то ли шею бойца резко захлестнул упавший в воду повод уздечки испуганного животного, — помочь утопающему боец уже не смог... К вечеру на заставу вернулись только две оседланных лошади. Немедленно была поднята тревога. Товарищи бросились искать пропавших. Искали долго, пока не обнаружили тела бойца и его командира далеко от места их гибели. Амур, выйдя на равнину, как будто еще не успел умерить скорость течения темных своих вод...

Рубин хорошо знал начальника заставы — совсем еще молодого белокурого парня, уроженца города Иванова. Острый на язык, добродушный, но внешне строгий, начальник заставы всегда был готов оказать Рубину услугу: дать совхозу лошадей, одолжить машину, а в горячее время — прислать на помощь, если очень надо, и своих людей.

— Мы ведь с тобой, Рубин, одно дело делаем, — повторял при этом, бывало, командир пограничников. — Ты даешь стране хлеб, я охраняю и землю, и хлеб, на которой он растет. А оба мы строим Еврейскую автономную область. Ну прав я или нет?

И вот похоронили двух пограничников в центре села, положив их вместе — и командира, и красноармейца. Да, на самой границе живем. Как об этом можно забыть?

5

Погода как будто начинает меняться. Солнце время от времени прячется в облака, прохладнее от этого, правда,

не становится. Напротив того, кажется, что облака от жары начинают плавиться и стекают на землю не успевшими остыть в воздухе мелкими каплями дождя.

Рубин чувствует себя прямо-таки разбитым: характерную для здешнего климата влажную жару он переносит с трудом. Совещание давно закончилось, люди разошлись, директор пока что остается в пустом кабинете один. Опершись локтями о край стола, он кладет голову на полуоткрытые ладони и бездумно смотрит прямо перед собой. Но вот в его сознании опять исподволь оживает и все ярче становится такая картинка: вот он раздетый с разбегу бросается в воду и всем телом ощущает ее живительную прохладу. При этом голова Рубина тяжелеет, опускается все ниже... Минутка — и человек прямо вот так, сидя за столом, готов погрузиться в нечаянный сон...

— Папа, — сквозь полузабытье доносится до его сознания голос дочери.

— А, это ты, Мая! — мгновенно приходит в себя Рубин.

— Пап, ты идешь завтракать? А то я все жду-жду...

Бодро вскочив с места, отец проводит одной ладонью по светлой головке дочери, другой достает из кармана ключ от кабинета: идем-идем, моя умница!

Сторож Бер, рослый пожилой мужчина, который не только во время ночного дежурства, но даже и днем не снимает с плеча старой двустволки, завидев Рубина, идущего сейчас с дочкой не иначе как домой, сильно удивился: быть-де такого не может! Время — только-только к обеду, а Моисей-то Львович уже, гляди, домой направился. В последние дни директор, если он только не объезжал совхозные отделения, из кабинета своего выходил, когда в домах уже окошки светиться начинали, а тут...

Сам Бер к этому времени, как всегда, успел хорошо отдохнуть после своей бессонной «рабочей» ночи, а сейчас решил немного прогуляться и по пути наведаться в

лавку к Липинскому, что как раз через улицу от совхозной конторы, а придя «в гости», посидеть прямо на пороге торговой точки, поболтать о том о сем, неспешно выкурив одну за другой пару добрых самокруток.

Сюда, в кооперативный магазинчик, к этому времени обычно подходит и Гершл Зайчик — ровесник Бера — сухощавый низенький еврей (да и как человеку с фамилией «Зайчик» рослым и полным быть?). От природы смуглое лицо Гершла все сплошь в мелких морщинах. Зайчик в недавнем прошлом — театрал (так он всем представляется), а если точнее — суфлер в кочевавшей по белу свету труппе артистов-евреев. С ними-то Гершл и оказался в 1931-м в приамурском совхозе, где, отстав от своих, получил здесь должность кладовщика. Бывает, заскакивает в магазин сосед и близкий друг Гершла и тоже при случае рекомендуящий себя не иначе как «деятелем искусства» Шмуэль Бельфер — человек, лицом и статью чем-то похожий на своего приятеля Зайчика, с той только разницей, что тот бреется, а лицо Шмуэля сплошь заросло колючей рыжей бородой. Бельфер из тех евреев, которые любят порассуждать на темы отвлеченные или, как он сам выражается, пофилософствовать, и, между прочим, почти все суждения свои излагает на бумаге. Причем, что характерно, излагает, представьте себе, стихами! Раньше, когда сталинфельдский «философ» жил на Украине, у него было время, как рассказывает он сам, писать в стихах даже письма друзьям и родственникам. С десятков таких «поэтических» писем с философским, конечно же, содержанием он отослал, например, своему хорошему другу в Америку, в город Бостон. Этот его американский друг тоже большой любитель философии, и однажды он за такие письма прислал их автору даже несколько долларов, а также отписал ему в своем письме, что, когда он получает «философские письма» с Украины и читает их тамошним своим друзьям и знакомым, те прямо покатываются со сме-

ху: уж очень остроумно рассуждает Бельфер о жизни.

Жалко, что сейчас он, Шмуэль Бельфер, здесь, в Еврейской области, сильно загружен разными делами и перестал писать свои письма в Америку, так что его бостонский друг уже начал было думать, что с ним, Шмуэлем, не дай бог, случилось что-то плохое. Бельфер, однако, попросил своих земляков на Украине сообщить в ту Америку свой новый адрес, и вот — что вы себе только думаете? — на той неделе ему принесли письмо от его американского приятеля, в котором тот прямо слезно просит адресата продолжать писать ему его великолепные философские письма.

А еще, надо тут добавить, что Шмуэль Бельфер — хороший фотограф и имеет в своей коллекции немало фотоснимков людей знаменитых.

— А кто посмеет сказать, что он, Шмуэль Бельфер, человек не занятой? Вы только на его подворье взгляните — образец просто! И на совхозной работе Бельфер — человек не из последних. Где уж тут ему свободное-то время найти? А ведь мог бы в каком-нибудь большом городе фотографией заниматься! Ну да ведь сам же отсюда никуда уезжать не хочет, — справедливо утверждает и Бер, и те, кто хорошо знает рыжебородого «деятеля искусства».

О многих людях и о многих вещах Бер может толково порассуждать и с Липинским — человеком основательным и серьезным. Однако как-то уж так получается, что чаще всего они разговаривают о Рубине. Липинский, как всегда неспешно, — и при этом о чем бы ни заходила речь, — для начала вынимал из кармана коробку дорогих папирос и угощал ими всех своих собеседников: люди должны получать от общения между собой, да и вообще от жизни, хотя бы и маленькие удовольствия. Вон даже сам товарищ Сталин сказал: жить, мол, стало лучше, жить стало веселей. Значит, так нам жить и надо.

— А это уж как сказать. Не всем пока так уж легко да

весело живется, хотя, ты говоришь, так надо. Возьми, к примеру, нашего Рубина, — глубоко затянувшись папиросным дымом, начинает разговор сторож Бер.

Завмаг Липинский, в прошлом — носильщик, высокий сутуловатый еврей в больших роговых очках, больше похожий на бухгалтера, чем на лавочника, сидит на прилавке, забросив ногу на ногу, и тоже дымит папиросой.

— Да что ты все «Рубин то... Рубин се...». В жизни для всех один закон — трудись, человеке, коли жить хочешь, — с расстановкой парирует Липинский, приподнимая на лоб очки. — Я вон, ты знаешь, после контузии на польском фронте левым глазом вообще не вижу, да и правый у меня тоже так себе... Но работаю же и ничего больше от жизни не требую.

— Тут и говорить нечего, — охотно вступает в разговор «философ» Шмуэль. — Жизнь, как справедливо пишут люди ученые, это дорога к смерти. Сделало дитя свой первый шаг по земле, а шаг этот куда его в конце концов приведет? Вот-вот. А труды и заботы, хочешь — не хочешь, человека забывать об этом заставляют. Так вот я и хочу вас спросить: о чем лучше думать-размышлять — о делах, пускай даже и очень трудных, или о собственной кончине?

— Да что там эта смерть, — звучит ответ Липинского. — Я в партизанах ей не раз в глаза смотрел и так себе думаю: коли суждено тебе жить — живи себе да и все тут.

Все собравшиеся уже знают, что сейчас Липинский непременно начнет вспоминать про то, как он партизанил в отряде Пашкевича и про самого Пашкевича, который сейчас стал важным начальником на Одесской железной дороге, и как они в тех же краях сражались с бандами Деревянко. Больше месяца красные бойцы преследовали тогда свирепо огрызавшихся огнем бандитов, пока те в беспорядке не разбежались, а их главарь нашел себе убежище в пещере в лесу неподалеку от своего села.

И только отец того злодея помог задержать лютого врага Советской власти, выдав его красным.

...Между тем к магазину подошел и с начальственным важным видом начал медленно подниматься на высокое крыльцо завхоз Меламед. Светловолосый Меламед совсем еще молод, но от большинства своих ровесников отличается подчеркнутой неторопливостью и заметной полнотой. Принято считать, что два этих признака либо показатель солидной должности человека, либо верный шанс таковую занять, хотя завхоз свою полноту и тяжеловесность унаследовал, скорее всего, от матери — женщины не только чересчур упитанной, но еще и чрезвычайно энергичной и властной. Кстати сказать, она убеждена: если мужчина хочет в жизни чего-то добиться, то его место в городе (ну, например, хотя бы в Биробиджане), но никак не в деревенской глуши. Меламед, однако ж, ни своим теперешним местом жительства, ни общественным положением ничуть не обескуражен. Более того, как и многие евреи-переселенцы, прибывшие в Дальневосточный край еще в прошлом десятилетии, он приравнивает себя к числу людей как бы благородного сословия. Работал Меламед в первое время на рисовых плантациях, пережил, как рассказывают, на новом месте таки немало трудностей, но тем не менее смог перетянуть из белорусского местечка в будущую Еврейскую область сначала братьев и сестер, а за ними и родителей.

Все присутствующие в данный момент в магазине почтительно приветствуют Меламеда: тот годами хоть и молод, а все ж, как ни скажи, начальство. Особое отношение к совхозному «интенданту» — своему тезке — у Липинского. Во-первых, потому что в свое время именно благодаря Меламеду он получил должность продавца. Во-вторых, Меламед всегда с неподдельным интересом слушает воспоминания старого партизана Липинского, считая того чуть ли не героем, что самому «герою» не только просто приятно, но и позволяет ему этак зап-

росто обращаться с заместителем совхозного директора по хозяйственной части. К примеру, так: «Ну я уже тебе, Меламед, это рассказывал. Не стану же я врать...» или «А ты помнишь, Меламед?..». И если Меламед чего-то там помнить не мог, Липинский с видом превосходства, придавая голосу нотки сочувствия, произносил: «Ну да где тебе это помнить? Ты ж тогда еще пешком под стол ходил...»

На сей раз визит Меламеда в поселковый магазинчик вызвал у Липинского безотчетное беспокойство. Липинский уже наслышан, что из совхоза по каким-то делам срочно отправляют в Хабаровск человека и что человеком этим, по его, Липинского, мыслям, скорее всего будет Меламед. А в совхозной кассе, как тут давеча жаловался агроном Абрамов, совсем пусто. Значит, Меламед этот появился сейчас в сельский магазинчик, конечно же, не пряники покупать. Ах, Рубин-Рубин, скоро он совсем разорит Липинского. Ну, слава Богу, что не его лично, а кооператив. Сколько уж совхоз перед пайщиками в должниках ходит!

Поздоровавшись с Меламедом, Липинский, как оно положено, занимает место за прилавком и, близоруко щурясь, с подчеркнутым вниманием начинает что-то там сосредоточенно рассматривать на полках с товарами.

Меламед, легко разгадав дипломатическую уловку продавца, делает вид, что того в магазине вообще нет, а вот сидят тут евреи, как и он, Меламед, заглянувшие в магазин без особой цели, — перекурить за беседой о том о сем, а заодно и в тенек укрыться — жара-то сегодня вон какая опять...

— Я чего зашел-то? Говорят, у тебя тут хорошие папиросы появились, Липинский. Правда — нет? — произносит Меламед, отирая платком мокрое от пота широкое лицо.

— Да, есть «Ява». Где-то, по-моему, пачек пять еще осталось.

— Да у нашего Липинского все, что хошь, найти можно, — отозвался Бер.

— Да. Были бы только деньги у тех, кто ищет, — вторит сторожу Липинский. — А сейчас и у того, кто товар этот продает, денег этих тоже что кот наплакал да баран начал, — добавляет продавец, явно адресуя последние слова «начальнику».

Приняв из рук продавца коробку «Явы», Меламед долго и внимательно рассматривает ее со всех сторон, вслух читает надпись:

— Государственная табачная фабрика в Москве «Ява».

Щелкнув по узорчатой коробке, ногтем вспарывает ее с одного бока и, открыв, долго разглядывает ее содержимое. Потом отделяет от ровного ряда остальных одну папиросу и, приложив ее к носу, шумно вдыхает запах душистого табака. Все четверо присутствующих в магазинчике с интересом наблюдают за каждым движением Меламеда.

— Ну, — первым прерывает молчание Липинский, — стоит такой товар своей цены?

— Я знаю? — пожимает плечами Меламед. — Стараясь всем своим видом показать, что ему бывало и куда лучшие папиросы, чем «липинская» «Ява», курить доводилось. Все присутствующие при этом нетерпеливо тянут руки к щедро распахнутой Меламедом коробке папирос и дружно закуривают. Нет, что и говорить, умеют в Москве отличные товары производить. Вот только позволить себе курить хотя бы и эту «Яву», — единогласно признают курящие, — может разве что хорошо обеспеченный холостяк, но уж никак не человек семейный. Потом общий разговор переходит на тему погоды: хотя дожди сейчас, в пору сенокоса, вроде как и не кстати, но от непродолжительного грозового ливня совхоз, пожалуй, сильно бы не пострадал. Слово за слово, и объектом досужей беседы становится директор хозяйства. Сторож Бер высказался о Рубине так:

— Будь на его месте кто другой, я бы, пожалуй, без работы сидел. В мои годы да с моим здоровьем большое хозяйство стал бы кто держать? Ну и сидел бы я тут без куска хлеба. А так я хоть при каком-то месте.

— И что, хорошо он тебе платит? — вставляет вопрос Шмуэль.

— Да в плате ли дело? Ты человек до той поры, пока людям нужен. Так же? А что, если не работа тебя таким человеком делает? Я вот за прошлый год расскажу. Зима на носу, а я без валенок. А длинными ночами да на морозе в сапогах стоять — это как? Без ног останешься. Я — к директору. Так и так, мол, товарищ Рубин, как мне быть? А он мне этак с улыбочкой: «Будут тебе, Бер, валенки, обязательно будут». — «А когда они будут? — спрашиваю. — Может, к следующему лету?» — «Да зачем же, — он мне говорит, — тебе летом валенки?» — «Ну так вот, — я говорю, — пока мне валенки не выдадут, на работу я ходить не буду». — «А по-моему, — он мне говорит, — ты совсем не похож на тех людей, которые могут от работы отказаться. Верно я говорю?» Ну и как мне тут было с этим Рубиным спорить? Вот такой он человек...

Гершл Зайчик, бывший суфлер, выслушав монолог Бера, глубокомысленно изрек:

— Люди они что актеры на сцене: какую роль им дают, такую они и исполняют. Назначили человека директором, он как директор себя и ведет. Вот поставили меня кладовщиком, я кладовщиком и остаюсь.

Шмуэль Бельфер, в свою очередь, прокомментировал:

— Не скажи. Кого другого хоть большим начальником назначь, хоть самым господом Богом назови, он ни умней, ни глупей от этого не станет, а вот натуру свою людям — как уж оно водится — «от и до» проявит. И разве Рубин наш не такой?

Липинский, рассчитывая упредить Меламеда, если тот заведет с ним речь о новом кредите, продолжил:

— Жесткий это человек, Рубин. Даже очень жесткий! Мне сейчас край как надо в Биробиджан за товаром ехать. А у меня что — своя машина имеется? Иду в совхоз: «Товарищ Рубин, дайте, пожалуйста, машину — товар привезти. А он мне: «Оплати поездку — бери хоть две машины». Я ему говорю: «Что значит “оплати”? Где у меня деньги на транспорт? Да и товар нужен ведь не мне, а вашим совхозным рабочим». Он по своей привычке улыбается: «Нет, пока что это еще твой товар, а не моих работников». Я ему опять: «Но мне-то лично целая машина муки, соли и сахара не нужна. А кому все это надо, пусть меня транспортом и обеспечит». Только бесполезным тот наш разговор оказался. Вот такое у вашего Рубина к людям отношение.

Меламед, для ушей которого, собственно, и предназначалась сердитая тирада Липинского, курит и молчит. Он ведь пока что ни единого слова не проронил об истинной цели своего визита в сельскую лавку. Между тем, Липинский стремится уже окончательно поставить точку вероятным, пусть пока еще даже и не начатым, но, без сомнения, ожидаемым переговорам о деньгах:

— Вот. Сижу без товара и с моря погоды жду. Авось да и вынесет нам волной на бережок целую машину муки, соли да сахара.

Наконец, выпустив изо рта густую струю табачного дыма, подает голос и Меламед:

— Говорят, сегодня пароход на Хабаровск должен быть. Да-да, вроде как сегодня и должен, — добавляет он вполголоса, будто бы просто так, для себя. При этом он и бровью не повел, дабы не обнаружить причину своего прихода в сельский магазин. А шел-то он сюда — таки да! — как раз по прямому распоряжению Рубина получить у Липинского очередной заем, чтобы именно сегодня и отправиться в Хабаровск первым же пароходом. Не позже, чем через два-три часа пароход этот уже будет стоять на здешней пристани.

Между тем Бер, поднявшись со своего места, вскидывает на плечо свое ружье и, кивком попрощавшись с приятелями, направляется к конторе: с минуты на минуту туда вернется с обеда Рубин. Покидают помещение магазина «театрал» Зайчик и «философ» Бельфер. Меламед остается наедине с Липинским.

— Ну ладно. Пойду и я по делам, — медленно, как и все, что он делает, отрывается от табурета заведующий хозяйством. И не будь он в нескольких шагах от Липинского, тот при этих словах Меламеда глубоко и облегченно вздохнул бы: как оказалось, его опасения относительно очередного кредитования совхоза были совершенно напрасными, и уносил Меламед из магазина всего лишь коробку папирос «Ява». Придерживаясь за дверной косяк, Меламед уже шагнул за порог, но чуть помедлив, оглянулся назад и без тени малейшего интереса произнес:

— А деньги у тебя, как я понял, есть. Не зря ж ты собирался привезти целую машину товара.

И Липинский, все это время только и ждавший, что Меламед заговорит о деньгах, потерянно забормотал:

— Деньги? Ну, может, на одну машинку только что и хватит. А так, чтобы много-то... Да где их много-то взять? Копейки...

«Порядок!» — сходя с крыльца, с удовлетворением думает Меламед. А уж искушенный в административной дипломатии Рубин найдет способ заполучить у Липинского нужную сумму. А тот сейчас растерян и прямо подавлен тем, что так неосмотрительно, да и просто глупо, проговорился о состоянии своей кассы, рассказывая о своей попытке получить у Рубина грузовик. Вот ведь опять же — и в который раз! — вырастет долг совхоза перед кооперацией... Липинский куда как хорошо знал об умении Рубина заставить человека захотеть поступить так, как хочет этого он, то есть Моисей Львович Рубин.

Ладно, сегодня он ему, так и быть, уступит. «Только уж теперь-то это будет уже в самый последний раз!» — твердо решает завмаг.

6

Фридман страшно раздосадован и тоже сердится сейчас не на кого-то, а на самого себя. Там, в конторе, он повел себя ну прямо как мальчишка. Ведь шел-то он к Рубину, чтобы решить, наконец, вопрос с квартирой, а разболтался про эту олимпиаду, да и забыл о деле. Вот и ходи теперь как оплеванный. Главное, что и как он жене может про свой сегодняшний визит к директору сказать?..

Зелик Фридман работает в совхозе электросварщиком и считается прекрасным специалистом. Отец Зелика, кузнец и признанный мастер своего дела, между прочим, когда-то хотел, чтобы сын его стал раввином и отправил его в иешиву. Учился там парень неплохо, но, не испытывая особенного желания сделаться священнослужителем, однажды появился в родительском доме в форме бойца Красной Армии. А было ему тогда еще неполных семнадцать. Через два года толкового юношу, уже получившего боевой опыт, направили в школу красных командиров. Однако судьбы человеческие не ведают путей прямых и гладких, и Зелику Фридману так и не довелось стать ни раввином, ни кадровым военным.

Демобилизовавшись, Фридман исколесил немало разных дорог по стране, словно ветром носило его по ней, но что следует подчеркнуть особо, везде он трудился на совесть и был примером для других. В общем, и «охота к перемене мест», и трудолюбие у Зелика Фридмана вполне себе даже органично сочетались. А до того, как переселиться в Приамурье, потрудился он и в Кривом Роге, и в Днепропетровске, и в Батуми. Будучи мастером электросварки, на заработки нигде не жаловался. Зелик, как признается он сам, надолго не задержался бы и в

здешнем зерносовхозе, если бы не Рубин. Как это понимать надо? А вот представьте себе: жалеет он Моисея Львовича. Неспроста же говорят, что Биробиджанский зерносовхоз в три, а то и в четыре раза больше нормальных таких же хозяйств. И все это на плечах одного директора. Значит, и здесь, в Сталинске, и в других селах совхоза нужны прежде-то всего рабочие, причем рабочие высокой квалификации. А их, таких-то, много ли здесь? Вот он, квалифицированный сварщик Фридман, считай, на весь совхоз один такой. И занесло же его в этот Сталинск! Ну и ладно бы оставаться здесь парню холостяком. Холостому для жизни что нужно? Ничего и очень мало, как в народе говорят. А тут в один прекрасный день (Зелик и сам, признаться, такого от себя не ожидал) сделался он человеком семейным. И все было бы, как говорится, в полном ажуре, если бы молодожены вместо коек в двух соседствующих домах, один из которых был общежитием, располагали пусть и небольшой, но отдельной комнатой. А пополнится семья еще одним человечком (что как будто скоро уже и должно случиться), надо будет обязательно и о каком-то личном хозяйстве думать... Все это сегодняшним утром во всех деталях и собирался Фридман изложить товарищу Рубину. Но, поди ж ты, как оно все нелепо вышло... И что Зелик теперь должен будет доложить жинке?

Все эти невеселые мысли роились в голове Фридмана, когда он размашистым шагом направлялся к машинному двору. Но (всему свой час и всему свое место) уже в мастерской, включив в работу сварочный аппарат и привычно надвинув на лицо маску, Зелик с головой ушел в работу. Рассыпая во все стороны фонтаны искр, солнечной точкой затрепетал под руками мастера ослепительный огонек электрической дуги. Предельно сосредоточившись на все удлиняющейся строчке идеально ровного сварочного шва, Фридман незаметно для себя переходит на мысленный спор с горячим металлом: «Не-ет,

от меня тебе, друже, уж никуда не деться! Все будет только так, как я хочу. Держись сам и держи крепко-накрепко то, что тебе держать положено...»

Если бы кто-то взялся сейчас провести хронометраж действий электросварщика Фридмана, человек с секундомером уверенно заключил бы: сварщик этот в полтора, если не в два раза, перекрывает установленные для обычных рабочих операций нормативы. Здесь, в мастерской, если так можно выразиться, каллиграфический рабочий почерк и деловая «скоропись» Фридмана уже никого не удивляют. И когда речь заходит о срочном ремонте техники (а речь такая заходит здесь совсем нередко и зайти может в любое время суток), на работу неизменно вызывают Зелика Фридмана. Известный принцип «Кто больше везет, на того больше и грузят», вероятно же, не так уж и справедлив, но разве кто-то пытался его отменить на практике? Фридман, к месту сказать, тоже никогда не делал таких попыток: раз надо значит так действовать и надо, а действовать активно он готов всегда.

Первая половина рабочего дня в совхозной мастерской закончилась как обычно. Ровно за пять минут до обеденного перерыва, уложив маску, фартук и резиновые перчатки в шкафчик, Фридман и идет к умывальнику снова невольно возвращается к невеселым размышлениям о пресловутом квартирном вопросе. Ну что он скажет сегодня супруге? А ведь Рубин, между прочим, сам — и не однажды — давал обещания решить вопрос с жильем для ударника Зелика Фридмана. И когда не так давно вручал ему премию, и когда как-то рассказывал о нем в беседе с корреспондентом районной газеты. «Нет, если Рубин завтра же не решит вопрос с жильем, то все! Уедем. А чего еще прикажете? Свет, что ль, на этом зерносовхозе клином сошелся?» С этой мыслью Зелик и покидает мастерскую.

Пароход из Амурзета уже вышел и скоро должен быть в Сталинске, о чем было нетрудно догадаться по уже стоявшей неподалеку от причала местной почтовой «ка-рете». И действительно: далеко справа на бледно-голубом краешке неба уже проявился жидкий дымок, густеющий по мере своего приближения к пристани. А вот уже до слуха ожидающих парохода доносится протяжный свисток и через минуту в поле зрения в буквальном смысле слова всплывает внушительных размеров корпус трехпалубного «Косарева», замедляющего ход в двух-трех десятках метров от берега.

...На узкой деревянной скамейке под окнами совхозной конторы сидит агроном Абрамов. Лицо его не то от жары, не от нервного напряжения залито густым румянцем. Вот уже и пароход причалил к берегу, и ему, Абрамову, на нем бы сегодня и отбыть отсюда, а с Рубиным он до сего времени так ни о чем и не договорился. Ладно, деньги в Хабаровск уволенному агроному совхоз может выслать и позднее, но Абрамову, что главное, еще и документы забрать из конторы надо. Как-никак два года он в зерносовхозе отработал и характеристику заслужил примерную. Сам же директор не раз его за хорошую работу поощрял. Абрамов, разумеется, отчетливо осознает, что самая середина лета — пора, когда до уборочной остаются считанные дни, для агронома не лучшее время бросать работу — работу, которую он по-настоящему здесь и полюбил. Но вот ведь оно все как вышло-получилось... Только люди (да и Рубин в том числе) ну должны же понимать, какие такие обстоятельства вынудили агронома Абрамова принять, возможно, не лучшее и для него самого решение.

...Рядом со скамейкой, на которой сидит невеселый Абрамов, полулежа расположился на траве долговязый парень в стоптанных сапогах, надетых на босу ногу, и, словно подслушав горестные размышления Абрамова,

просто так, ни к кому не обращаясь, говорит:

— Не-е, лично мне, к примеру, в этой дыре ловить нечего. Ну-ка попробуй кто на сто восемьдесят рублей в месяц прожить. Хорошо еще, что я жинку дома в Одессе оставил. Ведь здесь только за еду и работаешь. А этому Рубину что? Говорит, как работаешь, так тебе и платят. Ну а если что, так тебя, говорит, никто тут не держит. Хорошенькое дело! А когда дожди шли, где мне было работать да зарабатывать, спрашивается?

Произнося все это, парень непрерывно запускает руку в широкие голенища изрядно поношенных сапог и, побряхтывая, с видимым наслаждением чешет то одну, то другую ногу. А Абрамова неприятно царапают слова парня-верзилы. Сам он хорошо знает, что тот лодырь, каких поискать только, но в эти минуты разделяет одно из его мнений сполна: не нравится что-то человеку в совхозе, можешь увольняться — дескать, скатертью тебе дорога, а станешь критиковать да возмущаться, смотри, как бы чего лишнего не наговорить — себе же самому дороже может выйти...

Между тем в совхозную контору возвращается с обеда директор Рубин. Рядом с ними вразвалку шагает Меламед, а вслед за ними — чуть поодаль — идет в направлении конторы сварщик Фридман. А вот из-за крайнего дома в ближнем переулке появляется еще один персонаж — среднего роста молодой человек в помятой соломенной шляпе. Заметно чем-то взволнованный, еще издали, явно продолжая прерванный разговор с директором, он окликает его:

— Ну так что ж мне теперь делать, товарищ Рубин? Я ж говорю, что...

— Да успокойся ты, наконец, Дашевский! — на полуслове прерывает «просителя» Рубин. — Ведь сказано же было тебе: переговорю я насчет твоего дела с доктором, обязательно переговорю.

Молодому человеку, которого Рубин назвал по фами-

лии «Дашевский», ответ директора показался как будто недостаточно убедительным, и он в прежнем жалобно-просительном тоне проговаривает:

— Ну хорошо. Тогда я пойду. Только вы, Иосиф Львович, уж, пожалуйста, не забудьте о моей просьбе...

Когда Рубин в сопровождении Меламеда и Фридмана взошел на крыльцо конторы, долговязый одессит поднялся с земли и, скорее машинально стряхнув пыль с давно забывших стирку штанов, тоже направился в контору. Встал со скамейки и агроном Абрамов.

— Погодите-погодите минутку, товарищи, — бросил Рубин через плечо одесситу и Абрамову. — Дайте мне сначала с одним закончить, — и вслед за Меламедом шагнул через порог. Но, будто спохватившись, остановился и перед тем, как скрыться за дверью, скороговоркой произнес:

— Да, Абрамов, чуть ведь, слушай, не забыл. Заявление я твое подписал. Все, что тебе положено, иди и получи в бухгалтерии.

— Вот повезло человеку! — не без зависти произнес с тяжким вздохом одессит. — И свалилось же на мою бедную голову это «еврейское государство»! Фельдман, угости папирской.

Абрамову, скоренько «отметившемуся» в бухгалтерии, хватило всего каких-нибудь полчаса, чтобы, собрав рюкзак и чемодан, поспешить на пристань. Все вышло так, как он и хотел: в одном кармане у него — все нужные документы, в другом — деньги, включая и те, что были (что уж там ни говори) до поры до времени придержаны в совхозной кассе по распоряжению Рубина. Однако на лице агронома сейчас — ни следа радости или хотя бы удовлетворения. Да и откуда им быть? Вот она вокруг него земля, в которую — поначалу местами совершенно дикую — сам он, агроном Абрамов, вложил-таки немало труда, вот дома сельчан, которых он знает всех наперечет и среди которых немало таких же тружеников, как и

сам он; здесь же, в зерносовхозе, остаются и его коллеги-агрономы, с которыми он успел подружиться... Ах, если бы кто-нибудь в эту минуту остановил его сейчас и, тепло, по-дружески поприветствовав, сказал бы ему: «Слушай, Абрамов, и чего это ты надумал от нас бежать в какой-то город? Оставайся, работай так, как ты это умеешь. А жену свою привози сюда, и мы здесь еще такую гулянку по случаю вашего бракосочетания устроим — на всю жизнь запомнится. Не уезжай, друг!..» И уж, наверное, — даже без особых раздумий — вернулся бы Абрамов в свою холостяцкую комнату, распаковал бы вещи и, уладив все необходимые «конторские» формальности, следующим же пароходом налегке отправился бы в город Хабаровск, чтобы привезти оттуда в Сталинск законную свою «половинку».

Но вот только никто не встретил и не нагнал агронома Абрамова по дороге к речному причалу, чтобы сказать ему те самые слова, и, ни единого разу не оглянувшись назад, новый пассажир «Косарева» поднялся по шаткому трапу и поспешил занять место в салоне.

Минут через десять тем же путем, что и Абрамов, проследовал к пристани Меламед.

— Ну что? Выходит, вместе едем? — неожиданно услышал он позади себя голос Липинского. — Думаю, в Хабаровске мне в товаре уж точно не откажут, а?

— И без техники даже не смей мне возвращаться! — уже сквозь шум отчаливавшего парохода до слуха Меламеда донесся с берега напутственный окрик Рубина.

8

Не каждому из нас везет (или не везет) в жизни всяческими переменами. Иной раз живет себе человек и живет. А сколько лет проживает, это уж как ему судьбой отмеряно. И ничего особенного за это время ни с ним, ни у него не происходит и не случается. Если, понятное дело, не считать таких вполне обычных событий, как

женитьба, рождение детей, ну или, скажем, переезд из одного города в другой.

Врачу Брукеру, заведующему поселковой больничкой (а скорей уж амбулаторией), волею неких запутанных обстоятельств состоящему в Сталинске пока что на должности фельдшера, до приезда в Еврейскую область довелось не однажды испытать капризы той самой судьбы. А уже здесь, на Дальнем Востоке, в числе прочих пережить и далеко не совсем обычную ситуацию, которую он при случае охотно описывает каждому новому человеку. Именно такая возможность как раз сегодня и выпала доктору Брукеру, когда он нашел, без сомнения, заинтересованных слушателей в лице двух молодых людей, приехавших в Сталинск накануне вечером, один из которых представился ему банковским служащим из Биробиджана, другой — высокий, в очках в тонкой оправе — писателем аж из Киева. Сейчас оба они сидят у доктора за столом и, конечно же, внимательно слушают о любопытном происшествии, главным лицом которого и оказался сам рассказчик.

Поведал же он нам о том, как пару лет назад, перед самым новогодним праздником, он, советский врач Брукер, спас от неминуемой смерти пятилетнего сына одного важного китайского чиновника — нойона, то есть градоначальника и одновременно главного городского судьи. У того буквально за считанные часы с высокой температурой свалился ребенок. Ни у кого из тамошних местных лекарей ни нужных лекарств, ни каких-либо других средств для помощи больному не нашлось. Положение становилось критическим, и отец мальчика вынужден был обратиться к начальнику пограничной стражи связаться с командиром нашего погранотряда с просьбой: нельзя ли, мол, сделать так, чтобы мальчика осмотрел кто-то из русских врачей? Соответствующее разрешение от нашей комендатуры было получено, и Брукера, усадив в сани, быстро доставили на противопо-

ложный берег Амура. Осмотрев больного, приехавший врач безошибочно диагностировал у него круп. Опасная болезнь прогрессировала, и мальчик через считанные часы мог умереть от удушья. Срочно требовалась хирургическая операция. Но у Брукера, во-первых, не было при себе нужных инструментов, во-вторых, делать операцию в домашних условиях невозможно в принципе. И «русский» предложил нойону (общение шло через переводчика) везти мальчика в Сталинск, в крохотную сельскую больничку, а там, мол, посмотрим, что предпринять. Мальчика, с головой укутав шубами, на тех же санях доставили на нашу сторону. «Должен вам сказать, — продолжает свой рассказ доктор, — что чувствовал я себя тогда, как вы понимаете, не лучшим образом. Жизнь малыша буквально висела на волоске, и если его немедленно не прооперировать, то... Я решил действовать. Но вы представляете, какую ответственность принимает на себя наш брат, когда приходится иметь дело с запущенным случаем! Тут ведь или — или...»

И вот на столе, наскоро приспособленном под операционный, лежит худенькое тельце иностранного пациента. В небольшом помещении амбулатории воцаряется буквально мертвая тишина, хотя здесь кроме врача и сестры находятся начальник комендатуры с двумя бойцами-пограничниками, отец больного ребенка и с ним — переводчик. Взгляды всех присутствующих устремлены на руку хирурга, приблизившего остро блеснувший скальпель к самому горлу мальчика. Через доли секунды лезвие ножа войдет в живую плоть ребенка. На какое-то мгновение Брукер и комендант обмениваются выразительными взглядами: «Ну что?!» — читается безмолвный вопрос в глазах военного и вслед — подбадривающий кивок: «А ну, доктор, покажи им всем, что мы можем!». «И мы таки можем!» — мысленно отвечает командиру Брукер и уверенно проводит скальпелем короткую черту по горлу мальчика. «Ах-х!» — коротким вдо-

хом одновременно реагируют на это наблюдающие. Из-под разреза показывается сначала тоненькая ниточка крови, а затем из раны брызжет струя желтого гноя. И сразу же сиплое прерывистое дыхание ребенка становится неслышным. Операция прошла и прошла успешно! Остальное сложилось уже совсем обычно. Еще несколько дней у кровати выздоравливающего сына дежурил отец, и китайчонок удивительно быстро встал на ноги.

Маньчжурский градоначальник тогда прямо не знал, как отблагодарить Брукера за спасение сынишки. Он предлагал ему большие деньги и целую кучу подарков. Но Брукер с добродушной улыбкой попросил переводчика объяснить нойону, что советские врачи оказывают помощь населению бесплатно, тем самым просто исполняя свой профессиональный долг.

Увлечшись рассказом о том своем необычном вояже за границу и о «публичной» хирургической операции, доктор тут же вспоминает еще несколько любопытных случаев из собственной практики, и нам, его слушателям, неспроста начинает казаться, что жизнь врача Наума Брукера прямо-таки переполнена необычайными происшествиями и настоящими приключениями. Впрочем, без них, твердо убежден сам рассказчик, наверное, и сама жизнь утратила бы для него и смысл, и особенный вкус.

Доктор мог бы рассказывать о себе еще и еще, но его увлеченный монолог был прерван стуком в дверь. «Разрешите войти?» — тут же с порога прозвучал хрипловатый баритон совхозного директора Рубина. Извинившись за неожиданное «вторжение», Рубин со смущенной улыбкой пожал руки мужчинам, по-свойски поприветствовал сидевшую чуть поодаль от нас докторшу и тоже присел к столу.

— Ну и как же ты, Брукер, принимаешь гостей? Небось угощаешь их своими майсами («майсэ» означает

«рассказ» или «сказка» — прим. перев.)? — заговорил Рубин и, обращаясь уже к нам, продолжил: — Ну а что вы у нас тут увидели-услышали? Думаете погостить у нас еще?

Жена Брукера, до этого спокойно сидевшая в сторонке и так же внимательно, как и мы, слушавшая «майсы» супруга, с приходом Рубина засуетилась:

— Ну, наверно, уж хватит этих разговоров, — заговорила докторша. — Давайте-ка чайку выпьем. А вам, Рубин, я думаю, заодно и перекусить бы не мешало.

И не ожидая ответа, достала из шкафчика и расставила на столе тарелки с хлебом, сыром, огурцами и прочей едой. Тут же появилась глиняная миска с медом.

— А вы уж не обижайтесь за такое скромное угощение, — обратилась хозяйка к приезжим. — В городе-то вам наверно что-нибудь повкусней бы предложили.

Тем временем отлучившийся на минутку доктор вернулся к столу с бутылкой наливки. Отведав по стопочке ароматного вина, все приступили к еде, что не помешало завязаться общей беседе. Не принимал в ней участия только Рубин, судя по всему, порядком проголодавшийся и сполна отдающий должное закускам. Вниманием же сидящих за обеденным столом постепенно завладел словоохотливый банковский клерк:

— Область еврейская наша строится, — это факт, — начал свое рассуждение мой попутчик. — Только строится-то уж больно медленно. Вот взять к примеру хотя бы ваш этот зерносовхоз. В нынешнем году что тут у вас построено? Да почти что ничего. Школа, вы скажете? Да, не спору: школа в Сталинске теперь есть. Только вспомните-ка, сколько времени ее строили. Ну то-то. А что можно за здешний техникум сказать? И где только директора этого техникума откопали? Он же ни в финансах, ни в строительстве решительно ничего не смыслит. Полный ноль. Взял он у нас кредит. Якобы на какой-то ремонт. Копеечный, можно сказать, кредит. А за

такие деньги не то что приличный дом то ли построить, то ли отремонтировать — пару землянок не оборудуешь. Ну хоть что-то путное могли хотя б уж начать строить...

Рубин, не отрываясь от еды, внимательно выслушивает речь бухгалтера и, судя по всему, воспринимает его суждения скептически. Банковскому ревизору стоило бы поосновательней вникнуть в суть дел на сельских стройплощадках. Точней сказать, на причины, в силу которых дела эти идут и во всем районе ни шатко, ни валко. Это если еще очень мягко выражаться. Но в дискуссию с «банкиром» директор вступать не намерен. Да, в конце концов, к доктору Брукеру он зашел сегодня вовсе не для обсуждения разных масштабных проблем. У руководителя крупного совхоза своих хлопот полон рот. И не переставая жевать, Рубин резко меняет тему, затронутую городским гостем доктора:

— Тут подошел ко мне сегодня управляющий вторым отделением Дашевский. Ребенок у него, говорит, разболелся. Нервничает, понятно, человек и просит, чтобы на отделение приехали вы, Брукер. И поехать вам туда таки надо. Вы знаете, что там, на этом втором отделении, совсем молодой фельдшер, а Дашевский ему попросту не доверяет.

Брукер, конечно, сразу почувствовал, что Рубин неспроста пришел к нему в гости. Но вот как ему, Брукеру, на то отделение ехать? И почему бы самому Дашевскому не прийти к нему со своей просьбой? К тому же — чего проще? — он и ребенка своего мог бы ко мне сюда привезти.

— И что же? Прикажете мне больницу свою бросить? А у меня тут, извольте знать, два пациента. В том числе женщина со сложной беременностью. На кого я должен все оставить?

— Наум прав. Ему сейчас никак нельзя отсюда отлучаться, — поддерживает мужа докторша. — А до этого «дашевского» отделения — шутка ли? — целых сорок

километров, как я слышала.

Рубину нетрудно принять в расчет доводы четы Брукеров, однако он хорошо знает принцип: «Выход можно найти из любого положения всегда, но из всех возможных и приемлемых выходов он непременно чреват массой разных неприятностей». И что тут делать прикажете? На отделении Дашевского — самый большой зерновой клин. И если ребенок у управляющего действительно серьезно заболел, то Дашевскому будет не до управления ходом жатвы. А за один день в брукеровской больнице небось ничего не случится. Здесь работает опытная медсестра, а что касается роженицы, то на помощь ей всегда может прийти Иваненчиха, то есть Татьяна Иваненко, жена совхозного главбуха. На Украине, как рассказывали, она лучшей повитухой на всю округу славилась.

А пока шло бурное обсуждение сложившейся ситуации, к воротам докторского дома подкатила телега, впряженная в директорского гнедого жеребца. Все решено, товарищ Брукер! Пять-десять минут вам на сборы и в путь. И может стать так, что когда-нибудь потом вы поведаете свежему человеку еще об одном любопытном случае из собственной практики. И разве не сами же вы, уважаемый товарищ Брукер, уверяете своих слушателей, что именно разные неожиданности и непредвиденности придают человеческой жизни и особый смысл, и неповторимый вкус?

9

Жара с заходом солнца заметно спала, и в свои права вступил вечер, по-южному темный — такой, какие нередко бывают в этом краю. И даже буквально усыпанное созвездиями небо не делает здесь вечера и ночи хотя бы немного светлее. «Чем ночь черней, тем ярче звезды», — говорили в Древнем Риме, а здесь, на Амуре, блистание звездных россыпей, как кажется, напротив того усили-

вают непроглядную черноту ночей.

В домах Сталинска затеплились редкие огоньки, притихли улицы, и только возле клуба и столовой царит веселое оживление. Здесь сейчас собралась почти вся поселковая молодежь. Вот вокруг довольно многочисленной группы физкультурников и самодеятельных артистов, накануне возвратившихся с краевой олимпиады, собрались их друзья-товарищи, которым интересно послушать обо всем, что и как было у них и с ними там, в Хабаровске. Тут же, возле клуба, толпятся парни из других отделений совхоза. Они вот-вот должны окончить здесь, на центральной усадьбе хозяйства, краткосрочные курсы комбайнеров и штурвальных. В числе прочих здесь же можно увидеть и «городских» — студентов, приехавших на лето отдохнуть у родителей, и студентов-«сельхозников», направленных в Биробиджанский зерносовхоз на производственную практику.

Рубин, несмотря на поздний час, не спеша возвращающийся домой, на минутку останавливается около клуба. Собравшиеся здесь, как оказывается, пришли посмотреть кино, но на дверях клуба почему-то висит замок. Не проходит и минуты, как Иосифа Львовича обступает ватага молодых людей. На беззаботных лицах — приветливые улыбки, слышатся смех, шутки. Тут же как бы стихийно завязывается непринужденная коллективная беседа, кто-то задает вопрос и слышит в ответ на него сразу несколько остроумных ответов, за которыми то и дело следуют взрывы хохота. Живое участие в общем разговоре принимает и Рубин.

Глава совхозных «олимпийцев» Зелик Фридман, протиснувшись поближе к Рубину, твердо и решительно заговорил с ним о том, о чем не успел сказать ему на утренней планерке-разнарядке — о «вопросе» квартирном: жене вот-вот рожать, а что делать ему, главе семейства? У присутствующих немедленно появляется новый повод для веселья: вон-де какой у нас молодец, Фрид-

ман: он и дома работает по-стахановски — свадьбу его только в марте отгуляли, а у него, гляди, уже пополнение в семье не сегодня-завтра ожидается. А кто-то добавил, что это, наоборот, дело доброе: тем скорее, дескать, Фридман-младший отцовскую профессию освоит. Зелик невольно рассмеялся вместе со всеми, но, посерьезнев, повторил свой вопрос Рубину:

— Ну так как же мне быть прикажете?

Рубин успокоил Фридмана:

— Будь уверен, Зелик: из больницы жена твоя вернется с ребенком в вашу общую квартиру. При свидетелях, заметь это, тебе говорю.

Свидетели эти некоторое время сопровождают Рубина по дороге к его дому. Потом приотстают, заслышав со стороны клуба веселые переборы гармоники и бойкие девичьи частушки.

...На крыльце совхозной конторы с ружьем за плечами сидит старый Бер. Разглядев в темноте Рубина, сторож поднялся ему навстречу.

— Что новенького? — обращает к нему вопрос директор.

— Новенького-то? Да вот, тут говорили, пароход оттуда, из Хабаровска-то, к нам вышел.

— Пароход? Хорошая новость.

— А хорошей папироской не угостите, товарищ Рубин?

— Папиросой? С великим удовольствием! — с готовностью отвечает Рубин, но похлопав себя по карманам, ничего похожего на курево не обнаруживает. Даже махорки и той ни щепотки.

— М-да! Ну раз так, то давайте моего самосада попробуйте.

Переложив ружье с правого плеча на левое, Бер вытягивает из кармана сложенную известным образом газетную бумагу, отрывает от нее один прямоугольный листок для себя, другой — для Рубина. Рубин берет свой

листок, чуть согнув его пальцами обеих рук, а Бер посыпал бумажку табаком, горсточку которого он достал прямо из кармана. Молча покурив, Рубин кивает сторожу:

— Ну, доброй ночи, Бер!

— Доброй ночи и вам, — слышит он в ответ из темноты.

Не спеша проделав сотню шагов к дому, Рубин поднялся на крыльцо, но уже перед самой дверью, как будто вспомнив о чем-то важном, остановился: «Ну да, надо бы все же на почту заглянуть. А то заболтался с молодежью...»

В домике поселкового отделения связи слабо светится одно окно. Там дежурит девушка-телеграфистка.

— Добрый вечер, товарищ Рубин, — привстав и отложив в сторону книгу, отвечает дежурная позднему визитеру. — Что нового? Да вот звонили из Блюхерова, что пароход уже там. Да, тот, что к нам прийти должен... Телеграммы? Нет, телеграмм не было... Спокойной ночи, товарищ Рубин.

Только сейчас, шагнув за порог почтового отделения, Рубин вспомнил о письме, которое лежит у него в нагрудном кармане. Это письмо от жены. Он получил его еще утром и — надо же! — за весь день так и не удосужился его прочитать. «Ну да ладно. Сейчас буду дома и там уж...»

10

— А знаете что? — обратился как-то к Рубину сторож Бер незадолго до того, как супруга директора отбыла в Хабаровск на учительские курсы. — Я скажу своей Зельде, чтобы она к вам домой приходила. Раза два в день — это точно. Ну прибраться там, ребенка спать уложить. Да и с хозяйством — какое уж ни есть — самому вам тоже управляться будет недосуг.

Ну и как было договорено, Зельда стала дважды в день приходить в дом Рубиных воды из колодца прине-

сти, полы подмести-помыть (мало ли у женщин домашних хлопот), а вечером ребенка вовремя спать уложить. Старательно и добросовестно исполняя роль приходящей домработницы, Зельда при этом нередко ворчала: это не там стоит, то не совсем так положено... Правда, обращалась она со своими претензиями то к столу, то к скамейке, которую тут же и передвигала на должное место, то выговаривала растрепанному венику за его неприглядный вид. При этом старушка хорошо понимала и то, что хозяин дома мало того, что сейчас, считай, на положении холостяка живет, так у него кроме домашнего-то такое хозяйство на плечах лежит — не позавидуешь. О себе человеку, бывает, и подумать некогда. Вчера, к примеру, он чуть свет в свою контору ушел. А на завтрак стакан чаю выпил и все. И небось за целый день ничего не перекусил. Нет, нынешние люди совсем не те, что прежде были... Ну слыханное ли это дело, чтобы жена на все лето куда-то укатила, а мужика с семилетним дитем одного оставила!.. Девочку-то хотя б уж в пионерский лагерь отправили...

— И чего это твой папа тебя в пионерлагерь не отвез? — в который раз пытается баба Зельда Маю.

— Папа говорит, что маленьких в этот лагерь не принимают.

— «Не принимают»... Да в том лагере я еще моложе тебя ребяток видела. Твой папа небось просто побоялся тебя далеко от себя отпускать. погоди, я как-нибудь поговорю с ним за этот лагерь.

Мая в ответ ни слова. Сейчас она с головой ушла в процесс кройки очень красивого платья для своей куклы.

Зельда тем временем наливает девочке стакан молока, рядом с ним кладет на стол добрый кусок хлеба, намазанный толстым слоем масла.

— Давай откладывай свое шитье, — говорит баба Зельда «портнихе». — Вот тебе ужин. Поешь и ложись спать.

Поздно уже.

Мая, однако, есть не хочет, пока не дождется прихода папы.

— Смотри-ка ты — она папу дожидаться будет. А ты знаешь, когда он придет? Может, он только утром вернется...

Но Мая будто и не слышит бабушку. А папку она будет ждать хоть до утра, вот...

Тускло горит в комнате керосиновая лампа. Управившись с делами, Зельда присела к столу, сложив руки на груди и откинувшись на спинку стула, кажется, вот-вот задремлет. Из полудремы ее выводит какой-то стук. Может, это Рубин, наконец, вернулся домой? Старушка прислушивается. Нет, показалось... А вот Мая заснула. Заснула прямо в своем «кукольном» уголке. Зельда осторожно берет девочку на руки и укладывает ее в кроватку. Мая, вскинувшись, открывает глаза и сонно бормочет:

— Баба, папа придет — ты, пожалуйста, меня разбуди. Ужин девочки так и остался нетронутым.

Зельда снова присаживается к столу и опять впадает в полудрему. В голове ее бродят и путаются мимолетные мысли и расплывчатые образы. Вот женщина на миг представила своего Бера, неспешно обходящего совхозную контору. Где-то не спит и Рубин. Каким же упорным надо быть человеку, чтобы думать не только о собственном доме... Вот и Бер. Захотел он однажды расстаться с родным местечком и поехать в Биробиджан, он таки и поехал. А чем она могла тогда ему помешать? Но, слава Богу, пока что ни он, ни она не раскаялись в том, что перебрались в эти края. И ведь как будто прижились уже здесь. Только как же это далеко от их Звенигородки!..

— Добрый вечер, Зельда! — будит ее голос Рубина. — Немного задремали? А где моя Мая? Спит? Ладно, спасибо вам. Идите уже домой. Доброго вам здоровья и спокойной ночи.

Пройдясь по комнате, Рубин подкрутил фитиль лампы. Подойдя к кроватке дочери, немного постоял, вслушиваясь в ровное дыхание ребенка. Улыбнулся: и надо же девочке так походить на мать! Сходство это заметно даже тогда, когда дочка спит. Да, он же ведь еще так и не прочитал письмо от жены! Ну да прежде-то хоть умыться надо. Сбросив с себя рубашку и распахнув дверь в темноватый коридорчик и, скорее, на ощупь найдя ведро с водой, Рубин одну за другой выливает на себя несколько объемистых кружек воды. Испытанный им еще в юности и позднее закрепленный опытом, прием этот не единожды помогал Иосифу Львовичу в нужных случаях быстро избавляться от утомления и на часок-другой обретать бодрость духа и тела. А уж если искупаться, например, с раннего утра... Нет, будь что будет, пусть даже страшная гроза разразится, завтра (да нет, уже, кажется, сегодня) он таки встретится с Амуром-рекой...

11

Энергично растершись полотенцем и привычно поправляя перед зеркалом прическу растопыренной пятающей, Рубин не мог не заметить, что ему давно бы пора побриться. Будь дома жена, от ее выговора ему бы не отделаться. Да, а что же она ему сейчас-то пишет? Рубин поудобней присаживается к столу и читает письмо. Ну вот, она и из своего «далека» дает ему наказ получше следить за собой и за ребенком, чтобы Майка наша не чувствовала себя сиротой. «Что нового слышно в совхозе?» — спрашивает в письме супруга и упрекает мужа за то, что до сих пор не получила от него ни единого письма. А что она сама? Учится, понятно, много работает с методической литературой и еще — еще с нетерпением ждет от него писем.

Смущенно поерошив влажные волосы, Рубин мысленно выругал себя: и правда — сколько уж он не писал жене! Хотя, если подумать, о чем он может ей написать?

Ничего особенного ни в совхозе, ни дома не происходит, все идет, как обычно, да и письма эти сочинять он мастер не великий. Даже когда в женихах у будущей супруги ходил, и то с письмами ей у него как-то все не получалось... Ну а сейчас-то надо обязательно жене ответ написать.

Перенеся лампу на письменный стол, Рубин достает из выдвижного ящика стопку бумаги и, обмакнув перо в чернильницу, выводит на чистом листе слова: «Здравствуй, дорогая!».

И тут с улицы до слуха Рубина доносится шум автомобильного мотора, а спустя минуту в комнате появляется сам товарищ Макс — невероятно темпераментный и подвижный человек небольшого роста, с наголо выбритой головой — секретарь райкома партии. Создается впечатление, что в комнату вошли (нет, вбежали) сразу несколько человек — людей чрезвычайно энергичных, шумных и жизнерадостных.

— Вечер добрый, Рубин! — оглашает квартиру басовитый голос ночного гостя. — Хорошо, что ты на месте. Вот ехал мимо, ну и решил к тебе завернуть. Где шофер? Да я он же и есть. А водитель мой сейчас в отпуске. Да механика, ты, верно, сам знаешь, — штука не такая уж и мудрая. Ты ведь, я слышал, в прошлом слесарь и автомобилист, а в армии даже в танковой вроде части служил. Так вот и я из точно такого же теста.

Швырнув на стол битком набитый портфель, Макс достает из кармана пачку папирос.

— Это специально для тебя. Я всегда, когда к тебе еду, прихватываю с собой курево получше. Бери, кури и помни мою доброту...

Рубин виновато улыбается. У него сейчас что папирос, что простой махорки — шаром покати — не найдешь, и неожиданный подарок он принимает с превеликой благодарностью.

— Да, а у тебя чем червячка заморить не отыщется? — со смехом спрашивает Макс. — А то я голодный как тот

волк.

Рубин, походив по комнате, заглянул в шкаф, пошарил на полке в кладовке, пока не увидел на обеденном столе так и не тронутый дочкой ужин.

— Ну вот тебе бутерброд и стакан молока. Не откажешься? — перенес Рубин на письменный стол скромное угощение гостю.

Товарищ Макс, в минуту расправившись с детской порцией и поблагодарив хозяина, бросил на него выжидающий взгляд: ну что, мол, новенького в твоём подопечном совхозе? Докладывай.

— Как тебе Шерман в его новой роли? — продолжает расспрашивать Рубина районный партсекретарь. — Кстати, трактора и комбайны из Хабаровска сюда уже пришли? Как у тебя с ремонтом всего остального? Справляешься? Ну-ну. Тут народ на последние дожди мне все жаловался. У вас с этим как? Я вроде без особых осложнений на машине к вам сюда проехал.

По всему чувствуется, что товарищ Макс довольно хорошо осведомлен об обстановке в рубинском совхозе. Попутно секретарь поделился с директором и райцентровскими новостями. В частности, рассказал о неприятном случае, связанном с предстоящим обменом партийных документов:

— Вы уже тут, наверное, слышали про Ревзина, нет? Представь, человек свой партбилет потерял. Ну не ротозей ли? И хорошо еще, что старый партбилет-то. Может, теперь просто выговором дело обойдется. Если дубликат старого билета ему выдадут, то по нему он новый билет получит. А отныне будет так: если ты новый билет утратишь, с партией до конца жизни попрощайся. И правильно! Ведь на самой госгранице проживаем. Ты же, наверное, смотрел кинофильм «Партбилет»? Не смотрел? Ну, брат, ты даешь! Ты, кстати, сколько уже в отпуске не был? Три года? Нынче же — слышишь? — нынче же осенью бери отпуск и поезжай отсюда куда-нибудь. Ну хотя бы в тот же Хабаровск. Или даже на Запад.

А здесь во время отпуска торчать не стоит.

Тут же разговор заходит и о последнем громком судебном процессе в Москве. При этом Макс открывает замки своего портфеля и вываливает из него на стол целую пачку газет.

— Нет, ты только представь себе всю низость и подлость всех этих людей! — багровея лицом, восклицает секретарь. — А ведь они, гады, на власть претендуют. Ты в своей жизни таких людишек встречал когда-нибудь? Да я, знаешь, без всякой жалости собственными руками таких расстреливал бы.

Рубин с интересом слушает Макса. Горячий, подчас несдержанный, человек этот тем не менее нравится Рубину своей энергичностью и, несмотря на молодость, практичностью и деловой хваткой, и сейчас он безусловно разделяет мнение секретаря о суровом осуждении изменников. Человек дела, бывший фронтовик, Рубин отлично понимает роль и значение дисциплины и отчетливо представляет себе, какими подчас непоправимыми последствиями способно обернуться отступление от ее требований, и уж тем более открытое предательство. А уж если дело доходит до хладнокровно рассчитанного убийства, коварные замыслы заговорщиков, направленные против вождей партии, страны и революционных завоеваний, должны быть своевременно выявлены, а враги должны понести суровое наказание.

— О, ты посмотри-ка! — спохватывается Макс. — Уже три часа, а у меня ж на утро заседание парткома назначено.

И не слушая уговоров Рубина хотя бы на часок прилечь и отдохнуть, неожиданный ночной гость засовывает в портфель газеты, на ходу пожимает руку хозяина дома, и уже через минуту с улицы доносится шум отъезжающего автомобиля.

Прикрыв дверь, Рубин с сожалением смотрит на начатое письмо жене, но, чуть подумав, раздевается, гасит

лампу и не ложится, а буквально сваливается в кровать. Меж тем через занавешенное окно в комнату робко заглядывает рассвет.

Однако поспать в эту ночь Рубину, очевидно, было не суждено. Стоило ему закрыть глаза, как, кажется, у самого изголовья ему послышался поначалу тихий, как будто осторожный, а потом уже громкий и отчетливый стук в окно.

Встав с кровати и отодвинув занавеску, Рубин различает за окошком поросшее седой щетиной лицо ночного сторожа.

— Товарищ Рубин, — доносится до слуха Рубина несколько приглушенный стеклом голос Бера, — вам телеграмма. Срочная...

Рубин распахивает окно и при слабом предутреннем свете читает неровно наклеенные на почтовый бланк строчки телеграммы — телеграммы, отправленной из Хабаровска, как оказывается, еще несколько дней назад. Из текста «срочной» депеши адресат узнает о комбайнах, отправленных в Сталинск пароходом. Ну а коль скоро телеграмма задержалась где-то в пути, — и даже не на один день, — прибытия судна с уборочной техникой, судя по всему, стоит ждать в Сталинске уже сегодня. И будто угадав предположение Рубина, чуткую утреннюю тишину в округе нарушил далекий пароходный гудок. «Узнаю тебя, “Дзержинский”, — обрадованно думает Рубин. — Ты то, что нам как раз и нужно».

Даже не поблагодарив Бера, Рубин торопливо одевается и, лишь кивком поприветствовав раннего вестника уже во дворе, быстрым шагом устремляется к пристани.

На пути к берегу Рубин неожиданно (в такую-то рань!) увидел мужчину и женщину, которые в обнимку медленно шли ему навстречу. Когда пара подошла ближе, Рубин узнал в них Фридмана и его жену. Бледное лицо женщины кривится от боли, она то и дело останавливается и, тяжело дыша, облизывает пересыхающие губы.

Сопровождающий жену Зелик тоже, что называется, не в лучшей форме: растерянное выражение лица, виноватая улыбка. Ну и совсем нетрудно было понять, какая такая причина побудила супружескую пару идти на расвете по направлению сельской больницы. Поравнявшись с Рубиным, Фридман молча кивнул ему в знак приветствия и, уже разминувшись с ним, крикнул вслед:

— Сами все видите, товарищ Рубин. Уж не забудьте, что вы мне тогда вечером сказали.

Нет, Рубин, конечно же, не забыл о своем обещании, но сейчас он подумал не о комнате для Фридмана, а о том, что доктор Брукер уехал на второе отделение и наверняка еще оттуда не вернулся. Но ни роженице, ни сопровождающему ее супругу Рубин об этом не сказал. Мысленно пожелав молодой женщине легко разрешиться от бремени, Рубин ускорил шаги.

Вместительное транспортное судно было уже пришвартовано, а не более чем через пару минут перед Рубиным стоял молодой инженер-механик Файнерман и, повожившись с неподатливыми замками портфеля, начал вынимать из него бумаги — одну, вторую, третью, — по ходу дела комментируя их содержание и тут же описывая целую серию разного рода препятствий, которые ему пришлось преодолеть, чтобы сначала «выбить», а потом погрузить эти самые комбайны на пароход. Рубин слушает механика вполуха. Главное всего то, что техника доставлена, что она здесь, на месте, и он тут же дает распоряжение срочно собрать людей на ее разгрузку.

Тем часом из-за горизонта неспешно всплывает большое багровое солнце и заливает всю округу ярким светом. Медленно покачивается на воде судно. А вот уже и долгожданные уборочные агрегаты стоят на твердом берегу, поблескивая металлическими частями, чем-то похожие сейчас на чудовищ из сказочного царства-государства. А там, на совхозных полях, волнуется под теплым июльским ветерком море золотых колосьев, от сева

до жатвы успевших подняться чуть ли в человеческий рост.

В этот же час в поселковой больнице женщина в муках дает жизнь новому человеку. Вокруг роженицы хлопочет «самодеятельная» акушерка Татьяна Иваненко. Проходит положенное природой время, и у юной роженицы появляется на свет крохотная дочурка — здоровый ребенок, по авторитетному мнению повитухи, похожий на отца. И в то самое время, когда новорожденное дитя впервые окунают в воду, заботливо согретую докторшей, Иосиф Рубин с неизъяснимым удовольствием погружает свое усталое тело в целительную воду Амура. Всему — и большому, и малому — свое время суждено в этом мире...

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Здесь — Восток, здесь — Дальний Восток. Но по воле всемогущей природы на этой земле встретились еще две стороны света — Север и Юг. Разве лиственницы, произрастающие на границе холодной тундры и робко остановившейся перед ледяным холодом сибирской тайги, не живут в этих краях? Да, живут и местами соседствуют лиственницы на берегах рек Биры, Биджана и Амура не только с дубом монгольским и кедровой сосной корейской, но и с маньчжурским орехом, виноградом и лианами.

Примерно то же суждено Дальнему Востоку — но уже не природой, а историей — в плане национального состава его населения. Выходцы с юга Украины и потомки русских из Забайкалья проживают здесь в селениях с тунгусскими названиями, корейцы дружат с евреями, евреи общаются с китайцами. А в живой русской речи здесь улавливаешь то волжское оканье, то уральский выговор. На одной и для всех общей земле живут и трудятся здесь люди...

ПО ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

ЛОНДОКО И ТЕПЛОЕ ОЗЕРО

— А вы не хотели бы побывать в Лондоко? Я сегодня еду как раз туда, — сказал мне мой знакомец, банковский служащий, вместе с которым мы преодолели немалое расстояние, путешествуя по приамурским селениям Еврейской автономной области.

Я же только накануне вернулся из поездки, проведя за пределами Еврейской автономной области больше двух недель и побывав за это время в Хабаровске и во Владивостоке. Понятно, что долгие скитания меня изрядно утомили. Но предложение «отметиться» в Лондоко я принял без колебаний. Да и вдвоем быть в пути все же приятней, чем оставаться с ним, что называется, один на один. Ко всему прочему, поездка по железной дороге в границах Еврейской автономии совпадала с моим планом сначала познакомиться с населенными пунктами области, расположенными на берегу Амура, а потом побывать в селениях вдоль «еврейского» участка ДВЖД. Решено. Едем.

В четыре часа дня встречаемся на биробиджанском вокзале. В Лондоко с нами едут еще четыре человека — супружеская пара — родственники моего знакомого, которые живут и работают в том самом Лондоко: глава семьи — хозяйственник, жена его — заведующая детским садом. Едут с нами еще двое мужчин: затянутый в костюм полувоенного покроя председатель заводского профкома и грузный, уже немолодой толстяк с лицом, украшенным массивным двойным подбородком, — русский, хабаровчанин, — как выяснилось, новый начальник продолжающейся стройки известкового завода в Лондоко и как раз направлявшийся к месту своего назначения. Это обстоятельство порадовало моего старого знакомого: как

оказалось, попутно со своей основной работой он намеревался собрать материал для газетного очерка о ходе строительства в Лондоко.

...Когда на станцию прибудет поезд, идущий в западном направлении, сказать нам никто не мог. Ясно было одно — надо ждать. Перед кассой народу толпилось уже порядочно, однако мы сумели «заказать» себе билеты через носильщика — здоровенного черноусого еврея, и тем избавились от долгого сидения в зале ожидания, где царили обычные шум и суета, так характерные вообще для всех мест, где собирается хотя бы десяток-два наших соплеменников-евреев. В зале на полу и на скамьях в беспорядке — узлы, мешки, чемоданы, кучи вещей, дети. Кажется, никто из ожидающих не хочет сидеть или стоять спокойно, кто-то торопливо проталкивается в другой конец зала, кто-то кого-то ищет. Раздраженные окрики, детский плач, бестолковая толчея... К счастью, в ожидании своего «четного» мы сумели приютиться в тихом местечке за какой-то будкой у самого перрона.

Уже поздним вечером на станцию прибыл «девяносто восьмой» — почтово-пассажирский поезд, который здесь почему-то зовут «Максимкой». В вагонах — невообразимая теснота, спертый воздух, а прямо-таки наглухо запыленные окна выглядят так, словно перед прибытием в Биробиджан «Максимка» неделями двигался по песчаной пустыне. Пассажиры обоих полов и всех возрастов плотно сидят или лежат на полках с нижней до самой верхней, третьей. Нам не без труда удалось пробиться в самый конец вагона и кое-как здесь разместиться в темноватом «отсеке». Оставалось поблагодарить случай, что ехать нам было недалеко — на место мы прибудем от силы через три-четыре остановки поезда.

Знакомимся ближе, и первым рассказывает о себе начальник стройки. В Биробиджане он пробыл всего два дня, задержался здесь по делам, а перед новым назначением работал в Хабаровске, в краевом стройуправлении.

Смена должности для него, инженера-строителя, как нам показалось, была не совсем им желанной и ожидаемой, и, понятно, что он хочет знать об «этом вашем» Лондоко как можно больше от самих жителей поселка, оказавшихся попутчиками «строительного» начальника.

Судя по всему, «Максимка» не спешил, на станцию Лондоко мы прибыли где-то ближе к полуночи и, выйдя из вагона, очутились в полной темноте. Кое-как разглядев в стороне строение крохотного вокзальчика, освещаемого с фасада тусклым фонарем, направляемся туда. Правда, наши спутники-лондоковцы уже объяснили нам, что станция Лондоко и заводской поселок с таким же названием располагаются в нескольких километрах друг от друга, что поселок тот расположен вообще в стороне от магистрали и попасть в него можно только по железнодорожной ветке, предназначенной исключительно для грузовых составов. В четырех-пяти километрах дальше от места, где мы только что сошли с поезда, находится станция и поселок под названием Теплое Озеро (эти-то два одноименных объекта, как оно и положено, по своему месторасположению совпадают). Но в то «Озеро» нам пока не надо.

На месте, где, возможно, когда-нибудь вымостят площадку перрона, группа наша распалась: председатель завкома присоединился к нескольким неожиданно появившимся из темноты военным и куда-то удалился вместе с ними. Мы, оставшись впятером, тоже двинулись в нужном нам направлении. Я и «мой» бухгалтер — впереди, начальник строительства и супруги-лондоковцы — позади нас. Не более чем через четверть часа нам стало понятно, что новый шеф заводских строителей к пешим переходам явно не приспособлен. Он то и дело останавливался, чтобы хоть немного отдышаться, часто просил нас сделать хотя бы короткий привал. Нам двоим неудобно было отрываться от наших спутников, и мы тоже присоединялись к ним. А поскольку начальник любил

поговорить и к тому же оказался неплохим рассказчиком, он с целью удлинения наших ночных привалов весьма дипломатично эту свою склонность и использовал.

Одну из историй во всех подробностях и поведал нам той ночью специалист по строительному делу, в прошлом боец одной из частей Красной Армии, действовавшей на Украине. Было это в самом начале Гражданской войны. Тогда сам рассказчик, комиссар из политотдела и с ними еще два их товарища, попали в руки белобандитов, когда они, красные, переодевшись в праздничную селянскую одежду, ехали на бричке из одной деревни в другую якобы в гости к куму одного бойца из местных, хотя на самом деле с целью разведки. Неожиданно их повозку остановил вражеский разъезд. На счастье, разведчики наши, хотя и сильно рисковали, но для пущей «маскировки» преднамеренно не взяли с собой оружия. «Селян» после обыска и экспроприации у них доброй торбы сала и бутылки самогона, что называется, с Богом отпустили. И только вернувшись в полк, комиссар, бывший с ними в разведке, рассказал, что его давно и отлично знает главарь тех бандитов Левченко. И случись так, что разведчиков сопровождали в ближний хутор, где в то время гулял со своей компанией тот Левченко, живыми красноармейцам бы оттуда не уйти...

Не меньше полутора часов, то и дело спотыкаясь о шпалы, шагали мы то по скрипучему гравию между этих шпал, то, спустившись с насыпи, шли узким проселком, проторенным параллельно «железной» ветке. В темноте дорогу местами приходилось нащупывать буквально ногами. И вот наконец-то впереди замелькали жидкие огоньки заводского поселка.

Заночевали мы все трое у наших спутников — можно сказать, старожилов селения при строящемся предприятии.

Итак, я — в Лондоко. В последнее время я как-то

попривык через каждые два-три дня менять место своего временного проживания-пребывания, так что многое из впервые увиденного мной в этом дальнем краю как будто уже не производило на меня особого впечатления. Но вот когда я утром вышел на крыльцо дома наших гостеприимных хозяев, я невольно поразился: по какому-то волшебству за ночь поселок оказался на самом дне гигантского котла с каменными стенами в зеленых пятнах растительности, и чтобы увидеть здесь горизонт, надо смотреть не вдаль, а вверх, где причудливо изогнутая и изломанная линия этого самого горизонта очерчивает поразительной синевы небо, подпираемое вершинами гор. Горы эти здесь относительно невысоки, зовут их сопками — словом, знакомым мне прежде лишь по названию известного старинного вальса.

...В центре Лондоко, на площади (точнее будет называть ее площадкой), на краю которой стоит вырезанный из большого листа фанеры и аляповато раскрашенный памятник Ленину, бодро маршируют раздетые до пояса физкультурники. А в большой комнате директора завода патефон проигрывает пластинку с какой-то иностранной мелодией. Сам хозяин сидит за столом, откинувшись на спинку стула, и подробно рассказывает нам, что надо сделать, чтобы возобновить работу остановленной было первой очереди завода к приближающемуся празднику Октябрьской революции.

Мой попутчик, поглощенный написанием своего очерка, уже успел получить в заводской конторе целый список цифровых данных: в настоящее время на Лондоковском заводе вместе с приписанными к нему мелкими предприятиями трудится 482 человека, из них 396 — члены профсоюза, стахановцев на заводе — 60, ударников — 18. Кроме того, в коллективе предприятия трудится ударная женская бригада.

Утром следующего дня мы прощаемся с Лондоко, с уже знакомыми нам работниками завода, с гостеприим-

ными хозяевами дома, предоставлявшими нам ночлег, и опять по шпалам отправляемся на ближайшую станцию, то есть Лондоко. Оттуда мой «банкир» поедет домой в Биробиджан, а я поеду дальше, в Биракан, и оттуда, по возможности, в Кульдур. Говорю «по возможности» оттого, что дорогу, которая ведет в тот Кульдур, как меня уже не раз предупреждали, называть дорогой можно разве что с большой натяжкой.

Маленькая станция Лондоко представлена всего-навсего одним-единственным зданием — вокзалом, одиноко стоящим посреди пустыря, заросшего дикими травами и густым кустарником; дальше — гряда лесистых сопок, где в изобилии произрастают ягоды, включая виноград и экзотический лимонник, грибы и орехи. Охотники тоже, я слышал, не приходят из тех сопок с пустыми руками. По другую сторону вокзала, да и железнодорожной линии, картина несколько иная: на возвышенности, куда от станции ведет извилистый проселок, видны десятка два домиков. В общем, это целая деревня. Несколько дней назад, среди ночи сойдя с почтово-пассажирского «Максимки», в полной темноте мы и не рассмотрели этот населенный пункт.

Внутри вокзальчика — полная тишина и безлюдье, если не считать пожилой уборщицы сурового вида, моющей пол. Над узким окошечком билетной кассы висит листок с написанным химическим карандашом расписанием проходящих поездов, причем время убытия и прибытия их почему-то отличается от того, что отпечатано на щите, укрепленном на стене слева от кассы. Правда, позже мы убедились в том, что поезда приходят и уходят с этой станции по какому-то другому — своему собственному — расписанию...

Так или иначе, ни я, ни мой спутник, что называется, проторчав на вокзале добрых три часа, так и не дождались своих поездов. Оба мы успели порядком проголодаться, но где здесь раздобудешь съестное? А, между

прочим, в ближней деревеньке, скорей всего, какая-то лавка имеется. Наше предположение на сей счет подтвердила старуха-мордовка, сидевшая на вокзальной завалинке перед ведром, полным ягод необычного — голубого — цвета. Кроме этой мордовки неподалеку от нее расположилась русская девушка, готовая предложить потенциальным покупателям соленые огурцы. Разговорившись с мордовкой, мы узнали, что живет она в ближнем поселочке с 1909 года. Тогда группа безземельных крестьян из их родных краев и перебралась сюда ради того, чтобы землю себе получить. Получить-то они обещанные им десятины получили, но каким оказался этот дар властей, переселенцы узнали позже, добавила наша собеседница на ломаном русском, но в таком тоне, что нам не составило труда понять, насколько поселенцы были разочарованы даровой землей. «Да что сейчас об этом говорить?» — махнула рукой женщина. Сама она, дескать, уже совсем старая стала (несмотря на жаркий по-летнему день, торговка кутается в вязаный платок), кормится только тем, что Бог пошлет. Сегодня вот голубики опять насобираала...

— Нам бы сейчас тоже покушать не мешало, — прервал монолог старухи мой попутчик. — Хотим в ваш магазинчик заглянуть — может, раздобудем что-нибудь пожевать.

Ладно, идти так идти. А чтобы не тащиться в гору с увесистым портфелем и пальто, я решил (правда, не сразу) оставить свою ношу здесь же, на завалинке. Причем как раз по совету нашей новой знакомой: что, мол, вы будете носить свои вещи туда-сюда?

— Положите их тут. Я-то никуда пока не уйду, так что вам и беспокоиться не надо, — ускорила старуха мое решение.

Вскоре мы шагали по пыльной деревенской улице. Местная лавка, как нам сказали, располагается дальше, на пригорочке в самом конце улицы. А меня, честно

говоря, всю дорогу не покидало беспокойство по поводу оставленных мной на вокзале вещей. Я ведь даже не знаю, как зовут ту мордовку. А может, она и живет-то не в этой деревне. И как, и где ее, в случае чего, искать?.. Тут, будто угадав мои мысли, мой спутник проговорил:

— А я свои вещи незнакомому ни за что бы не оставил. Мало ли что...

Что я мог ответить на такую реплику?

Мы шагали улицей типичной дальневосточной деревни. Но только на доме, где расположилась почта, рядом с вывеской на русском укреплен вывеска и на идише. Щит на фасаде магазинчика, до которого мы таки добрались, тоже дублирует на еврейском языке русское название торговой точки. Здесь мы купили буханку хлеба, немного печенья и пару банок консервов. Однако товарищ мой, очевидно, в надежде приобрести здесь что-то подешевле, начал активно интересоваться ценами буквально на все, что было в магазине, включая пальто, мануфактуру и даже женские платья. Продащица, заключив из этого, что одетый по-городскому и такой деловой покупатель обеспечит ей сегодня хорошую выручку, охотно демонстрировала ему свои товары. Финалом всей этой сцены стала покупка «товарищем из города» десятка недорогих лезвий «Жилетт» для безопасной бритвы. С тем мы и отправились в обратный путь.

Тем часом на вокзале наметилось оживление. Прямо на крыльце устроилось несколько мужиков с мешками и котомками, тут же крутилось трое или четверо бойких юнцов. Все в той же позе и на том же месте, что и прежде, сидела перед ведром с ягодами и наша бабуся. Тут же лежали мое пальто и приветливо блеснувший мне навстречу никелированными замками портфель. Мы купили пару огурцов, стакан голубицы и направились в зал ожидания, чтобы там спокойно перекусить. Поездов все так и не было, и после скромной трапезы можно было полежать и даже немного вздремнуть. Правда, воз-

возможностью этой воспользовался только мой приятель.

Примерно часа через полтора на станцию прибыл поезд, идущий в западном направлении, и, наскоро попрощавшись со своим верным спутником, я отправляюсь в Биракан. Моими соседями по купе оказываются покупавшие вместе со мной билеты в Лондоко двое молодых мужчин. Один из них, невысокий и коренастый, хотя одет просто, по-рабочему, но носит с собой вместительный и, судя по виду, довольно дорогой портфель. О другом, высоком молодом человеке в полувоенном костюме, я узнал только то, что он был братом «человека с портфелем», и могу добавить к этому только то, что он всю дорогу до самого Биракана молча смотрел в окно. Зато владелец роскошного портфеля все это время говорил, не умолкая ни на минуту, и я узнал от него и о нем решительно все, что может узнать человек, в продолжение приблизительно часа непрерывно слушающий другого. Специальность моего попутчика — гидротехник, в настоящее время он состоит в должности мастера по разведке и бурению подземных скважин с целью добычи... воды. Да, вот такая у него работа — обеспечивать людей водой. До недавнего времени он трудился на Украине, в городе Мариуполе. А перед этим был просто чернорабочим — как говорится, был тем, кого кто куда пошлет. Потом расторопного паренька перевели на должность помощника техника, что стало для него хорошей профессиональной школой. За короткое время он во всех деталях изучил все виды гидротехнических работ. Там же, в Мариуполе, он трудился на крупной стройке под руководством опытного инженера, командированного на строительство из Москвы. Затем обучался на курсах повышения квалификации и окончил их, между прочим, с отличием. Ну и вот решил поехать в Биробиджан, где его старший брат («Да вот он, у окна».) живет уже несколько лет. Сам же он только в начале прошлой недели в Еврейскую область приехал, да. Ну а встречавший его брат предложил ему побывать в пионерском лагере, где

он, брат то есть, этим лагерем сейчас руководит. А когда еще он, брат-то, в Биробиджан приехал, то написал ему на Украину, что здесь много чего строят и люди неплохо зарабатывают. Так что, мол, давай приезжай... Ну а в лагере он пробудет дня два, не больше, так как находится здесь в командировке. Да-да, уже устроился здесь на работу по специальности и направлен научной комиссией облисполкома в Лондоко и в Биракан. В Лондоко известь вырабатывают, а в Биракане планируют расширять добычу мрамора. Так что и там и там для производственных нужд требуется вода. Много воды. С обеспечением Лондоко водой он, мастер-гидротехник, как будто уже определился, а в Биракане надо еще посмотреть, где, что и как...

По ходу своего повествования рассказчик все время улыбался. Чувствовалось, что ему доставляет удовольствие не только его, без сомнения, важная миссия, с которой он побывал в Лондоко, а теперь едет разведывать местоположение подземных вод в окрестностях Биракана, но и его рассказ о себе самом. А в завершение своего рассказа парень сообщил, что подземные воды в этих местах, как он уже успел для себя выяснить, залегают совсем неглубоко, и если ее добыча будет обеспечена надежно действующей техникой и достаточным количеством труб, ни местным предприятиям, ни населению испытывать нужды в воде не придется.

На станции Биракан я со своим словоохотливым попутчиком распрощался, не зная, что мне придется встретиться с ним при моем возвращении из Кульдура в Биракан. Причем тогда он будет тоже не один, а в сопровождении молодого геолога.

— Все идет как нельзя лучше! — сияя радостной улыбкой, сообщил мне мастер-гидролог, отвечая на мой «стандартный» вопрос. — Я только что из Биробиджана. Все бумаги подписал. Днями ждем приезда бригады рабочих и технику. Так что будет у нас вода. На всех хватит!

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Путешествуя по Еврейской автономной области, я невольно пришел к выводу, что «суша» — понятие, знаете ли, весьма относительное. Говорят, почти треть территории области — это болота. А они суша или...? Добавьте сюда пять с лишним тысяч рек и речек во «владениях» области. Что и говорить, если даже название «Биробиджан» составлено из наименований двух водных объектов. А кто не помнит пусть и шуточное, но в чем-то пророческое выражение: «Как вы лодку назовете, так она и поплывет»? Так что если вспомнить о наводнениях, то ведь и Биробиджану «плавать» приходилось. И сколько раз в своих этих заметках я упоминал о дождях и мокрых дорогах!

В то же самое время мне нередко вспоминаются стихи одного восточного поэта, написанные им много лет тому назад. Попытаюсь передать их своими словами.

«Вода — душа жизни и краса земного мира. Ласковая синь южного моря и бешеное кипение горного потока — это вода. Вода — это лебединые крылья облаков, бриллиантовые россыпи утренних рос, яростный меч молнии, разрубающий небеса, и семицветье радуги над ликующими садами. Серебро ледяных вершин, спасительный колодец в песках и радостные слезы матери, встретившей сына после его долгих странствий по свету — все это вода, поэзия и счастье Вселенной».

Однако, путешествуя по Еврейской области, я не мог не прийти еще к одному выводу — к мысли, которую полно и кратко выразил русский поэт Николай Некрасов в словах: «Воля и труд человека дивные дива творят». Так что и в человеческих силах отделять от воды земную твердь. В совсем еще юной Еврейской автономной области я собственными глазами видел, как это происходит. А ведь это только начало большой и широкой дороги в будущее.

БИРАКАН И КУЛЬДУР

Если Лондоко лежит в тесном окружении сопок и будто спрятано от всего мира, то Биракан, во-первых, находится на Транссибирской железнодорожной магистрали, являясь одной из ее станций, во-вторых, в отличие от Лондоко занимает «высокое топографическое» положение, будучи построенным на склоне сопки на протяжении добрых двух километров вдоль железной дороги. Если проезжать по ней с запада, Биракан окажется выше вас слева, а справа вы увидите полосу пустынной заболоченной равнины. Чистый воздух, море солнечного света, земной простор и широко распахнутая над ним небесная лазурь — это Биракан. Я невольно подумал, что вот здесь бы, а не там, где строится Биробиджан, основать столицу Еврейской автономной области. А если не здесь, то, может быть, там, где находится станция Бира, своим месторасположением схожая с Бираканом. Окружности обоих этих селений по красоте своей намного превосходят биробиджанскую округу. Кроме того, тут, в Биракане, да и в Бире, во-первых, нет таких топей, как вокруг бывшей Тихонькой, во-вторых, что Биракан, что Бира стали гораздо раньше относительно крупными поселками, чем тот, что лепился к железнодорожному разъезду, и которому было суждено положить начало нынешнему Биробиджану. Но, может быть, я тут не совсем прав или даже совсем не прав. Ведь Биробиджан строят на равнине, и поэтому он имеет перспективу увеличиваться вширь, а Биракан, прижатый цепью сопок к самой железной дороге, может увеличиваться, лишь растягиваясь вдоль и выше железной дороги несколькими непостижимо длинными улицами. Низинная же сторона узкой речной долины — это так называемые здесь мари, на месте которых строить можно, но только после того, как от них избавиться так же, как делают это сейчас в Биробиджане. Однако и сил, и времени для их осуше-

ния тоже потребовалось бы таки порядочно. К месту будет сказать, что и Биракан из-за особенностей здешнего рельефа и, разумеется, в условиях стародавних способов строительства застраивался, так сказать, выборочно, как бы островками.

С высокого крыльца двухэтажного дома, который в поселке известен как «кульдурская гостиница», открывается панорама близлежащих сопок, которые в зависимости от положения солнца и состояния облачности удивительно меняют свой цвет: вот они, сплошь зеленые, неожиданно становятся вдруг почти желтыми и тут же, накрывшись ползучими облачными теньями, темнеют, от чего окружающее, только что казавшееся вам таким близким, почти знакомым, становится отстраненным, неуютным, даже чуждым. А солнце все продолжает играть с облаками, то одаривая их ярким огненным сиянием, то с помощью ветра спешно гонит их куда-то в неизвестные края, то, подняв их едва ли не в самый зенит, бесследно растворяет в глубокой его синеве. Это все там, наверху. Внизу же вашему взору открывается изогнутая громадной дугой линия железной дороги с подступающими к ней справа мелкоколесьем и черными точками обгорелых пеньков в линялой траве, а слева — в беспорядке разбросанными по отлогому склону избами, клочками огородов с подсолнухами, грядками картофеля, капусты и всего прочего. Дальше за ними — позолоченные полотнища колхозных полей у кромки подсиненного даляю леса.

Здесь, в Биракане, как раз в кульдурской гостинице, я встретился с журналистом, собственным корреспондентом американской партийной газеты «Утро свободы» товарищем N, с которым мне довелось как-то познакомиться еще в Москве. В Биробиджане он появился позже меня и поначалу проехал по области тем же маршрутом, что и я, только из Блюхерова N отправился по Амуру сразу в Пашково, минуя села Сталинского района. В

Биракан он приехал уже из Облучья, пережив на сорокакилометровом пути от бывшей казачьей станицы Пашковой до железной дороги настоящее приключение. В Облучье корреспондент «Утра» отправился на пароконной повозке. Причем одну лошадь ему «вырешил» пашковский колхоз, другую — по просьбе «московского товарища» — дал начальник погранзаставы. Дорога, соединяющая Пашково с поселком Облучье, почти на всем ее протяжении идет заболоченными низинами, ездить по которым, что называется, не дай-то Бог. И как раз на середине дороги и, естественно, посреди нее телега, на которой передвигался наш путешественник, буквально разломилась надвое: передняя ось с колесами — отдельно, задняя — отдельно. Хорошо, что отчаявшихся ездоков нагнал какой-то верховой из местных, который помог страдальцам кое-как скрепить две половины телеги, что и позволило N с грехом пополам дотащиться до станции. Теперь — еще с утра вчерашнего дня — он ждет в Биракане машину, чтобы добраться до Кульдура. Не теряя времени, москвич-иностранец по профессиональной журналистской привычке успел немного познакомиться с Бираканом, только вот машин до Кульдура все так и нет. Поясню здесь, что товарищу N нужно было ехать в этот поселок не просто, как говорили прежде, «по казенной надобности», а подлечить свой ревматизм: Кульдур — одно из тех редких мест в Союзе, где целебные источники способны оказать ревматикам прямо-таки неоценимую помощь.

Рассказ журналиста из Москвы о его поездке по области и взаимный обмен нашими дорожными впечатлениями сблизил нас, можно сказать, даже сдружили, а поскольку обоим нам предстояло ехать в Кульдур, до той поры мы решили держаться вместе. Вечером мы вдвоем и отправились в артель «Первое Мая», вернее сказать, в столовую этой артели, а повел меня туда товарищ N, который накануне в этой столовой уже обедал.

Бираканское кооперативное предприятие «Первое Мая» расположилось в тайге, хотя правильно надо написать в «Тайге». Именно такое название когда-то закрепилось за частью поселка, что совсем недалеко от здешней станции. Дикого леса, который когда-то шумел на месте нынешней «Тайги», и который, как нам говорили, был излюбленным местом здешних охотников, нет уже лет, наверное, тридцать...

Во время общего обеда на веранде артельной столовой вокруг нас собралось около десятка бираканцев, среди которых был сам завстоловой — сероглазый блондин с полным ртом золотых зубов; эмигрант из Латвии, бывший там электриком; возглавляющий в поселке артель по обжигу извести молодой польский еврей, как он сообщил нам, близкий друг заводского парторга из Лондоко. Чуть позже к общей компании присоединился рослый парень с пышной, прямо-таки огненно-рыжей шевелюрой, обративший на себя наше внимание тем, что был в галифе и в домашних тапках. Этот последний представился нам главой артели по добыче и обработке мрамора, доставляемого откуда-то из окрестных сопок. С его приходом темой общей беседы стало содержание острой критической статьи в последнем номере местной газеты. Автор публикации подробно описал прямо-таки плачевное состояние дел в «мраморной» артели, что, понятно, не то что неприятно задело заведующего артелью, а не на шутку его обидело и рассердило. Но в то же время у него затеплилась надежда на то, что власти наконец-то соизволят обратить внимание на незавидное положение его предприятия. А сам он теперь обязательно напишет письмо в «Правду», в котором — как оно есть — изложит сложившуюся в его артели ситуацию: да, запасы мрамора под Бираканом имеются, и добыча его имеет значение всесоюзное. У него, руководителя артели, действующей на разработках ценного минерала, имеется заказ столичного «Метростроя» на мраморные пли-

ты для отделки станции «Киевская». Но ведь работать в карьере приходится исключительно кустарными методами. И сколько он, заведующий артелью, ни ставил вопросов перед разными местными инстанциями об улучшении технического состояния руководимого им предприятия, все остается так, как было. И хотя здесь, в Биракане, уже некоторое время находятся несколько опытных специалистов по добыче мрамора, командированных из Москвы, сидят они, в сущности, без дела. Да и как они могут что-то делать, если цех по обработке горного сырья так и не строится, нужного оборудования все нет и нет. По-хорошему-то и геологоразведчикам стоило бы здесь посерьезней поработать. Сам он, заведующий артелью, хоть и не великий специалист в области горного дела, но делает все от него зависящее, чтобы добыча мрамора не остановилась совсем. Вот недавно он вернулся с Урала, где пробыл больше месяца, знакомясь с работой лучших мрамородобывающих предприятий, но какой передовой опыт он мог бы там для себя перенять, если там, на Урале, все поставлено на промышленную основу? А нам тут, мол, что до того Урала, что от него — дистанция огромного размера.

— Вот примерно так я и напишу в «Правду», — заключил свой невеселый рассказ главный бираканский «мраморщик».

...Уже под вечер из Кульдура пришла грузовая машина, доставившая на станцию нескольких человек, «отлечившихся» на курорте, и у нас появился шанс на том же грузовике в Кульдур и уехать, однако водитель «полуторки» сообщил нам, что завтра утром за иностранным корреспондентом будет специально прислана машина легковая.

— Вроде бы так кто-то из вас договаривался с нашим главным врачом. А у меня тут своих дел на весь день хватит, — хлопнув дверцей кабины, категорично закончил нашу с ним краткую беседу шофер.

Что делать? Впрочем, уже прекрасно зная, что дороги в этих краях по своей протяженности вполне сопоставимы с принятой здесь привычной продолжительностью дней и часов, на следующее утро, предупредив гостиничную службу о том, что за нами, возможно, придет из Кульдура легковушка, чтобы зря не терять на ожидание те самые долгие часы, мы решили познакомиться с Бираканом поближе. В частности, с «тяжелыми» артелями поселка («мраморной», «известковой» и рабочим товариществом землекопов), а также с «легкой» артелью «Пролетарий» — своего рода комбинатом, где трудятся портные, сапожники, кондитеры и еще ряд рабочих-специалистов.

Одно из производственных помещений «Пролетария» — простенькое строение барачного типа на пригорке вблизи железнодорожной станции. С одной его стороны — вход в сапожную мастерскую, в другой половине барака — портняжная мастерская тоже с отдельным входом. Изготовлением и ремонтом обуви в артели заняты человек 7-8 — люди разных возрастов. Все сидят на низеньких табуретках перед низкими же столиками. Работают молча, сосредоточенно. Самый старый здесь — седой еврей в очках поднимает глаза на американца и тут же интересуется, не из Бессарабии ли он. Сам-то мастер как раз оттуда, причем переселился сюда, в Бирский район Еврейской области, совсем недавно. Рядом со стариком сидит необычно смуглый мужчина средних лет с лицом, по виду и выражению которого его, сапожника, легко принять за интеллигента. Этот в недавнем прошлом — рабочий одной из фабрик в Риге. Остальные обувщики — из разных областей Украины.

В другой половине артельного барака, где трудятся швеи, нас встретили более дружелюбно, чем в первой. Здесь мы познакомимся с бойкой и, судя по всему, острой на язык портнихой, тоже бывшей рижанкой. Она с гордостью рассказывала нам о своих сыновьях. Млад-

ший учится в средней школе в Биробиджане, старший там же, только в техникуме. Оба отличники. К месту будет сказать, что говорила мама отличников на безупречно чистом идише, который мне в области приходилось слышать, признаюсь, не так уж часто. В пошивочной у дальнего окна мы увидели и пожилого мужчину. Он, закройщик, переселился в ЕАО из Умани. Все у него и с работой, и с заработками обстоит пока как будто неплохо, а вот жилищные условия... Дом, где он проживает, во-первых, очень уж далеко от места работы, во-вторых, стоит тот домишко, наверное, всего-то в десятке метров от железнодорожной насыпи. Плохо, что их артель до сих пор не развернулась со строительством жилья. Да что там о жилье говорить, если даже вот этот барак «Пролетарий» арендует... Мне при этом подумалось, что название этой артели кто-то дал, видимо, вполне для нее подходящее. (Слово «пролетарий» переводится с латыни как «неимущий», «человек крайней степени бедности» — **прим. переводчика**).

При возвращении в гостиницу нам удалось получить и некоторое представление о культработе в Биракане, сказать точнее — побеседовать в местном клубе с его заведующим, который был занят мелким ремонтом входной двери, когда мы проходили как раз мимо поселкового культпросветучреждения. Завклубом — рослый краснощекий детина в коротком пиджаке из желтого вельвета, — покончив с дверью, провел нас внутрь помещения — довольно просторного, хотя и темноватого зала, уставленного рядами скамеек, перед которыми возвышалась трибуна, сбитая из некрашенных досок, на стенах — портреты вождей, лозунги, флаги. Но сейчас клубу требуется основательный ремонт и хорошо бы закончить его до октябрьских праздников, и он, заведующий клубом, на днях собирается поехать в Биробиджан за нужными для ремонта материалами. Во время нашего разговора с завом мы слышали какой-то стук снаружи, а выйдя на

крыльцо, увидели низенького еврея, который, стоя на цыпочках, прибавал на стенку объявление с текстом: «Родители, которые не запишут своих детей в школу до 25 августа с. г., будут оштрафованы». В поселке идет подготовка к новому учебному году.

Обещанная N машина из Кульдура (машина действительно легковая) пришла в Биракан не утром (а что я говорил!), а только ближе к полудню. На переднем сиденье, рядом с шофером, сидел никто иной, а сам главврач курорта (ну или его директор) — рослый мужчина в сапогах с высокими голенищами, в парусиновой рубаше, подпоясанный узким кожаным ремнем. Обращали на себя внимание, во-первых, совершенно седая шевелюра совсем не старого человека, во-вторых, его строгое или, правильнее будет сказать, суровое выражение лица. Попросив нас с посадкой повременить — тут мне, мол, кое-куда по делам надо заехать — главврач кивнул водителю: «Трогай, Михаил!»

Было уже далеко за полдень, когда мы все вчетвером выехали из широких ворот гостиничного двора. За воротами наша машина круто сворачивает направо, объезжает невысокую сопку и в считанные минуты оказывается в чаще девственного леса. Путь наш лежит на север — в Кульдур.

...Слово «тайга» на Дальнем Востоке в большом ходу. Будь что-то далеко от селения или от дороги — это, говорят, «в сопках» либо «в тайге». Поросшие низкой древесно-кустарниковой растительностью заболоченные низины, местами перемежаемые вытянутыми в длину островками леса, — это тайга. За упомянутой здесь мною частью поселка Биракан закрепилось даже название «Тайга». Про озеро Теплое опять же говорили нам, что оно в тайге. И здесь, в самом начале единственной дороги в Кульдур — опять же тайга. Но в отличие от всего подобного, что мне доводилось видеть в области раньше, это нечто трудновообразимое, и человека на дороге

в Кульдур будет легко представить чем-то вроде букашки в высокой перепутанной траве. Сейчас мы медленно движемся по туннелю, темные стены которого образованы гигантскими елями, а «потолок» обозначен узкой полоской неба. Но вот машина медленно вползает на подъем, и перед нами с левой стороны все шире открывается лесная даль — зеленый океан из миллионов растений, укрывавший неподвижные волны возвышенностей, а справа неприступной крепостной стеной высится нагромождение скал. Минута-другая — перевал позади, и наша машина на приличной скорости вновь ныряет в лесную чащу. Дорога долго тянется по ней, кружит и петляет, делая поворот за поворотом, за окнами кабины маячат то вырванные из земли неведомой силой корни гигантских «лесин», то обомшелые груды камней, то разливы стоялой болотной воды... Надо ли тут описывать еще и все то, что оказывается под колесами нашего трясущегося, раскачивающегося и дергающегося при буксовках «форда»?..

Тем часом погода испортилась. Начал накрапывать дождь. Усилившись, он в какие-то мгновения превратился в ливень, накрывший лес ровным холодным шумом и вскоре обернувшийся прямо-таки гигантским водопадом. В его тяжелой серой пелене утонуло все видимое и различимое всего минуту назад. Плотнo окружавшие нас предметы и детали пейзажа, утратив четкие очертания, слились воедино, став сплошной белесой массой, и, двигаясь в направлении курорта «Кульдур», мы оказались вдруг в самом начале сотворения мира, когда земля и небо были еще не отделены друг от друга. В реальности же — и то лишь для одного нашего водителя — впереди существовало всего несколько метров дороги, превратившейся в русло стремительного мутного ручья. Ощущение фантастичности всего окружающего стало у меня еще более отчетливым, когда предвестник всемирного потопа, свинцовой тяжести дождевой

шквал буквально в считанные секунды оборвался, уйдя в полном смысле этого слова в никуда. Все вокруг нас почти неожиданно опять приобрело обычные формы и очертания, вновь стало светло, небо расцветили тысячи предзакатных цветов и красок. А чтобы описать редкостной красоты игру вечернего солнца в ослепительно засверкавшей после ливня таежной зелени, право, не хватит и слов.

Мы проехали по таежной дороге уже два десятка километров, но не встретили на пути ни одного человека. За все время движения к конечному пункту нашего маршрута мы нигде не заметили и признаков жилья. Но вот наш «форд», переехав мосток через порожистую речку, останавливается перед неказистой избушкой, которую было как-то даже странно увидеть в окружении безлюдной зеленой пустыни. Дверь избы широко распахивается и навстречу нам выходит, очевидно, хозяин скромного таежного подворья, как оказалось, охранник моста. Неподалеку мы заметили еще группу мужчин, сидевших вокруг костра, — дорожных рабочих, как пояснил нам шофер. А вот из избы вышла девочка, верно, дочка сторожа, и, подойдя к нашей машине, передала главврачу берестяную корзиночку с крупными красными ягодами.

Немного передохнув, снова отправляемся в путь. Мост через горную речку, сказали нам, — это самая середина «трассы» Биракан — Кульдур. И снова дорога наша уходит на подъем, и снова она близко жмет к лесистой сопке — уже не просто к сопке, а к горе, сложенной из редкого — зеленого — мрамора. Здесь мы и увидели с десяток рабочих с кайлами и лопатами, а чуть дальше — несколько шалашей. В общем, именно то, о чем мы уже слышали от рыжеволосого главы артели в «первомайской» столовке.

Было уже совсем темно, когда фары нашего авто высветили грузовик, стоявший в стороне от дороги, и какое-то строение чуть поодаль. Кажется, мы уже на месте?

Нет, мы только что проехали мимо подсобного хозяйства курорта. И лишь обогнув еще одну сопку, наш «фордик» оказывается в поселке Кульдур. Но это тоже еще не курорт. Проезжаем вдоль типично сельской улицы, минуем узкий мостик, переброшенный не то через ручей, не то через овраг, пока наш водитель не останавливает машину на широком дворе — общем дворе нескольких деревянных домов.

...Вот чудо (а можно сказать и «причуда») природы: в десяти тысячах километров от Москвы, да и вообще в дали дальней от обжитых людьми территорий в дикой таежной глуши находится место, известность которого год от года растет и которое сейчас, несмотря на единственную (да еще и какую!) дорогу к нему, притягивает к себе многих нуждающихся в оздоровлении — рабочих, красноармейцев, служащих и колхозников со всех уголков Дальнего Востока — с Сахалина, Камчатки и из других не менее отдаленных краев. Легенды ходят здесь о целительной силе места, о котором прежде знали лишь дикие звери, лесные птицы да несколько кочевников-тунгусов. Ныне здесь располагается признанный дальневосточный курорт. Окруженная со всех сторон поросшими лесом сопками, перечеркнутая двумя шумливыми горными речками лежит в плоской низине земля, пропитанная водой необыкновенного свойства. Как говорят, стоит здесь ткнуть пальцем в склон сопки, как из земли брызнет такая вода — вода не простая, а, во-первых, нагретая примерно до 70-ти градусов и, во-вторых, содержащая сложные щелочные соединения, что делает ее наилучшим лекарством от различных проявлений ревматизма, кожных заболеваний, застарелых ран и т. п.

Прежде, лет двадцать назад, сюда, к целебным источникам, по узкой таежной тропе добирались немногие страждущие. Может, за все лето не больше десятка-двух. Ехали они верхом на лошадях. На них же навьючивали месячный запас провианта. Прибыв на место, люди се-

лились либо в привезенных с собой палатках, либо в наскоро вырытых землянках. А ваннами для больных служили неглубоко вырытые ямы, которые тотчас же наполнялись водой. Здесь же местами устраивались примитивные печи для подогрева целебной грязи и прокладывались канавки для отвода воды «отработанной». Над «земляными ваннами» сооружались временные навесы с целью удерживать пар, исходящий от воды, который, как полагали, тоже обладает целительными свойствами. Так и лечились.

Что и как теперь? Те «лечебные» ямы давно засыпаны, а о зарождении курорта напоминает лишь одна специально оставленная здесь в качестве памятника о прошлом «изба-купальня», обнесенная аккуратным заборчиком. Ныне здесь действует ванный корпус, оборудованный всем, что необходимо для полноценного бальнеологического медучреждения. Вода целебного источника теперь «водворена» в трубы и распределяется с расчетом на то, чтобы удовлетворить все потребности успешно действующего курорта. Остается добавить, что целительная вода Кульдура по своим лечебным характеристикам, и, если хотите, даже по запаху почти не отличается от вод знаменитой Мацесты.

Курорт в тайге... Это большие двухэтажные здания, в которых располагаются клиника, курзал, клуб, кинозал, библиотека, помещение для занятий физической культурой и т.п. Правда, при всем этом дают здесь пока что знать о себе разные неизбежные при существующих условиях недочеты и недостатки, от которых, конечно же, необходимо избавляться.

Мне любопытно было наблюдать за тем, как в утренние часы по узким деревянным тротуарчикам шагают к ванному корпусу вереницы по-городскому одетых людей — на мой взгляд, довольно молодых мужчин и женщин с переброшенными через плечо простынями и полотенцами — типичная картина для любого курорта. Та

же курортно-санаторная атмосфера царит и в просторном зале столовой, шумном и оживляющемся во время обедов и ужинов. Не пустует вечерами бильярдная, неровному перестуку шаров вторит стук домино и возгласы азартных игроков, людно в красном уголке и в других помещениях, предназначенных для коллективного отдыха. А в темные окна со всех четырех сторон смотрит угрюмая тайга, и буквально в двух шагах от здешних тротуаров лежит древнее болото.

Одна из местных примечательностей — так называемый «Ключ молодости». Справа от главного источника, если перейти через речку Кульдур и отойти немного в сторону от дороги, стоит украшенная резьбой по дереву беседка. В ее центре торчит из пола тонкая железная трубка, изогнутая в форме вопросительного знака. Из нее, как из постоянно открытого водопроводного крана, течет щелочная вода — точно такая же, как из главного источника, но с температурой не 71, а 42 градуса. В беседке можно постоянно видеть нескольких человек, которые приходят сюда ополоснуть целебной водой руки, умыться или омыть ею другие части тела. Некоторые приходят к источнику в беседке с бутылками или стаканами, чтобы здесь же и выпить омолаживающей водички. Вот к «знаку вопроса» подходит коренастый морячок и, ловко сбросив с себя тельняшку, долго моется, пригоршнями бросая на себя тепловатую воду. Вода эта, считают здесь, полезна как для оздоровления кожи, так и внутренних органов, в частности, желудка и прочих частей организма. Неспроста же курортники дали источнику воды в беседке название «Ключ молодости».

Упомяну и еще об одном примечательном месте в Кульдуре. Как-то под вечер, когда в клубе «крутили» кино, нам с американцем захотелось отведать хотя бы несколько глотков воды, о которой мне как-то рассказывала одна биробиджанская учительница. Речь шла о том, что где-то чуть в стороне от санатория еще сохранилась

под ближней сопкой старая землянка, а сразу за ней из-под высокой скалы тоненькой струйкой сочится вода. Место это специально огорожено, вода из крохотного родничка течет по желобу в установленный здесь бочонок, а из него — причем через фильтр — попадает еще в одну бочку, из которой воду можно пить, зачерпнув ее ковшом, кружкой или стаканом. Вода того ключика детально пока что не изучена, точно известно только то, что она радиоактивная, и врачи советуют ее пить. Мы с товарищем этому совету и последовали. Что можно сказать? Вода чистая, холодная, приятная на вкус. Жаль, что дебет того источника, по выражению моего случайного попугайчика-гидротехника, невелик.

Основное население таежного поселка — временно проживающие в нем излечивающиеся, врачи и представители обслуживающего персонала. Поселившихся здесь недавно, в частности, евреев из прибывших в область с Запада, — считанные единицы. Основная причина — медленное строительство жилья. Один из переселенцев жаловался: он с женой и тремя детьми вынужден ютиться в проходной комнате дома, где проживает местный фотограф, к которому ежедневно идут клиенты. Но так уж решил руководитель курорта, единолично представляющий в поселке натурально все виды власти. Нет в Кульдуре и еврейской школы, так что старший ребенок новоселов, обучавшийся в Биробиджане в третьем классе, здесь снова пошел в первый...

В комнату напротив нашей через день вселился новый приезжий, оказавшийся прокурором Бирского района. Вечером мы познакомились с ним ближе. Сам он с Украины, из города Кирово. Горд тем, что партия доверила ему ответственный пост. В Бире прокурор живет недавно, каких-нибудь пару месяцев. Там у него семья — супруга и двое детей. Зачем он здесь, в Кульдуре? Да все просто: в последнее время отсюда в прокуратуру поступало немало разных жалоб и «сигналов». Ну а он, совет-

ский прокурор, в силу своего положения обязан выступать на судебных процессах не только в качестве государственного обвинителя тех, кто переступает закон, но и изучать обстановку, в которой преступления возможны и вероятны. Вот он, представитель закона, и приехал сюда лично с тем, чтобы познакомиться с положением дел в отдаленном селении. Он уже успел встретиться и побеседовать с отдельными работниками данного оздоровительного учреждения и убедился в наличии здесь причин, которые при определенных обстоятельствах могут привести к правонарушениям, в частности, со стороны представителей администрации курорта. Теперь в числе его намерений — в ближайшее время провести общее собрание работников курорта, прочитать перед собравшимися доклад о революционной законности, а также выслушать возможные вопросы и претензии участников собрания с целью принятия в дальнейшем со стороны прокуратуры соответствующих мер в направлении нормализации сложившейся обстановки.

Утром, позавтракав, мы вместе с моим новым знакомым направились в артель, готовящую известь. Он — по своим делам, я — по своим. В артельной конторе былолюдно — у стен и по углам стояли и сидели десятки (то есть бригады — **прим. перев.**), прорабы, инженеры, рабочие. Здесь же, сбоку от председательского стола, я увидел уже знакомого мне фотографа, сосредоточенно расчерчивающего схематический план будущего Биракана. Фотограф этот через полчаса и стал моим добровольным проводником по производственной территории артели «Первое Мая», вернее будет сказать, по месту, где находятся печи, в которых выжигают известь. Собственно говоря, каких-то печей тут в общепринятом смысле этого слова вы здесь не увидите. Есть просто неглубокие выемки, пробитые в каменистом склоне сопки, сложенной из того же известняка, так что задняя и две боковых стенки такой печи образованы самой приро-

дой. Внутреннее пространство этой печи закладывается массивными кусками известняка так, чтобы между ними оставались пустоты. Получается нечто вроде небрежно сложенной пирамиды, в основании которой ее «строители» оставляют место для большого костра. Бока этого конусообразного сооружения, пока в нем горит огонь, постоянно посыпают золой и поливают известковой водой. Так, нам говорили, быстрее идет процесс превращения «дикого» камня в негашеную известь. Удивительно легкие по весу белоснежные — то с едва заметным кремовым, то с розоватым оттенком — куски такой извести приятно греют ладони и при прикосновении издают едва различимый шелестящий звук. И каким бы примитивным ни казался описанный способ получения широко потребляемого стройматериала, бираканская артель по выпуску извести — признанный конкурент Лондоковского завода, где продукцию в ожидании пуска механизированного предприятия вырабатывают пока точно так же, как и в артели «Первое Мая». Здесь, в Биракане, действуют что-то около двух десятков «печек». Одни «топятся», другие выкладываются. Каждая бригада обслуживает две печи: пока дымит одна, другую складывают. Ну и наоборот. На заработки здесь никто не жалуется. Во всяком случае, один из артельщиков — человек уже в годах, один из первых евреев-переселенцев Биракана — сказал, что за прошлый месяц получил 760 рублей. До этого имел тоже не меньше. Ну а деньги такие сейчас для него лишними не будут: собственный дом новосел взялся строить.

Невдалеке от комплекса «первомайских» печей трудятся мраморщики. К ним мы с моим проводником и решили заглянуть. А на пути к месту добычи мрамора я обратил внимание на сложенные в стопки на обочине дорожки кирпичи. Подойдя поближе, узнаю: кирпич — продукция семейной артельки, в которой трудятся муж, жена и их сын — паренек 13-14 лет. У каждого из рабо-

тающих — четко расписанные обязанности: глава семьи смешивает глину с песком, супруга его занята формовкой кирпича, хлопчик с тачкой — ответственный за транспортировку сырья и готовых изделий. Членам семьи-артели, что называется, головы поднять некогда — весь долгий летний день под небольшим дощатым навесом кирпичного «завода» кипит работа. Проблемы? Особых каких-то проблем нет. Правда, в последние дни что-то глина неважная пошла — из-за этого много кирпича в брак уходит.

Цех-мастерская по обработке мрамора — просторное помещение, заваленное белыми, розовыми и зеленоватыми кусками, глыбами и блоками благородного камня. Директор предприятия где-то в отлучке, и провести нас по этому и другим цехам артели берется один из московских мастеров — пожилой седобородый русский с лицом, сплошь иссеченным морщинами. Осматривая помещения артели и наблюдая за действиями работающих, я убедился, что процесс превращения бесформенных кусков горной породы в красивые, отливающие шелковым блеском разноцветные плитки особой сложностью не отличается, но требует немалых затрат физического труда. Вот двое рабочих пилят уложенный на помост из толстенных досок многотонный каменный блок почти кубической формы. Двигаются они точно так же, как если бы в руках у них была двуручная пила с тем лишь отличием, что вместо такой пилы они действуют с помощью рамы с натянутыми внутри нее металлическими «струнами». «Струны» эти отстоят друг от друга на расстояние, соответствующее толщине плит, которые требуется отделить от мраморной глыбы. Перетягиваемые взад-вперед тонкие стальные прутья эти сравнительно легко режут мягкий камень. Но режут не с помощью каких-либо зубцов или насечек, а при посредстве мелкого стального порошка, подсыпаемого в узкие канавки-«резы», по которым движутся пилящие «струны».

Таким образом, сделав один проход, «пильщики» получают сразу несколько плит (или плиток). Излишне говорить, что труд в цеху по первичной обработке мрамора — занятие не из легких, результаты дает не скоро, как оно и вообще везде, где почти все делается вручную. Вполне понятно, что на «разделку» «мрамора из сопки» ставят рабочих физически крепких и сноровистых.

Но вот мраморный блок-тяжеловес распилен на плиты. Теперь их требуется окантовать, то есть убрать с краев плит зазубрины и шероховатости, вдобавок «раскроить» их на прямоугольники. Но после такой обработки мрамор еще не станет готовой продукцией. Едва ли не самое сложное в ее производстве — последующая сортировка плит по цветам: дело в том, что мельчайшие частички мрамора (опилки, каменная пыль) буквально оклеивают еще не очень гладкую поверхность мраморных «дощечек». Здесь-то и начинается долгий и напряженный этап доводки мраморных изделий до товарного вида — их полировка. Ставят на эту операцию, как правило, женщин и молодых рабочих: поскольку для полировки и сортировки мрамора требуется не столько физическая сила, сколько внимательность и сосредоточенность.

Уже отполированные мраморные плиты, доски и дощечки моют, сушат, и, пройдя только эту, заключительную, стадию обработки, мрамор становится таким, каким его видят люди в больших городах. Открытые в Бирском районе места залегания мрамора и его выходы на поверхность как будто бы уже достаточно хорошо разведаны и описаны. В иных местах здесь высоко над землей возвышаются среди тайги зеленые утесы, напоминающие древние языческие изваяния. Это тоже мрамор.

Мастер, сопровождавший нас по производственным объектам артели, завел нас в небольшую комнату и продемонстрировал нам целую коллекцию мраморных плит самой разной величины — зеленых, белых, розовых... На

прошлой неделе, сообщил он нам, несколько тонн «готового» мрамора артель отгрузила в Комсомольск. Из дальнейшего разговора с мастером выяснилось, что основная проблема бираканских мраморщиков — не отсутствие в их распоряжении современной техники и, соответственно, большой объем кустарного труда, а то, что в здешних карьерах пока ни разу не были обнаружены объемные цельные блоки мрамора. (Геологи объясняют это сейсмической активностью в отрогах Малого Хингана, имевшей здесь место в древности. — **Прим. перев.**). Таким образом, бираканский мрамор пригоден для изготовления мелких изделий — например, чернильных приборов, пепельниц, небольших статуэток, декоративной плитки для отделки панелей и прочих подобных предметов.

Во время обеда на веранде в той же артельной столовой мы встретили сразу несколько местных руководящих товарищей — директора школы, завуча и завхоза той же школы, а с ними — и еще одного заведующего — руководителя столовой. Все они — относительно молодые люди, ставшие жителями Биракана три-четыре года назад. Кто-то прибыл сюда с Украины, кто-то — из Белоруссии, кто даже из-за границы. Например, завстоловой — в прошлом, как было уже сказано, электрик — в юмористических тонах поведал нам о своем долгом путешествии с немалочисленной семьей из города Либавы в город Биробиджан, а оттуда — в Биракан. В Биракан потому, что — решили в семье — все же не какая-то глушь, а хоть и поселочек, но зато на железной дороге. Но как же все они перепугались, когда им в поселковом Совете сказали: «Поселим вас в «Тайге»». Кто ж из них знал, что «Тайга» на языке бираканцев — не темный лес, а часть их поселка? В первое время семья из Латвии (а в семье этой ни много ни мало восемь человек) делила жилье еще с тремя переселенцами. Теснились страшно. Пошел как-то он, глава большого семейства, посмот-

реть, как другие новосельцы в «Тайге» обустроились. Вошел в одну избу, видит: женщина с больным ребенком перед железной печуркой сидит.

— «Что с ребеночком-то?» — спрашиваю, — продолжает рассказ завстоловой. «Спит», — отвечает мать, а сама, вижу, вся в слезах. Еще в один дом захожу, и там хозяйка жалуется, что оба ее сынишки спят. Ну, думаю, с чего бы это вдруг сон на детишек среди бела дня навалился? Уж не сонная ли болезнь в этих краях, как в той Африке, ходит? А уже потом узнал, что евреи с Украины, когда человек заболел, то про него не скажут, что он болен, а скажут, что он спит. Ну а в тот раз дело поздней осенью было. Ясно, что ребятишки и простужались частенько. Что и говорить, непростое было время, непростое... Сейчас, слышишь люди нет-нет. да и пожалуются: чего это, мол, опять на обед черный хлеб подали? А тогда, помню, и черному хлебу народ радовался... Ну а если про «первомайскую» артель говорить, то она только на извести вон как поднялась! И разве сравнятся сейчас с нашей «Первомайкой» хоть те мраморщики, хоть строительная артель или даже колхоз «Най лэбн»? — закончил свой застольный монолог заведующий столовой.

...На вокзале я обратил внимание на довольно большую группу молодежи, ожидавшую прибытия поезда. Это были учителя и учительницы, буквально несколько дней назад приехавшие в школы бираканского «куста», а сейчас направляющиеся на августовскую учительскую конференцию в Биру. Мне не составило большого труда завязать разговор с молодыми педагогами. Ну а что особенного можно услышать от совсем еще зеленых ребят и девушек, только-только оставивших студенческую скамью в педтехникумах (реже — в учительских институтах) Минска, Житомира или Сталино? Однако какое удовольствие испытываешь, глядя на молодые открытые лица, на которых читается вера, решительность, энтузиазм! В большинстве своем юноши и девушки считают

везением то, что им предстоит учительствовать на прекрасной земле Еврейской автономной области, и сейчас все они переполнены впечатлениями от дороги почти через всю страну — самой длинной в их жизни дороги. В то же время они уже успели познакомиться с условиями работы, которая начнется для них в ближайшие дни, кто-то уже определился с жильем, и, кажется, решительно все горят желанием начать предстоящий учебный год в новой для себя роли. Однако где не бывает досадных исключений? Вот передо мной сидит девушка из Минска. Она явно чем-то недовольна. Дескать, ладно: Биробиджан пусть и невелик, но это все же город, а не эта деревня под названием Биракан, куда ее «распределили». И еще что? Брата девушки, с которым они вместе и в школе учились, и в институте в одной группе были, так оставили в Биробиджане. Разлучили их, выходит. Ну не обидно ли?

— Я вообще не понимаю, чему тут люди радуются, — возмущается неудачница. — Будь моя воля, я бы хоть сейчас вернулась домой.

Но ропот недовольной девушки заглушает взрыв смеха: кто-то снова выдал остроумную шутку о причине расхождения минского выговора и украинского диалекта и заверил, что скоро появится новый — чисто биробиджанский — вариант значений и произношения слов на идише.

...А в Биробиджане тем временем царят шумы и звуки пока еще не великого, но день ото дня растущего города. Сегодня здесь тоже проходит традиционная учительская конференция. Добрый десяток громко и оживленно обсуждающих что-то учителей можно встретить на центральных улицах, в ресторане вы тоже без труда определите столик, за которым обедают педагоги. Они же, педагоги, встречают сейчас учащихся биробиджанских техникумов. И снова, как почти каждый день, перед вокзалом с названием «Биробиджан» останавливаются

поезда дальнего следования, доставляющие в Еврейскую область новых переселенцев.

...Время, проведенное мной в Биробиджане и за его пределами, шло то слишком торопливо, как проходят здесь нежданно сорвавшиеся из-за сопков дожди, то медленно, как грузовичок, преодолевающий затяжной подъем. И вот наступил для меня час возвращения в путь обратный, в путь неблизкий. Потому что никаких других путей на Запад из края под названием «Дальний Восток» просто быть не может.

ЭПИЛОГ

. א.ק.ט" Эти буквы еврейского алфавита — не из полуистлевшей древней рукописи. Эти буквы — яркое отражение живого, реального, настоящего — всего того, что греет мне душу и полнит меня радостью. Я сердцем чувствую их смысл, значение и суть. Аббревиатуру. א.ק.ט" (прим. ред. — א.ק.ט" א.ק.ט" א.ק.ט" — א.ק.ט" (я читал на вывесках советских учреждений, на красочных плакатах и призывных лозунгах и даже — надо ж так! — на бортах тудяг-грузовиков. Те же самые буквы. א.ק.ט" красуются на спортивных костюмах юношей — победителей недавней дальневосточной олимпиады. Сегодня и в городах, и в селах этого далекого края люди знают также и слова, стоящие за пока еще непривычным для многих сочетанием еврейских литер. א.ק.ט" и русских Е.А.О.

...Сколько столетий осталось в истории народа, обреченного на странствия по белу свету, где все и все для пришельцев то ли с юга, то ли с запада было чужим и таким же чужим оставалось всегда! Не потому ли в душе этого народа исконно жила заветная мечта — мечта о свободе? И сколько же сынов и дочерей нашего народа сложили головы, сопротивляясь духовному порабощению! Только длинная череда веков хранит многие сотни их светлых имен...

А теперь вот здесь, в моей стране, владеющей шестой частью земного шара, народ мой по праву и по высшей справедливости стал равным среди равных ему народов. И право это золотыми буквами вписано в главный государственный закон — закон, в котором утверждено существование территории под наименованием «Еврейская автономная область».

Мне посчастливилось походить и поездить по земле, которая значится на географической карте СССР, как Еврейская автономная область. Но ведь даже самая точная карта не может быть еще и картиной, на которой может быть такое:

*На синих ладонях немых горизонтов —
Высокое небо в кудрях облаков.
Поют провода о далеком о чем-то,
Бегут провода далеко-далеко.*

Ни одна карта не даст вам представления и о сопках, сиреневыми волнами-лентами опоясавших те горизонты. А что там за ними дальше? За ними — необозримые лесные дали, цветущие луга, реки, озера, поросшие лотосом, и ровные полосы зреющих хлебов, во многих местах посеянных наверняка впервые от сотворения мира... Но в дальнем этом краю — и в юном городе Биробиджане, и в приграничных селениях — повсюду я слышал родную речь, видел как будто давно знакомые мне лица. На новостройках и на речных пристанях, в колхозных мастерских и в детских садах, в сельских клубах и просто на улицах. И неспроста у меня подчас создавалось впечатление, что и сам я давно, едва ли не с самого своего рождения, живу здесь, в ЕАО.

Но нет, я не отсюда. Потому что пока не принадлежу к числу тех людей, которые родились, растут, да и просто живут и трудятся на этой древней и одновременно молодой земле, — людей светлого сегодня, людей ясного и благополучного завтра, людей, которые, помня о драматическом прошлом своего народа, как святые будут

М. Хашеватский

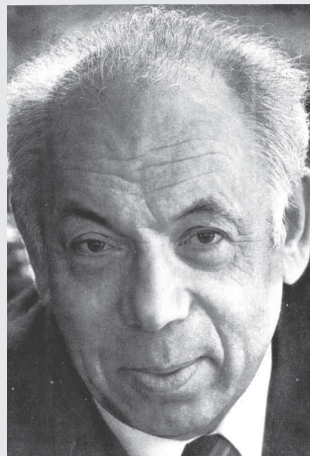
хранить его язык, обычаи и все то, чем щедро одарила его природа.

Я же питаю надежду на то, что по прошествии времени мой уже повзрослевший сын на вопрос о месте своего рождения с гордостью скажет на идише и повторит на русском: «Место моего рождения — Еврейская автономная область РСФСР».

1936-1937 гг.

На Октябрьской улице Биробиджана.
Фотограф В. Гиринович. 1937 г.
(Из собрания РЭМ)

**Писатель
Шмуэль
(Самуил) Гордон**

(1909 – 1999 гг.), живший на Украине, впервые побывал в нашей области еще в 30-х и в 1937 году издал повесть «Биробиджанские дети», а посетив ЕАО уже после войны, написал ряд очерков, вошедших в сборник «Биробиджанер тойшвим» («Биробиджанские старожилы»).

Как бы то ни было, С. Гордон в числе многих евреев — собратьев по литературному ремеслу — в свое время не избежал ареста и «посадки». Отбыв в лагерях почти семь лет, С. Гордон (кстати сказать, ветеран Великой Отечественной) был реабилитирован и снова вернулся в литературу. Пишущий по призванию не может не писать по определению. Ну а что касается «биробиджанской темы» в творчестве писателя, то ни его «Дети», ни «Старожилы» на русский язык не переводились. Видно, не больно интересовала названная тема русскоязычного читателя. В Центральной России и даже в Москве для многих и до сего дня наш Биробиджан — это «где-то на юге». Ну вот есть же на том юге Андижан, Азербайджан или Абиджан....

Предлагаем нашему читателю очерки Самуила Вульфовича Гордона из его сборника «Биробиджанские старожилы».

Светлой памяти Мейера Альбертона

БИРОБИДЖАНСКАЯ СЕМЬЯ

Перевод с идиша Валерия Фоменко

— Мальчик, скажи, пожалуйста, где живет Шая Ландман?

— Шая Ландман где живет? — И мальчишка, который увлеченно гоняет деревянный обруч по тихой улице Шолом-Алейхема, остановленный моим вопросом, удивленно смотрит на меня широко открытыми глазами так, если бы я спросил его, например, как называется город, в котором мы сейчас находимся. Но судя по всему, чуть подумав, мальчишка соображает, что дядька просто морочит ему его кучерявую голову, если хочет узнать у него, где живет Шая Ландман. Наверное, это какая-то такая шутка, догадывается хлопчик и, тоже решив поиграть словами, задает вопрос уже мне:

— А что, вы таки и правда не знаете, где живет Шая Ландман?

— Ну а почему я должен знать, где он живет?

— А, так значит вы не из нашего Биробиджана!.. — уже не спросил, а уверенно заявил мой случайный собеседник.

После всего этого мне оставалось заключить, что первый вопрос, который я задал мальчику, оказался бы неожиданным и даже странным, пожалуй, для любого жителя этого города. Хотя Биробиджан, конечно же, почти никак и ничем не напоминает прежнюю Тихонькую. Это

уже настоящий город с улицами, улочками и переулками со своими особыми названиями, где каждый дом и каждая квартира в доме имеют свои номера. Да и как может быть по-другому? Как-никак в городе этом числится уже несколько десятков тысяч жителей. И как тут все могут знать адреса всех остальных?

— А с чего это ты взял, например, что я не из Биробиджана? — делаю попытку продолжить разговор с пареньком.

— Да с того, что все, кто в Биробиджане живет, знают, что дядя Шая Ландман живет вон там — в доме за зелеными воротами. Зайдете во двор, и там вам все покажут его дом. Он еще с большой такой верандой, — объяснил мне дорогу мальчик и снова покатил свой обруч по вымощенной булыжником улице Шолом-Алейхема, по обеим сторонам застроенной двухэтажными домами.

Когда-то в невеликих местечках-штэтлах каждый их житель доподлинно знал, где в городке живет врач и где аптекарь. Ну а в таком городе, как Биробиджан, в прежние годы почти каждый мог вам сказать, где живет, например, профессор, поскольку тот был в городе, как правило, единственным. Но вот Шая Ландман вовсе не профессор, и Биробиджан — не какой-нибудь уездный городишко в провинциальной губернии, Шая — обыкновенный плотник, и людей такой профессии, как он, в городе, конечно же, мало быть не может.

А мальчишка оказался-таки прав: хотя Биробиджан — не захолустное местечко, а вполне город современный, но тех немногих, кто отважился первым прийти в биробиджанскую тайгу, знают здесь хорошо все. Шая же — из числа самых первых переселенцев. К этому стоит добавить еще и вот что: если собрать всех родственников Шай, которых он привез из Терновки — невеликого местечка на Украине, — то ими, наверное, можно бы заселить всю улицу Шолом-Алейхема. И уж если, как говорят, крепки корни дерева, то и древесная крона над ними

будет богата густыми ветвями. А за девятнадцать-то лет в каждой семье бывших терновцев прибавилось столько зятьев и невесток, детей и внуков, что всех их и перечесть будет непросто. Так что в Биробиджане, как мне кажется, нет ни одной улицы, на которой бы не жил кто-то из родственников Ландмана, и уж точно нет здесь ни одного учреждения и предприятия, где бы они ни работали. Слышал я и такое: когда кого-нибудь из них хотят похвалить, то так и говорят: да он же, мол, из терновских, из ландманских. Ну а уж таких людей, как сам Шая, хорошо знают не только в Биробиджане, но и в области.

...Встретились мы с главой рода Ландманов возле его дома, в палисадничке, где хозяин заботливо поливал грядки. Помогала ему при этом девчушка лет шести с забавно торчащими по обеим сторонам головы черными рожками-косичками. Увидев незнакомого человека, вошедшего во двор, девочка окликнула Шаю: «Деда, к тебе!» И, повернувшись в мою сторону, деловито, без паузы добавила: «Вам к дедушке? Тогда проходите».

По тому, как меня встретила девочка, было легко понять: если в этом дворе появлялся кто-то незнакомый, внучка Шаи уже знала, что человек пришел к ее дедушке.

Шая, шагнув мне навстречу, поздоровался со мной так, как будто мы с ним давным-давно знаем друг друга.

— Рад, что вы ко мне зашли. Даже очень рад, — широко улыбаясь, приветствовал меня Ландман, и уже с первых его слов и по манере речи можно было заключить, что передо мной человек из простого народа, человек с открытой душой. Узнав, кто я и откуда, Шая уже не задавал мне лишних вопросов. Для него стало-таки привычным: если к нему приходит «свежий» человек, то, скорее всего, это либо кто-то из только что прибывших переселенцев, либо тот, кто задался целью написать что-то о времени основания Биробиджана. Да, город этот хоть и молод, но у него уже есть своя история, а кому,

как ни Шае Ландману, знать ее во всех деталях? А сколько же всего интересного можно рассказать не только о городе, но и каждой его улице или даже о доме на ней и о том, каких трудов стоило все то, что предшествовало и сопровождало появление на этой земле и этих улиц, и этих домов на них! К счастью, все это теперь — таки да! — осталось там, в истории. Самое же главное то, что здесь, почитай, на пустом месте укоренилась полноценная человеческая жизнь, открывшая перед этим краем дорогу в будущее. И он, Шая Ландман, готов привести множество примеров и доказательств того, что все это именно так и никак не иначе. А за примерами-то и ходить далеко не надо. Вот он я перед вами — такой «пример». И если кто-то думает, что он, Ландман — исключение, так сам он тут же, что называется, не сходя с места, столько таких «исключений» вам перечислить может! Ему на жизнь жаловаться великий грех, но в городе таки немало первопоселенцев, у которых здесь, на новом месте, все сложилось и устроилось, пожалуй, что и получше, чем у него. Ну а в общем-то кто к чему стремился, тот своего и добился.

— Вы ведь у нас в Биробиджане уже не первый раз, — заметил в начале нашего разговора Шая, — так что вполне может быть, что мы с вами в артели «Металлист» даже встречались.

И как только был («Всем пить до дна!») выпит первый бокал, все, сидящие рядом друг с другом, расцеловались — так, как все мы делаем это в минуты большой радости.

— Полнее, полнее наливайте бокалы, друзья! — слышался с дальнего края длинного стола голос кого-то из бывших терновских. — Я тоже хочу сказать свое слово.

— Шике! — обратился к Ландману желающий высказаться. — Посмотри, Шике, сколько друзей собралось сегодня за твоими столами. И если бы каждый, кто здесь сидит, проводил бы такой же праздник, как и ты, ты был

бы на нем самым почетным гостем, да! Кому мы, все терновцы, обязаны тем, что стали биробиджанцами? Тебе и твоей Хане. Разве не вы позвали нас за собой? И давайте поднимем бокалы за одного из первых биробиджанских евреев — за Шаю Ландмана и за его Хану, а также за всех их детей и внуков. Добра и счастья всем вам! Лехаим!

Вслед за терновским родственником хозяина к его многочисленным гостям обращались и другие первопоселенцы города. Выступали кузнецы и жестянщики, врачи и артисты, плотники и машинисты-железнодорожники, сапожники и портные. И каждому из них было что вспомнить и рассказать — рассказать о том, о чем из скромности умолчал сам Ландман. Потом заговорили о дне сегодняшнем — о том, что в городе и в области растут новые дома, что в область едут евреи, что жизнь становится лучше, что уже подрастает и новое поколение тружеников развивающегося края. Ну а виновнику торжества все пожелали переженить и выдать замуж всех внуков и погулять на свадьбах правнуков.

— Мама, а ты помнишь, как я в первый раз повел тебя показывать Тихонькую? — громко прозвучал за столом голос среднего сына Ханы Ицика.

— Ой, лучше бы и не помнить. Я ж тогда чуть было не утонула.

— Где, в Бире? — удивленно спросил кто-то из гостей.

— Нет, можете себе представить, не в Бире, а прямо на Валдгеймской улице.

— Как это можно на улице-то утонуть?

— О, это целая история...

И гости наперебой стали просить Хану историю эту им поведать.

— Ладно, расскажу, — начала Хана. — В Тихонькую я приехала месяца на два позже моего Шаи. А он тогда с двумя старшими нашими жил там, где сейчас центр города. Как раз на том месте, где сейчас его артель. Ну

тогда-то ее только строить начали. А жил он тогда в таком распрекрасном дворце! Такой еще избушкой на курьих ножках называют. Да в шалаше он жил. А я с младшими ребятишками проживала в то время в бараке на окраине поселка — там, где сейчас хлебозавод. Там с нами, наверно, еще больше десяти семей жило. Ну не совсем семей, а в основном-то женщин с малыми детьми. Временно, конечно, всех нас тогда там поселили. Может, на неделю всего. И вот как-то раз приходит до меня Ицик и говорит: «Пойдем, мама, я тебе нашу Тихонькую покажу». «Ну-ну, — говорю, — можно и посмотреть». Тут на меня женщины как набросятся: «Что, мол, ты себе думаешь! Куда ты пойдешь! Или тебе своей жизни не жалко? Тут волки по улицам бегают и вода кругом выше головы». В общем, так они меня перепугали, что не пошла я никуда. А дня через три снова ко мне мой Ицик приходит и опять зовет меня Тихонькую осмотреть. «Да посмеялись над тобой, мама, — он мне говорит. — Нет тут никаких волков». «И воды тоже нет?» — спрашиваю. «Что есть, то есть. Ну так мы уже, где надо, тротуары поделали». Только женщины, соседки мои, опять за свое... Но на этот раз таки уговорил меня Ицик. Короче, надеваю сапоги и, как говорится, вперед. Немного прошли — все вроде ничего. А тут вижу — впереди вода. Да еще какая! Озеро целое. Я уж подумала, что мы к Бире вышли. «Ну и где твои тротуары, Ицик?» — ему кричу. «Да вот они, — он отвечает и показывает мне на рядком уложенные чурбаки в воде. — Иди, мама, не бойся». «Хорошенькие тротуары!» — говорю и ступаю на тот чурбак. Вроде как не качается... Но тут я поскользнулась и плюх в воду. «Ицик, — кричу. — Тону!» А он смеется: «Да что ты! Тут совсем не глубоко. А скоро мы на сухое выйдем». Я, честно говоря, тут же хотела в барак вернуться, да спохватилась. Как на меня, думаю, там после этого женщины посмотрят да что вдобавок скажут?.. В общем, пришлось мне к Шае в его «дворец»

перебраться. Должна вам сказать, что как раз после того случая я как-то перестала жизни в этой Тихонькой бояться.

— Она у меня настоящая биробиджанка, — с гордостью подвел итог рассказу жены Шая. — А сколько сама она сил на обустройство жизни на новом месте положила — мне и не передать.

— Можно и мне тут свое слово сказать? — попросил сидящих за большим столом один из пожилых гостей. — Разве кто-то из нас не помнит, как Хана организовала женщин города на укладку булыжника на наших центральных улицах?

— Помним. И таки много чего еще помним, — отозвался кто-то из терновских родственников Ландмана и, хлопнув ладонью по столу, со смехом добавил: — Только мы тут говорим, а вино-то у нас стынет. Лехаим!

Спустя некоторое время обычный «застольный» шум голосов и общее оживление в комнатах и на освещенной веранде спадают — гости большого дома опять приготвились услышать, что скажет поднявшийся со своего места Шая Ландман.

— Дорогие мои гости! — начинает он. — Я просто счастлив от того, что сегодня здесь, за моим столом, собралось так много моих друзей. У нас, у евреев, много разных праздников, но только один раз в году принято у нас собираться за одним столом всем вместе — тогда, когда мы отмечаем Пурим. Так вот сегодня, как и на Пурим, за столом мы все вместе, я хочу, чтобы каждый из нас послал проклятие новому Аману нашего времени — будь он трижды проклят! — бешеному псу Гитлеру. Война унесла из жизни многих из моих товарищей, которые могли бы сегодня сидеть с нами за этим столом. Ведь наши биробиджанские евреи сражались и с немцами, и с японцами так же бесстрашно и упорно, как трудились на этой, поначалу дикой, земле и жизни своей не пожалели, защищая Родину...

При этих словах голос Шаи дрогнул. Он опустил глаза и замолчал. На минуту в доме воцарилась полная тишина, неожиданно прерванная женским плачем. Выждав некоторое время, Шая заговорил снова. Заговорил негромко, но уже в ином, бодром тоне:

— Я вот иногда задумываюсь, как бы сложилась моя жизнь, если бы я да и многие из вас когда-то остались в той Терновке... И если бы не Биробиджан, мог бы простой плотник Шая Ландман сидеть рядом с самим Михаилом Ивановичем Калининым вот так же, как я сижу сейчас с вами? Сколько уж лет с того дня прошло-пролетело, а я его до минутки помню. Товарищ Калинин принял нашу биробиджанскую делегацию так, как принимает своих детей отец. За те несколько часов, что мы с ним пробыли, он с каждым из нас побеседовал, каждого внимательно выслушал. А в конце той встречи Михаил Иванович попросил нас чаще писать ему про то, в чем мы здесь нуждаемся, и сказал, что верит нам и верит в то, что с помощью государства мы отстроим здесь для евреев прекрасную страну.

Рассказав о встрече с Калининым, Шая обратился к своим детям и внукам:

— У всех у вас будет в жизни много светлых праздников, но праздник сегодняшний — он особенный — праздник биробиджанский. В этот самый день вы должны обязательно собираться все вместе, и пусть двери каждого вашего дома будут открыты для всех, кто пожелает в них войти. И всегда помните, что область нашу строили и будут строить не только евреи... А сейчас, Хана, солнышко мое, — вставая из-за стола, закончил свой монолог Шая, — давай вспомним с тобой тот наш биробиджанский танец, который мы танцуем в этот день каждый год.

Сдвинуты столы, вынесены стулья и скамейки, и Шая с Ханой выходят в общий круг потанцевать — потанцевать так, как в свои далекие молодые годы. И вот уже

гости большого дома танцуют во всех его комнатах и на веранде. У биробиджанских евреев изначально повелось встречать и провожать день одиннадцатого июня как праздник веселый.

Между тем над городом уже взошел сильно располневший месяц, но в небе еще видны крупные звезды. Кажется, они висят над самыми крышами домов и при желании до ближних звездных огоньков можно дотянуться рукой. Но в свете луны, слегка подтаявшей с одного бока, звезды постепенно мельчают, удаляются и вот уже становятся едва различимыми глазом. По-летнему загустевшие кроны деревьев вдоль улицы уложили на дорогу неподвижные тени и изменили цвет домов с давно погасшими окнами. С реки тянет свежестью и прохладой, и если остановиться и вслушаться в ночную тишину, ухо уловит ровный шум текущей воды. Чудно красивы теплые дальневосточные ночи в Биробиджане!

— Как вам нравится в нашем городе ночь? — остановившись во дворе, слышу за спиной голос Шаи. Он только что сошел с широкого крыльца, но не один, а в окружении всего своего семейства: жены, детей и старших внуков. Некоторые из них держат в руках фонари — такие, какими обычно пользуются сельчане.

— А у вас не будет желания немного прогуляться с нами по городу? — слышу обращенный ко мне вопрос и тут же узнаю еще об одной традиции сегодняшнего праздника: после танцев вся большая семья Ландманов и часть их гостей отправляются на ночную прогулку по улицам и переулкам города, отстроенным на месте, по которому много лет назад — тоже ночью, но в полной темноте — почти на ощупь двигались в указанном им направлении только что сошедшие с поезда будущие строители Биробиджана.

Впереди всех шагают Шая и Хана. За ними — внуки и дети Ландманов с супругами. Фонари в руках идущих отбрасывают на тротуар покачивающиеся полосы света.

Идем недолго. Обойдя деревянную хатку, прижавшуюся чуть ли не к самой железнодорожной насыпи, и миновав площадку, бывшую когда-то во владении ныне всемирно известного полустанка Тихонькая, движемся мимо колхозного рынка в направлении хлебозавода, где когда-то стояли бараки для первых переселенцев. Потом сворачиваем на улицу Валдгеймскую и, приняв вправо, оказываемся на главной улице города — богато озелененной улице Ленина. Чем дальше мы идем, тем чаще останавливается Шая, чтобы сказать внукам, что вот здесь, где сейчас сквер, было топкое болото, а вон там, на месте каменных домов был дубовый лес. Делится воспоминаниями и Хана, дополняя рассказ мужа деталями, о которых, пожалуй, уже забыли даже здешние старожилы.

Неожиданно до слуха гуляющих со стороны ближнего перекрестка отчетливо донесся стук топора. Все останавливаются. Да, неподалеку, на участке, обнесенном высокой изгородью, строится дом. Рядом стоят несколько телег, груженных бревнами и досками. Люди при свете фонарей работают в ночную смену. А где должен стоять дом, там деревьям, понятно, места нет, и кто-то из строителей взялся за топор.

— Хана, — сорвавшимся голосом проговорил вдруг застывший на месте Шая. — Ты узнаешь это дерево? Это ж...

— Хорошенькое дело не узнать! Мы ж тут, наверно, целый год прожили. И разве я могу забыть, как ты в жару любил отдыхать во дворе в тени этого дерева? Ой, а как оно цвело и пахло!

— Да-да, Ханеле, это и есть та самая липа, — тяжело вздохнул Шая.

— Ну чего ты так расстраиваешься, папа? — пытается сгладить неприятность кто-то из гуляющих.

— Тут деревьев этих... И из-за каждого переживать?

— Ах, детки-детки! Я больше-то не из-за знакомого

дерева так вот... Не-ет. Я сам этих деревьев срубил да выкорчевал тут в городе столько, сколько и не сосчитать. Таких деревьев, что еще и покрасивей того. А загрустил я сейчас немного из-за того, что самому мне уже и не управиться с тем топором так, как когда-то...

А дальше происходило нечто необычное. Поставив свой фонарь на мостовую, Шая размашистыми шагами направился к строительной площадке и через несколько минут вернулся оттуда, держа в руке топор. Потом, осмотревшись, увидел метрах в десяти от дороги, ближе к стройплощадке, лежащий на земле спиленный тополь.

— Пап, ты что надумал? — озадаченно глядя на отца, подала голос одна из его дочерей.

— Ах, детки-детки, разве бы вы на моем месте поступили не точно так же?.. Вы ж сами видите, что у меня таки уже не хватит таких сил, чтобы с одного подхода дерево срубить. А ну, Шлойме, подойди-ка сюда! — окликнул Шая своего старшего внука, рослого смуглолицего парня. — Подойди, Шлойме, поближе. Хочу посмотреть, как в твоих руках вот такой топор себя держать станет. — И передал с этими словами внуку топор.

— Вот тебе работа — действуй! — кивнул он на ствол поваленного тополя и отошел в сторонку. На лице старого плотника, ярко освещенного поднятым им фонарем, светилась лукавая улыбка.

— Так, Шлойме, так! — вторил Шая четким ударам топора. — Чуть посильней! Вот так. Вижу, молодец. Есть кому деда заменить. Радуйся, Хана. Посильней, Шлойме, посильней! Уверенней! Так, Шлойме. Покажи, что ты из Ландманов, из биробиджанских!..

Ночная прогулка многочисленного семейства закончена, все возвращаются к праздничным столам, стоящим во всех комнатах большого дома. Веселое застолье продолжится до того часа, пока в широкие окна дома на улице Шолом-Алейхема не заглянут первые лучи восходящего солнца, извещающего биробиджанцев о наступлении нового светлого дня.

ПУТЬ-ДОРОГА

Перевод с идиша Валерия Фоменко

1947 г.

Далеко, очень далеко от Москвы до Биробиджана, еще дальше до него от Винницы, Тирасполя и Умани... Сколько уж городов мы еще до Урала увидели, сколько станций проехали, но сегодня, как и вчера, за окнами вагона все Сибирь и Сибирь, хотя находимся мы еще по эту сторону Байкала. Кажется, что наше путешествие и не закончится никогда — такая даль! А что такое десять суток кряду просидеть в вагоне, если вас уже через двое-трое суток пути начинает одолевает скука, а часы тянутся и тянутся, как те рельсы, которым ни начала, ни конца?..

На календаре — конец мая, и в это время в пробудившейся природе воцаряется особенная красота. К тому же вокруг горы и долины, леса и луга, реки и ручьи... Но, честно говоря, и от великолепия неостановимо меняющихся панорам земли вы начинаете уставать, а сердце ваше томится ожиданием конца пути.

Хорошо тому, кто отправился в дальнюю эту дорогу не один, а с семьей или в компании друзей, знакомых и просто земляков. С попутчиками и ехать всегда легче. Пусть даже далеко. Причем в окружении близких людей вам как будто не так уж и важно, в поезде вы или нет, едет тот поезд или стоит.

Я откровенно завидую пассажирам из восьмого вагона. Там едут в Биробиджан несколько еврейских семей из Умани. Всю дорогу они что-нибудь да обсуждают, и им таки всегда есть что обсуждать. Им, как мне кажется, хватило бы разговоров на тысячу и еще одну ночь. По-

нять это легко. Разве обитатели восьмого вагона не были живыми свидетелями первых дней войны? И разве им не довелось пережить спешную эвакуацию и устраивать жизнь на новом месте в самые тяжкие годы той войны? Ну и как можно умолчать о возвращении уманцев из неблизких краев в родной город? А здесь и теперь все они снова в дороге... Ну и подумайте сами: легко ли это — оставлять одно обжитое место и ехать куда-то обживать новое? Ведь даже птицы тоскуют по своим гнездам...

Представьте себе: живет и живет себе человек на одном месте, под крышей родительского дома живет, он ежедневно ходит по знакомым ему с самого раннего детства улицам и переулкам, встречается давным-давно известных ему соседей. Как говорится, ты знаешь всех, тебя знают все. Даже ночные звезды в небе и те кажутся тебе неотъемлемой принадлежностью твоего родного городка. И вдруг, распрощавшись со всем этим вкупе с самой светлой порою жизни своей, ты оставляешь в безвозвратном прошлом и отчий дом, и милый край, чтобы ехать в дальние дали строить для себя новую жизнь. При этом пассажиры из восьмого вагона уже по собственному опыту знают, что в месте, где таки закончится теперешняя их дорога, не ждут их ни длинные рубли, ни калачи, растущие на березах. Нет и нет! Вполне может стать так, что там, в неведомых им краях, жизнь новоприбывших будет еще труднее, чем на израненной и обезображенной войной земле, откуда они едут. Да ведь и не бывает так, чтобы хоть где-то пустовали теплые и уютные дома или не были заняты все места за богато накрытым столом...

По шесть-семь человек было в еврейских семьях до войны — хорошо, если в ее огне удалось выжить кому-то одному из таких семей. По две-три тысячи семейств проживало в типичных еврейских местечках-штетлах — теперь, после войны, в них добро, если наберется пять-

десять-сто.

Реки стремятся к морю... Чем гуще корни дерева, тем крепче древесный ствол... Чем больше людей поселяются в одном месте, тем легче жизнь... Что касается Еврейской автономной области, то о ней заботится вся страна... Вот обо всем этом на разные лады и толкуют меж собой переселенцы из восьмого вагона. Ну а кто из нас не мечтает или, по крайней мере, просто не думает о будущем? И кто из нас — пусть в глубине души — не надеется, что завтрашний день будет лучше вчерашних?

Нет, что там ни говори (повторю), а тот, кто отправляется в дальнюю дорогу не один, а с семьей или в компании друзей, знакомых и земляков, чувствует себя куда лучше путешествующего в одиночку. Кроме всего прочего, восьмому вагону повезло и с чрезвычайно общительным кондуктором, который не дает заскучать своим пассажирам и который, объездив чуть ли не полстраны, считает себя большим знатоком Биробиджана. Сам этот человек не раз в нем бывал и при желании может рассказать об этом городе во всех подробностях. Еще бы! Ведь не только сам он, но и дед его, и прадед — старожилы мест, куда направляются заинтересованные слушатели проводника.

Как только мы въехали на территорию Сибири, этот бывалый путешественник, вплотную подойдя к вагонному окну, начал комментировать:

— Видите вон ту гору? Это сопка. Ну а сейчас мы подъезжаем к краю леса. Но здесь это не лес, а, запомните, тай-га.

Сгустились в небе тучи — тут же следует разъяснение:

— Видать, скоро дождь польет. Ну а в вашем Биробиджане от такого дождя точно будет целый потоп...

Залетел как-то в вагон овод, проводник его тут же «представляет»: «Это паут. А еще у вас там будут слепни, комары и мошка...»

«Биробиджанские» слова «сопка», «тайга», «паут»,

«корчевать» стали в последние два десятка лет в языке идиш как бы своими, однако понятия, которые стоят за ними, где-нибудь в старом еврейском местечке, наверное, поставили бы в один ряд с такими, как «дракон», «крылатый змей» или «водяной» — словечками, знакомыми нам с детских лет, но от этого вовсе не обозначающими нечто вполне понятное. Так, почти экзотическое «сопка» воспринималось нами как слово, обозначающее высокую гору, по которой бродят тигры и леопарды; «тайга» рисовалась как дикие лесные заросли вроде джунглей; «паут» — как неистребимая напасть гигантских мух величиной никак не меньше медведей, а обычный дождь в Биробиджане представлялся не иначе как тот библейский ливень, не прекращавшийся сорок дней и сорок ночей. И хотя с момента учреждения Еврейской автономии прошел уже не один год, а Биробиджан стал для нас в некотором роде не чужим и в известном смысле даже близким, в сознании уманцев область, куда они едут сейчас, не кажется и, разумеется, никоим образом не может казаться им такой, какой она является в действительности.

Долго ли, коротко ли, но в один прекрасный день, подойдя к вагонному окну со стороны перрона, некоторые из пассажиров восьмого отчетливо услышали, как там, на перроне, несколько человек громко разговаривают между собой на идише. Так что недавние туманные представления едущих в Биробиджан стали несколько более четкими. Впору было почувствовать себя прямо-таки где-нибудь поблизости от дома и теперь уже никого и ни о чем не спрашивать: предельно ясно: поезд только что прибыл в Облучье — первую со стороны запада железнодорожную станцию в Еврейской автономной области.

...Тот, кому доводилось в раннем детстве покидать родительский дом, а по прошествии долгих лет вновь ступить на обочину пыльного проселка, ведущего в род-

ной городок, тому хорошо знакомо щемящее чувство, пробуждаемое в душе человека вербами над речкой, в которой ты купался в далекие годы, улочками, по которым ты бегал босоногим мальчишкой-сорванцом, тихими крылечками и затравевшими двориками перед знакомыми тебе домами. И пусть ты ныне житель большого города, где звенят трамваи и носятся троллейбусы, где высятся красивые многоэтажные дома, зеленеют скверы, лежат асфальтированные площади и улицы, но тебе навсегда остается милым и дорогим и край, и дом, где ты был рожден.

До меня доносятся то чьи-то восклицания, то короткие диалоги, то пространные тирады, живо передающие особый колорит и места, и времени:

— А сколько вокзалов имеет ваш Биробиджан?

— Вокзал пока один. Но зато, можете видеть сами, какой!

— И что, есть здесь и еще красивые здания?

— Почему нет? Биробиджан, поймите вы меня, уже таки город как город.

— А если человеку надо, кхм-кхм... отойти по нужде, — громко обращается к кому-то из местных один из «наших» уманских, пожилой человек, отыскивающий и внимательно прочитывающий здесь в зале все надписи на идише, — то откуда этот человек сможет узнать, где находится туалет, если он, человек то есть, попал сюда в первый раз?

— Ой, шо вы хотите? Да вам тут любой встречный и расскажет, и покажет все, что вам только надо. Здесь у нас все просто. Так же, как это еще в Тихонькой было.

— А скажите-ка мне, любезный, — не отстает от случайного собеседника приезжий, — много ли евреев проживает в вашем Биробиджане?

— Да как вам сказать? Поначалу мы не больно-то верили, что нас тут будет много. Но сейчас, можете поверить мне, совсем по-другому стало. Я сам это вижу. Ведь

не один год здесь живу, а вот уже таки шестнадцать лет. А разве нет у нас таких людей, что и по девятнадцать прожили? Или вы себе думаете, что мы от хорошей жизни сюда с той Украины уехали, как вот и вы сейчас? Да только и тут тогда было, вэй из мир, как тяжело. Только мы все время надеялись, что будут сюда ехать люди, чтобы вместе с нами, значит, свою, Еврейскую автономную область, строить. Знаете же: где больше народу, там время быстрее идет, и жизнь заметно к лучшему меняется. И посмотрите сами: или я тут зря вам все это говорю? — ну, может и понемногу, ну так ведь опять же к нам начали люди ехать. А будет им здесь сразу лучше, чем там, где они до этого жили, про то я знать не могу. Возможно, лучше, возможно, нет. Главное, чтоб человек в первые же месяцы не пожалел, что жить здесь у нас захотел. В этом, я должен вам сказать, на сто процентов уверен. И почему в Биробиджане не жить? И почему в Биробиджане не жить хорошо? Только работай, не ленись...

Стоя с чемоданом в двух шагах от своего недавнего соседа по вагону, замечаю справа надпись на стене: «Багажная камера». По другую сторону ее широкого окна-проема стоит человек средних лет и, как и я, прислушивается к монологу биробиджанца. Подхожу к окну камеры:

— Можете принять у меня этот чемодан?

— Ну а почему нет? — слышу в ответ от приемщика багажа, который, — то есть приемщик, конечно, — кивнув на любопытствующего уманца, понизив голос, спрашивает уже меня:

— Переселенец?

— Переселенец.

— Как я уже понимаю, с Украины человек. Сам я тоже оттуда. Скоро уже десять лет мой биробиджанский «стаж» будет. Хотя я и приехал сюда в тридцать четвертом — как раз тогда, когда область наша автономной стала. А ей-то

уже тринадцать лет недавно исполнилось.

— Что-то тут не сходится, — говорю.

— Не сходится, да, — вздыхает приемщик. — Приехал я сюда, посмотрел-посмотрел на все да и опять подался на родину. Побыл там года три, подумал-подумал — и снова в эти места.

— И что же?

— До войны все было хорошо, а теперь... Да тоже вроде как ничего.

Ну и как тот любопытствующий еврей из Умани, я продолжаю задавать своему случайному собеседнику и другие разные вопросы, на которые он охотно дает ответы, то и дело вставляя в них русские слова.

— А как тут у вас климат?

— Климат? Обыкновенный климат. Только где вы можете найти такую осень, как у нас? Солнечно, тепло, сухо... Зима? В этом году никто не жаловался. Ну а лето... Да случается, и неделю дожди могут идти. А вы без них где-нибудь видели лето?..

— А что вы скажете насчет Дальнего Востока? Он ведь неспроста так называется. Ведь и правда, что отсюда до всего далеко.

— Что значит далеко? — вскидывает на меня удивленный взгляд приемщик. После моих слов о «биробиджанской отдаленности» он, верно, почувствовал себя точно так же, как чувствовал бы себя житомирский или бердичевский еврей, если бы ему кто-то сказал: «Все ничего, но уж больно далеко вы живете от Ташкента и Владивостока».

— Человек, который что-то строит, я вам скажу, совсем и не думает, где он находится. Для него все близко, все у него под рукой: топор, пила, доски и все прочее. Вы мне лучше скажите, будут сюда к нам ехать евреи? — И не ожидая ответа на свой вопрос, мой собеседник уверенно произнес: — Да, ехать будут. Эх, если б не эта война... А теперь-то как не ехать? Ехать надо, строить

надо, жизнь здесь устраивать ...

— Что значит «устраивать жизнь»?

— Что значит? Работа здесь есть? Есть и много. Жилье есть? Есть. Хозяйство свое держать можно? Дети здесь учатся? Да и жизнь-то у нас тут сама по себе интересная. Ведь здесь что создано? Ев-рей-ска-я область! А со временем здесь, как я слышал, будет уже республика, вот! А вы, как видно, первый раз в наших краях?

— Да нет, не первый уже. Одиннадцать лет назад я сюда приезжал.

— Ну-у, друг вы мой! Если это так, то придется вам с нашим Биробиджаном заново знакомиться. Вы ж его теперь просто не узнаете. Сейчас это таки настоящий город. Куда до него вашим местечкам! У нас сейчас, например, две гостиницы. Одна прямо здесь, на вокзале, на верхнем этаже, вторая — на улице Ленина.

— Это далеко отсюда?

— Да нет, что вы! На улице Ленина. Как раз напротив кинотеатра. Только через сквер перейти.

«Улица Ленина», «кинотеатр», «сквер»... Когда я был в Биробиджане прежде, здесь были улицы Октябрьская, Валдгеймская и несколько переулков без каких-то названий. Разумеется, за минувший десяток лет в городе могли появиться и новые улицы, но когда я узнал, что теперь здесь открыты два кинотеатра, построены каменные дома, и услышал слова «через сквер перейти», я не мог не удивиться: чтобы на месте вырубленной тайги сквер разбить — это таки прямо нечто из ряда вон...

— Не бойтесь, не заблудитесь, — услышал я слова вокзального носильщика, только что подкатившего свою тележку к окну багажной камеры. — Наш Биробиджан не такой уж и большой, чтобы в нем заблудиться. Мне сейчас как раз надо по делу домой заглянуть, так я заодно могу вас прямо до гостиницы проводить. А если там свободных комнат не будет — иногда и так случается — можете у меня заночевать. Я здесь тоже совсем рядом,

на улице Калинина, живу. Хайкл, ты тут пока побудь за меня, я человека до гостиницы провожу.

Хайкл, небольшого роста чернявый паренек, стоявший неподалеку, потупившись, одарил носильщика недовольным взглядом и выразительно шмыгнул носом. Всем своим видом на обращенную к нему просьбу парень отреагировал так: ладно, дескать, иди уж, хотя я этому дядьке мог бы и сам хоть весь город показать.

Скоро будет неделя, как я нахожусь в Биробиджане. За это время я исходил его вдоль и поперек, наверное, раз пять и теперь знаю его улицы и переулки, пожалуй, ничуть не хуже здешних старожилов, хотя иногда мне начинает казаться, что я и до сего дня вижу сквер, улицы, переулки и каменные дома в центре города впервые — как тогда, когда я несколько дней назад сошел здесь с поезда. Да, вот уже почти неделя, как я в Биробиджане, а как-то все не могу перестать дивиться на его строения, зелень улиц-аллей, вывески на зданиях, испытывая при этом несколько необычное ощущение: этот город просто не может оставить вас равнодушным, не может не понравиться вам едва ли не с первого взгляда. Он буквально чарует вас каким-то особенным уютом, по-домашнему теплой атмосферой общения здешних жителей и даже скромной величиной самого города, что тоже придает ему неповторимый — я бы сказал, чисто биробиджанский — колорит.

Я не перестаю любоваться светлыми стенами его новых домов, осеняемых зеленым кружевом кленов и тополей, залитыми щедрым солнцем сопками на горизонте, Бирой, широкой лентой уложенной вдоль города, и с наслаждением вдыхаю напоенный речной свежестью воздух, колеблемый легким ветерком.

Правду сказать, у меня было совсем иное представление о Биробиджане до того момента, когда я, уже сойдя с поезда, не познакомился на вокзале с Рахмиэлем Гуральником, взявшимся среди ночи проводить меня до

гостиницы. Заметив тогда, с какой осторожностью я ступаю по земле, мой провожатый, оглянувшись, подбодрил меня:

— Смелее, товарищ! Мы ж с вами уже не в Тихонькой, а в Биробиджане.

— Знаю, что не в Тихонькой, — отозвался я в ответ.

— Ну раз знаете, то, как у нас в армии говорят, тверже ногу, шире шаг!

«Шире шаг...» Только ведь по нынешним биробиджанским улицам мне и днем шагать не случалось, а тут ночь темная. Да и вообще... Сидя еще в вагоне, я, например, был уверен, что, прибыв на место, мы увидим слева от железнодорожных путей тот деревянный вокзальчик с двумя фонарями у входа — вокзальчик, каким я его и помнил всегда эти годы. А что оказалось на самом деле? И вот сейчас, покинув новый вокзал, я думал, что нам придется в густых сумерках отыскивать под ногами шаткие доски узкого настила, именуемого здесь тротуаром, — так и только так в почти сплошь заболоченной Тихонькой оно и было, — но и здесь все опять вышло иначе: неподалеку от вокзала — пусть и в темноте — лежал асфальт «взаправдашнего» тротуара. Слева от нас высились двух- и трехэтажные дома, а справа тянулась сплошная стена выстроившихся в ряд деревьев, наполняющих ночной воздух ароматом молодой листвы.

— Ну что? Теперь-то вы видите, что это таки не Тихонькая, а Биробиджан? — слышу впереди, в десятке шагов от себя голос Гуральника.

Признаться, я не очень хорошо знал историю Биробиджана, хотя все же нисколько не сомневался в том, что на месте памятной мне станции Тихонькой, в свое время неожиданно ставшей чуть ли не всемирно известной и, конечно же, достаточно знакомой своим названием в украинских и белорусских местечках, появится город-новостройка. И уж тем более я не мог иметь даже отдаленного представления о переменах на центральных

улицах Биробиджана. Да что говорить об этом, если я и теперь не сразу узнаю места, где побывал тогда, когда город этот таковым еще не стал? Так что теперь мне здесь было чему удивляться.

— Это еще ничего, — как бы в ответ моим мыслям прозвучал голос Рахмиэля. — А вот если вы пройдете по главной нашей улице — по улице Ленина, вы уже таки настоящий город Биробиджан увидите.

По тону, с которым это было сказано, невозможно было не почувствовать, с какой любовью человек относится к своему городу. Наверное, вот так же садовник любит какое-нибудь слабенькое деревце, которое он посадил, выходил и вырастил сам. Впрочем, Гуральника нетрудно понять: сколько кирпичей, мешков цемента, бревен и железных балок перенес он на собственных плечах, чтобы сделать Тихонькую Биробиджаном! И ему, в недавнем прошлом рабочему-строителю, доставляет немалое удовольствие наблюдать, как я реагирую на увиденное в его городе.

На перекрестке улицы Октябрьской и соседнего переулка в ночном сумраке нашим глазам предстает здание с широкими дверями и окнами. В слабом свете луны, на какие-то секунды вынырнувшей из-за темного облака, успеваю рассмотреть ряд крупных еврейских букв вдоль стены, сложившихся в слова «Биробиджанский кинотеатр». Сразу за кинотеатром можно различить хорошо накатанное шоссе — дорогу, ведущую к окраинам города и дальше — в села области — Ленинское, Венце-лево, Амурзет. Отсюда же, из городского центра, уходит вымощенная здесь булыжником улица Валдгеймская длиной никак не меньше километра. По одну сторону мостовой — заросший высокой травой пустырь, по другую — двух- и трехэтажные каменные дома, дальше — ряд низких бревенчатых домиков. На улице Валдгеймской располагаются музыкальная школа, радиостудия, медицинское и педагогическое училища, железнодорож-

ный техникум, несколько областных и районных учреждений. Неподалеку отсюда — мостик, переброшенный на остров — месторасположение великолепного городского парка. Все это я увидел и узнал позднее, уже при свете дня, а пока что я и мой провожатый находимся у кинотеатра на той самой Октябрьской, по другую сторону которой лежит темный массив городского сквера, разделяющего начала двух главных улиц Биробиджана — Ленина и Шолом-Алейхема. Сквер этот, пожалуй, не представляет собой ничего особенного: деревья, кусты, между ними — посыпанные песком узкие дорожки, садовые скамьи... Но все это, как сообщил мне Гуральник, появилось (и, конечно же, никак не само собой!) на месте «болотины», из которой застрявшую в липкой грязи пустую телегу четверка лошадей вытянуть не могла.

— И вот что сделали с того болота наши биробиджанские евреи в свободное от работы время! — с гордостью заключил Гуральник, когда мы, миновав сквер, вышли к гостинице.

Гостиница — двухэтажное каменное здание с большим балконом, опирающимся на две четырехгранные колонны. По соседству с гостиницей — еще несколько двухэтажных домов...

— Может, пройдем с вами немножечко дальше? — слышу вопрос Рахмиэля. — Здесь таки вам тоже будет на что посмотреть.

И вот мы уже в самом центре города — на улице Ленина. Я потом не раз ходил по этой ровной широкой улице, похожей на аллею, по бокам которой выстроились светлые дома. Здесь тоже заасфальтированные тротуары, а по ночам зажигаются на столбах электрические лампы. Несомненным украшением улицы Ленина служит здание библиотеки с четырехгранными колоннами по бокам парадного входа. Произведут на вас впечатление трехэтажное здание с расположенными в нем типографией и редакцией газеты «Биробиджанер штерн», ори-

гинальной архитектуры дом с широкими окнами (это облисполком) и поднявшаяся над просторным двором четырьмя этажами школа-десятилетка. Даже скромные деревянные двухэтажные дома, красиво отделанные светлыми тесовыми дощечками, создают на этой улице какой-то особый уют. И помню, чем дольше я ходил здесь, тем больше мне казалось, что нахожусь я вовсе даже не на Дальнем Востоке, а где-нибудь в Евпатории, Феодосии или Джанкое, и был почти уверенным, что вот эта самая улица ведет от центра города не иначе как к берегу моря.

Получив от меня заверение в том, что завтра-послезавтра я вместе с ним пойду знакомиться с местным стадионом и парком, Рахмиэль Гуральник снова отправился на вокзал, а я, шагнув на широкое крыльцо гостиницы, постучался в ее застекленную дверь.

Дежурная, стройная смуглая девушка с ярко-красным бантом в пышной прическе, проводила меня на второй этаж и открыла дверь свободного номера — обычной гостиничной комнаты с окрашенными в светло-голубое стенами и потолком. Завешенное длинной цветастой гардиной окно, крашеный пол, застеленный большим ковром, на столе — лампа под матерчатым абажуром и телефонный аппарат. В одном углу комнаты — вместительный платяной шкаф-гардероб, в другом — большое зеркало. Вдоль одной из стен — мягкий диван. Полное впечатление, что вы находитесь в номере какого-нибудь столичного отеля... Между тем наступает рассвет, и слышно, как в соседствующих с гостиницей дворах громко, наперебой распевают петухи.

Широко распахнув окно, долго любуюсь хорошо видимым отсюда голубым зеркалом Биры, оживающей улицей Шолом-Алейхема, чуть притуманенным конусом знаменитой биробиджанской сопки Тихонькой. Она в точности такая же, как и десяток лет назад — дымчато-зеленая у самого подножия, с вершиной, словно выго-

ревшей от солнечных лучей, которые первыми обливают ее своим светом по утрам и последними — на закате. Биробиджанская сопка выделяется на фоне окружающей равнины не только своими высотой, массивностью и своеобразной красотой, но своей «одинокостью» и видимой отъединенностью от города. Впрочем, этот последний из названных ее признаков теперь уже в прошлом: на правом берегу Биры, вблизи сопки Тихонькой, тоже построены и строятся дома. Так что теперь и там город Биробиджан...

Да, уже почти неделя минула с той моей бессонной ночи, но я так и не привык к совершенно новому для меня облику Биробиджана, и с каждым днем он становится в моем представлении красивее, больше и уютнее. Особенно в погожие и такие долгие в это время года дни. Какое голубое небо над городом, и как ярко горит над ним июньское солнце!

Биробиджан просыпается с первыми петухами. Ведь до ухода на работу людям надо принести воды из колодца, подоить коров и коз, а потом отправить их в стадо на пастбище, полить грядки в огородиках подле домов, а уже потом отправляться на работу. По времени на часах и по скорости ходьбы идущих по улицам можно с весомой долей вероятности определить, кто из них где трудится. Те, кто занят на обозном заводе, на фанерной фабрике, на ремонтно-механическом заводе, что под сопкой, на машинно-тракторной станции или на кирпичном заводе, покидают дом рано: потому как до любого из названных предприятий от городского центра («из города», как с некоторых пор повелось здесь говорить) никак не меньше двух, а то и двух с лишним километров. До места работы можно доехать и автобусом, но в такое ясное, прямо-таки благодатное утро хочется пройтись пешком... Те, кто работает на швейной фабрике, на трикотажном комбинате, в небольших артелях и в разных учреждениях, выходят на работу много позже тех,

кого я перечислил вначале, да и не очень спешат: каких-нибудь десять-пятнадцать минут ходьбы — и ты на месте.

Позже всех на городских улицах появляются школьники и студенты.

Однако раньше всех требуется начинать свой рабочий день дворникам и чистильщикам обуви. Да, с самого раннего утра здесь на каждом перекрестке можно увидеть двух-трех представителей этих «уличных профессий». Завидев среди пешеходов человека в грязных сапогах или в нечищенных ботинках, человек со щетками от такого точно не отстанет. Как я заметил, особым даром зазывалы-чистильщика обладает рослый и полнотелый бородач, которого природа одарила прямо-таки громовым голосом, слышным чуть ли не через два квартала:

— Евреи, не пачкайте мне тротуары!

Остальные коллеги обладателя внушительного баса дружно подхватывают призывный клич товарища:

— Женщины, почистите ваши туфельки так, чтобы они блестели, как ваши глазки!

Днем биробиджанские улицы, можно сказать, пустыньны — народ на работе. Но перед вечером, когда очередной трудовой день уже закончен, в городе опять становится шумно и оживленно. На улицах, в сквере, в парке, на танцплощадках — всюду видишь отдыхающих, преимущественно людей молодых, которых в Биробиджане, кажется, прямо-таки в переизбытке. Остальные горожане — те, что постарше — обживают сквер. Сидя за столиками, они едят мороженое, пьют кто лимонад, кто минеральную воду, щелкают семечки и орешки и ведут неспешные беседы. Примерно в это же время включаются установленные здесь на всех перекрестках громкоговорители, из которых льется бодряя музыка, перемежаемая звучанием еврейской речи.

Одевается народ в Биробиджане, как говорится, без особых притязаний на моду, хотя и не без вкуса. Так,

чтобы и красиво, и просто. Только, пожалуй, как и везде в стране, здешние мужчины, в недавнем прошлом фронтовики, донашивают гимнастерки и галифе. Впрочем, бывших военных легко узнаешь по походке и по выправке и в гражданской, то бишь в гражданской, одежде. Не говорю уже о другой «примете» — орденах и медалях то ли на кителях уже без погон, то ли на пиджаках их владельцев.

И если в старинной местечковой манере задать недавнему сержанту или капитану вопрос: «Откуда будет уважаемый еврей?», тот ответит в той же манере: «Еврей из Берлина» или «Откуда я? Из Харбина».

Уже знакомый моему читателю Рахмиэль Гуральник, появившийся как-то в гостинице с солидным «багажным» грузом одного из пассажиров, прибывших в Биробиджан, на мой вопрос: «Где вам пришлось воевать?» отвечал так:

— А вы думаете, что я могу помнить, как называются все те немецкие города?.. Мы ведь их столько за войну перевидели — не сосчитать. Одно должен вам сказать: много там у них в Германии больших и красивых городов этих. Больших, красивых и... чужих. А у меня самого один свой город — Биробиджан. Вы уже все успели у нас посмотреть?..

И, не дожидаясь моего ответа, Гуральник тут же буквально потащил меня к себе в гости — в дом, стоящий одновременно недалеко от центра города и на краю этого же самого города. Да, в Биробиджане, представьте себе, такое возможно.

Тот день был солнечным и даже совсем по-летнему жарким. Здесь, от самого края не улицы, а, верней сказать, переулка, начинается сырая низина, местами залитая стоялой водой. Здесь эта вода хлюпает под прогибающимися досками «тротуара», проложенного вдоль низких изгородей, отделяющих дворы и огородики возле небольших домиков — точнее, типичных деревенских изб.

— Вот здесь это еще Тихонькая, — со вздохом констатирует Рахмиэль, отворяя скрипнувшую калитку. — Но будьте уверены, что придет время, когда и здесь будет Биробиджан.

Да, так вот вышло-получилось, что Биробиджан — это здесь не только и не столько название города. Биробиджан одновременно превратился в своего рода многозначное понятие, включающее в себя констатацию: «Это здесь нами сделано, построено, учреждено, а это нам предстоит сделать, построить и учредить». «Биробиджан» значит хорошие дороги, асфальт тротуаров, каменные дома, водопровод и канализация, скверы и зелень аллей — вообще все, что делает жизнь людей приятной и красивой.

Ну а в том, что жизнь здесь и стала, и становится приятнее, легче и красивее, вы убедитесь сразу же, как только ступите на землю совсем еще юного города и послушаете рассказы совсем не старых его старожилов.

У пожарного депо, Биробиджан.
Фотограф В. Гиринович. 1937 г.
(Из собрания РЭМ)

БИРОБИДЖАНСКИЙ БОГАЧ

Перевод с идиша Валерия Фоменко

Переселенцы, прибывающие в Биробиджан, — люди из разных городов, из разных областей и даже из разных республик, будучи пассажирами одного поезда, представляя собой — иначе не скажешь — одну большую семью. Боль одного — это общая боль, чья-то радость — радость для всех. Случись у человека неприятность, ему и посочувствуют, и утешат, и дельный совет подадут. Да тут никому и в голову не придет, что может быть как-то иначе.

Но вот только-только прибывшие в пункт назначения сошли с поезда, как их немалочисленное семейство, смотришь, уже распалось на «семьи» не столь солидные: кузнецы в одной такой «мишпохе», сапожники — в другой, столяры объединились со столярами. Короче говоря, люди одной профессии или специальности как бы стихийно образуют особые группы и группки. Как это в русском присловье? «Рыбак рыбака видит издалека»...

Впервые переночевав в своем новом — конечно же, временном — доме, люди прямо с утра разными дорогами отправляются на городские предприятия. Мало ли что приходилось им слышать о Биробиджане еще там, в старом их доме, и уже в поезде, в дальней дороге. Не лучше ли всего посмотреть на все собственными глазами, а после уже решать, где кому устраиваться работать? И речь при этом ведется не столько о величине вероятных заработков, сколько о простом человеческом интересе. Найти место с достойной оплатой человеку работающему здесь, в Биробиджане, не так уж сложно — в этом

отношении у переселенцев каких-то сомнений вообще не возникает.

Удачнее всего заканчиваются «походы» по городу в «семье» металлистов — мастеров кузнечного дела, слесарей, токарей, жестянщиков: они тут в городе всюду, что называется, гости желанные. Ждут их здесь на механическом заводе, на железной дороге, на обозном заводе, в ремонтно-механических мастерских, на фабриках и отчасти — в небольших артелях. Разумеется, за один день все эти предприятия никак не обойти: ведь от одного до другого расстояния таки приличные.

Меньше нужды много ходить по городу у рабочих строительных специальностей и уж совсем мало такой необходимости — у сапожников: для них в Биробиджане, так сказать, уготовано всего два возможных пункта трудоустройства — обувная фабрика и артель «Новый путь».

Сегодня как раз в эту артель и заглянули двое сапожников из Умани. Случилось так, что время их визита к обувщикам-артельщикам пришлось как раз на полуденный перерыв, и низкие рабочие столики мастеровых — из тех, кто не пошел «столоваться» домой, а прихватил с собой то ли узелок, то ли сверток — на время превратились в рабочем помещении в обеденные. Эти несколько человек с ложками и кружками посетителей и встретили. Кто они такие, откуда и зачем в мастерской появились, нашим уманцам объяснять не понадобилось: биробиджанские старожилы, что называется, с полувзгляда узнают вчерашнего переселенца.

— Верно, с Украины? — вопросом отвечал на приветствие нечаянных гостей один из биробиджанских.

— Да, из Умани, — прозвучало в ответ.

— Почти что земляки. Я тоже с Украины. Из Черкасс. Сидайтэ, будь ласка, ось тут, — приветливо улыбнувшись и не переставая жевать, кивнул пришедшим на соседние столики их «почти земляк».

И по тому, как, присев на низенькие скамеечки, один из пришедших любовно оглядел лежащие на столике инструменты и легко пробежался по ним пальцами, а товарищ его, ловко крутнув в одной руке молоток, другой поиграл отщелкавшими лихую чечетку тисками, трудно было не заметить, как оба уманца соскучились по привычному занятию. Видно, неспроста этот второй — Мордко Литвак — помнится, всю дорогу твердил, что он еще покажет тому Биробиджану, как умеют работать настоящие профессионалы. И вот сейчас через какие-то секунды, кажется, даже сам того не осознав, он уже держит между коленями железную «лапу» с надетым на нее сапогом, а в руке — вскинутый молоток. Губы его при этом сжимают ровный рядок деревянных колков-гвоздочков: а ну, не желаете ли, мол, дорогие биробиджанцы, подивиться, кто такой и каков он в своем деле, ваш сегодняшний гость?..

Не проходит и десятка минут, как все присутствующие меж собой уже на дружеской ноге и обращаются друг к другу по именам. Ну и понятно, что больше всего здесь говорят биробиджанцы, а уманцы всего лишь вопросы им задают. Первый из вопросов — «Ну как тут у вас жизнь?»

— Да уж как-то так, — с лицом и интонацией только проснувшегося человека не сразу дал ответ на расхожий вопрос Шлойме Бунимович — тот самый, из Черкасс.

— Что значит это «уж как-то так»? — озадачились уманцы.

— Короче говоря, давайте пока не будем об этом, — «уточнил» смысл своих слов Бунимович и снова принялся сосредоточенно хлебать варево из чугунка, обернутого куском грубой ткани.

— Шлойме, не тяни меня за язык, — отозвался на реплику Бунимовича сапожник, сидевший поодаль у самой стены. — Если уж ты сказал свое «как-то так», то уж и говори, как оно так. Тебя же люди всерьез спроси-

ли — и, помолчав, добавил: — Ладно, может, за тебя про все рассказывать буду уже я?

Уманцы недоуменно переглянулись: дескать, о чем о таком им рассказать этот человек хочет? Ну так и добро — давай его и послушаем.

— Ну так что, Шлойме, уговорились?

— Шо ты с меня хочешь, Юда? — отозвался Бунимович. — Или ты себе думаешь, что раз у тебя все гладко да ладно, то оно и у всех так? — и, кивнув в сторону товарища, Шлойме объяснил переселенцам: — Юде Беленькому про здешнюю жизнь хорошо говорить — он у нас богатей. Каждый месяц кучу денег получает. А кроме того...

— Ха, вы думаете, Шлойме шутит? — вступил в разговор еще один мастеровой. — Юда у нас — тьфу-тьфу, не сглазить бы — и правда не из бедняков. Как-никак первый стахановец он у нас в артели.

— Да, я, как вы тут меня назвали, таки да — человек богатый. Но вот почему бы и тебе, Шлойме, таким же богачом не стать? Или, может, тебе кто-то всегда сильно мешал?

Биробиджанский «богач» Юда Беленький, занимающий место за длинным сапожническим столиком, — рослый осанистый мужчина с чисто выбритым светлым лицом и высоким лбом. Одет лучший специалист артели по-рабочему: на нем простые полотняные брюки и ситцевая рубашка. Но только брюки его выглядят так, как будто они только что из-под утюга, а рубашка, что называется, снега белей. Ни дать ни взять жених на свидание собрался, хотя, судя по всему, человеку далеко за сорок, если не все пятьдесят.

— Как я погляжу, — обращаясь уже к уманцам, заговорил Беленький, — вы не из тех людей, которые трудностей боятся. Я про таких говорю не «ундзэрэ мэнчн», как у нас, евреев, принято, а «майнэ мэнчн» — «мои люди», иначе сказать — биробиджанцы. И по моему твердому

убеждению, биробиджанец — это человек, который приехал сюда, как я опять же говорю, «весь и со всем, что у него есть». По-другому сказать, приехал, чтобы здесь, у нас новую жизнь для себя начать, дом для себя и своих детей и внуков построить и больше никаких там умыслов да замыслов даже в уме не держать. Всех других — прочих я за биробиджанцев просто не принимаю. Ну и, пожалуй, возьмем тут для примера такого еврея, как — вот он — наш Шлойме Бунимович. Сколько, вы думаете, он здесь живет? Лет восемь однако уж, а вот до прошлого года я его считал за своего еврея и не считал. (При этих словах Бунимович пробурчал себе под нос что-то неразборчивое.) А кто в этом виноват? Сам же он. С первого дня здесь на чемоданах человек сидел. То сюда уехать хотел, то туда перебраться. Короче говоря, не жилось ему никак на одном месте. Только в один прекрасный день, наконец, дошло до него пусть хоть уж каким-никаким хозяйством обзавестись. Смотрю, избу себе построил, садик рядом посадил... Да и в артели — это вам все скажут — у него с работой дела пошли веселей. Что? Или я что-то не то и не так сказал, Шлойме?

— Да все так. Зачем тут мне надо спорить? — согласился Бунимович со вздохом самоосуждения. — Быть бы мне сразу-то поумней...

— Да, у того, кто приезжает к нам сюда как к себе домой, у того тут и жизнь налаживается, — продолжал Беленький. — И разве не благодаря таким людям наш Биробиджан городом стал? Так что теперь здесь жить можно и, если можешь, то и хорошо можно жить. Только ведь не сразу и не само собой все оно получается. Я сам тому свидетель живой. Видели бы вы, какие тут поначалу условия были... Тяжко нам приходилось, что уж там скрывать. Вот, говорят, человек в муках рождается, а разве и город не так же? Только я так скажу: у любого доброго дела легкого начала наверняка не бывает, но если человек за такое дело взялся да от него не отсту-

пился, все как надо получается. О заработках то же самое можно сказать. Вот меня тут сейчас богачом называют. Вроде как и не совсем всерьез, только ведь и неспроста. Дом я себе построил? Построил. Хороший дом, красивый. Корова у нас в хозяйстве, пару свиней каждый год откармливаем, ну а о работе моей здесь вам уже сказали... Да, теперь у меня здесь и сад есть свой, и огород приличный. Сами с этого всего неплохо питаемся, еще и на продажу кое-что остается. Ну так богач я или нет? Только учтите, что в Биробиджане таких богачей, как я, не так уж и мало. Могу для примера назвать хотя бы Мойшу Городецкого, дамского портного со швейной фабрики, и еще добрый десяток биробиджанцев, таких, которые куда как богаче меня. Короче, если хотите сегодня вечером заглянуть ко мне в гости — милости просим. В доме у меня есть, пожалуй что, все, что в хороших домах иметь принято. Только вот чемоданов у меня вы при всем своем желании точно не найдете, — со смехом заключил свой монолог «богач» Юда Беленький.

За разговорами уманские сапожники уже и забыли, зачем они пришли в «Новый путь». Хотя, кажись, сколько вопросов они поначалу хотели задать биробиджанским! Случилось же так, что здешний «богач» Юда Беленький легко и просто ответил на все так и не прозвучавшие вопросы уманцев, и теперь обоим им оставалось только решить, где они будут работать. А начать и продолжать трудиться здесь уж, наверное, стоит только так, как это вышло-получилось у самого этого Юды Беленького, у того Мойши Городецкого и у всех других биробиджанцев с солидным дальневосточным стажем. Ведь не вдруг и не сразу брошенное в борозду зерно тяжелым колосом становится, а камень, как сказал давеча на вокзале кто-то из здешних казаков, только на одном месте мхом обрастает.

Тут в дверях мастерской появился председатель арте-

ли и торжественно объявил:

— Внимание, товарищи! Он сегодня опять к нам придет.

— Слушайте, а чего это вы все молчите? Объясните новым товарищам, о ком я говорю. «Он» — это Хазанов, артист нашего Биробиджанского еврейского государственного театра имени Кагановича. Если вы нашего Хазанова увидите, вы обязательно скажете, что перед вами стоит живой Тевье-молочник — именно такой человек, каким точь-в-точь и представляют себе наши биробиджанцы шолом-алейхемовского героя после того, как Хазанов выступил на сцене в роли Тевье.

И далее уманцам была рассказана следующая история. С месяц назад сапожники «Нового пути» всем коллективом побывали в театре, где шел спектакль с участием Хазанова в его коронной роли, и были прямо-таки восхищены игрой талантливого актера. На следующий день артельщики отправили своего человека в дом Хазанова, чтобы узнать размеры обуви членов его семейства. Самого его дома в то время не оказалось.

— Вы же хорошо знаете Тевье-молочника? — обратился посланец артели к жене актера. — Вчера ваш супруг заказал мне пошить обувь для всей вашей семьи. Так вот я сейчас пришел снять с вас мерки.

Спустя несколько дней к Хазановым, рассчитав, когда главы семейства снова не было дома, к ним опять явился (уже другой) сапожник из артели и вручил жене актера красивую коробку с несколькими парами туфель. На крышке коробки было написано: «Подарок нашему дорогому Тевье-молочнику от почитателей его таланта».

В тот же день в артель «Новый путь» пришел сам Хазанов и прямо с порога спросил:

— Это вы мне прислали подарок?

Не услышав от присутствующих ни слова в ответ, после некоторого молчания пришедший сказал:

— Ну хорошо. Как это там в одном из наших мидра-

шей написано? «За добро плати добром, за зло — справедливостью». Так, кажется?

— Так. Да разве ж Тевье ошибается?

— Так вот почитатели — пусть они все мне будут только здоровыми — должны знать и быть уверенными, что советские артисты высоко ценят подарки от народа. И лично я буду теперь считать себя должником ваших прекрасных мастеров.

— Приятно вас слышать. А мы, со своей стороны, готовы дать вам возможность с вашим долгом таки рассчитаться, — отозвался со своего места Юда Беленький.

— Каким же образом, уважаемый?

— А вы найдите время прийти к нам сюда, чтобы почитать нам что-нибудь из рассказов Шолом-Алейхема.

И, не ожидая от Хазанова ответа на предложение Юды, сапожники стали наперебой называть заглавия шолом-алейхемовских историй.

— О, да я вижу, народ здесь у вас собрался знающий, — откликнулся «Тевье». — Предложение принимается!

Тут же было решено: раз в неделю Хазанов будет приходить в артель и читать сапожникам произведения Шолом-Алейхема. Правда, с одним условием: поскольку вечерами артист занят в своем театре, в «Новом пути» он будет выступать в дневное время. Одна загвоздка: днем в артели люди тоже без дела не сидят. Уговорились так: в день, когда к мастеровым будет приходить чтец, артель будет заканчивать работу на час позже обычного.

В первый же день выступления Тевье-Хазанова перед сапожниками в мастерской «Нового пути» собрались все их семьи: в помещении, что называется, яблоку негде было упасть. Везде, где можно было сидеть, люди сидели, везде, где можно было стоять, люди стояли. Но настроение у всех присутствующих было прямо-таки праздничное. Радовал глаз и большой портрет Шолом-Алейхема, вывешенный на стене, на самом видном месте.

На этот раз Хазанов читал шолом-алейхемовский рас-

сказ «Если бы я был Ротшильдом». Уже первые слова чтеца с импровизированной сцены были встречены громким смехом слушателей. Люди смеялись от души, хохотали до слез на глазах. И только тогда когда артист, выдержав паузу, с непередаваемой интонацией произнес: «И где же мне взять трешницу, чтобы достойно встретить субботу?», в «зале» воцарилась тишина. Наверняка каждый невольно погрузился в воспоминания о собственном тяжелом прошлом, о постоянной нужде, с которой в полунищих местечках довелось быть близко знакомым каждому из присутствующих.

— Это точно из нашего старого Василькова история взята, — нарушил тишину взволнованный голос одного из сапожников.

— Э, а разве ж в наших Прилуках таких мечтателей о ротшильдовских капиталах мало было?

— А у нас в Каменец-Подольском тоже, помню...

— А вот в Биробиджане сейчас таких горе-ротшильдов теперь нет, — прервал незаконченную реплику биробиджанский «богач» Юда Беленький. И обращаясь уже к переселенцам из Умани, уверенно заключил:

— Мечты мечтами, слова словами... И если вы слышали то, что я вам тут говорил, да еще и хорошо слышали, нет ничего на земле главнее дел наших. И тот, кто понимает это умом и сердцем, тот и есть наш человек — человек из Биробиджана. Верно я говорю, хаверим?

Первомайская демонстрация на площади
у нового вокзала. Виробиджан.
Фотограф Я. Смертенко. 1936 г.
(Из собрания РЭМ)

ТАМ, ГДЕ В СОПКАХ ПОСТРОЕН ЗАВОД

Перевод с идиша Валерия Фоменко

Деревянный домишко с вылинявшей вывеской на дверях, исполненной еврейскими литерами, свидетельствует, что находимся мы на железнодорожной станции Известковый Завод.

Да, это именно железнодорожная станция, и даже один из поездов — тот, что идет в Благовещенск, — делает здесь остановку. Правда, стоит этот поезд тут не больше минуты. Впрочем, этого вполне достаточно, чтобы сойти с поезда двум-трем пассажирам, если таковые, случается, бывают вообще. Главная же станция, которая названный завод, так сказать, непосредственно обслуживает, до сих пор называется по-старому Лондоко и находится отсюда километрах в шести. Там, в Лондоко, останавливаются как будто почти все поезда, и вокзал там хоть и небольшой, но вполне приличный. Кроме того, оттуда непосредственно к известковому заводу ведет хорошо наезженная дорога. Говорят, со временем будет расширена и по-современному обустроена и сама станция Лондоко.

Если вы поставили перед собой цель познакомиться с известковым заводом, здесь, на станции, вам не надо тратить время на расспросы о его местонахождении и о том, как до него добраться: надежным ориентиром послужит для вас в этом случае облачко светлого дыма над поросшей низким кустарником сопкой. Там, откуда это облачко «всходит», располагаются и завод, и заводской поселок.

Сразу будет трудно сказать, на что больше похоже селение при Лондоковском известковом заводе — на небольшой городок или на деревню. Улиц в общепринятом понимании этого слова в селении этом попросту нет. Переулков, впрочем, тоже. Подворья здесь располагаются относительно друг друга произвольно, как, скажем, деревья в лесу, что придает поселку, если хотите, особую красоту. Добавлю к этому еще одну деталь: примерно половина при заводского населенного пункта располагается в низине и отгорожена от другой его половины известняковой сопкой, одним своим краем уходящей куда-то далеко-далеко к голубеющим горам Хингана. Дома и огородики другой части поселка рассыпаны по относительно отлогому склону ближней сопки, а середина селения прочерчена каменистой речушкой с экзотическим названием Амсаяр.

Точно так же, как и во всех населенных пунктах области, — за исключением городов Биробиджана и Облучья, районных центров Ленинского, Сталинска и Смидовича — дома в «известняковом» поселке сплошь деревянные. Однако уже при входе в любой из них вы как-то забываете, что дом построен из дерева. Толстые бревенчатые стены изнутри обшиты досками, высокие чисто выбеленные потолки... В знойные летние дни в таких помещениях вы не почувствуете жары, зимами в них тепло. Неизменная принадлежность каждого дома — крыльцо в три-четыре ступеньки, сарайчик в каждом дворе, редко возле какого дома нет небольшого огорода. Ну и, судя по числу дворов при Лондоковском известковом заводе, предприятие это уже довольно большое, а в ближайшем будущем обещает стать в Облученском районе одним из самых крупных. Правда, ни завод, ни поселок при нем в ширину разрастаться не смогут: уж больно плотно они зажаты меж двух сопкок. Но увеличиться в длину (по крайней мере, у населенного пункта) шансы есть: тайга ведь границ не имеет, а если какие-то

и есть, то их всегда можно отодвинуть.

Тем, кому приходилось в последние годы бывать в биробиджанской тайге, наверняка поняли, что она уже не такая, какой ее описывали в первые годы переселения евреев в Приамурье. Теперь даже где-нибудь в самой глуши леса нет-нет, да и обнаруживаешь следы пребывания человека. Это и довольно четко обозначенные тропки, и зарубки (а то и следы от зубьев пилы) на древесных стволах... Короче говоря, люди уже по-хозяйски обживают здешние края.

...Погожим июньским утром, стоя на опушке леса за околицей заводского поселка, я был поражен раскатами грома. Нет, тяжкие удары, неожиданно нарушившие тишину в округе, скорее всего, могли быть чередой отрывистых пушечных залпов. Проходит несколько секунд, и воздух снова вздрагивает от обвального грохота. Раз-другой-третий... Это где-то уже совсем близко... Как оказалось, все буднично и просто: у сопки, от подножия и до вершины сложенной из камня, нужно в буквальном смысле слова вырывать сырье для переработки в полноценный строительный материал — известь. Взрыв — и разлетаются вверх и во все стороны от мутной огненной вспышки деревья с оборванными корнями, клочья травы, увесистые каменные глыбы, столбы земли и пыли, смешанной с густым сизым дымом.

У подножия сопки, там, где поднимаются краснокирпичные заводские корпуса, на высоком шесте лениво пошевеливается под ветерком флаг неопределенного цвета — своего рода сигнал для населения: близко подходить к подножию сопки сейчас в этом месте небезопасно. Если флага на мачте нет, на примыкающем к сопке участке можно свободно ходить где кто хочет. А вот о свободе передвижения горняков, действующих на месте добычи известняка, говорить и в это время никак не приходится: преодолевая подъем, рабочие то буквально продираются через завалы вырванных с корнями дере-

вьев, то карабкаются по нагромождениям каменных глыб... После только что прогремевших взрывов склон горы выглядит здесь не иначе, как после катастрофического землетрясения. Но люди, вижу, уже продолжают начатое взрывниками, дробя тяжелыми молотами куски вывернутой скальной породы. Сколько же сил, труда, времени еще уйдет на то, чтобы дикий этот камень превратился в незаменимый строительный материал и стал верно служить по своему назначению созидателям новых улиц, проспектов и целых городов!

А вот по крутому склону сопки, держась за веревку, одним концом закрепленную где-то наверху, спускается рослый средних лет мужчина. Он ловко, прямо-таки картинно перешагивает-перелетает через каменные гребни и провалы и на ходу, еще издали, отдает команды-распоряжения тем, кто внизу. По всему, этот человек — старший над всеми здесь присутствующими: и, таки да, как мне стало известно спустя минуту, их бригадир. Его, бригадира, отличает неторопливая манера речи, уверенность движений и интонаций в голосе. Оценив результаты подрывов, он коротко и четко определяет роль каждого из подчиненных, указывает места и глубину следующей очереди бурения, называет потребное число килограммов взрывчатки.

— Это вы только что взрывали гору? — подойдя ближе, начинаю разговор с бригадиром.

— Так точно, я, — слышу в ответ.

— А не боитесь? Ведь тут вокруг вся земля под ногами дрожала, а сопка...

— Так вот сопка эта пусть меня и боится, — окинув меня полуудивленным взглядом, с улыбкой отвечал бригадир. — А то, что вы наблюдали во время подрывов, то это, я так скажу, видимость одна. Главное, чтобы взрывчатка внутри камня, как надо, «поработала». Вот что нам прежде-то всего рассчитать надо. А «фейерверки» эти поверху — дело десятое: мы и ими, и всем остальным

сами «командуем». Чего тут можно бояться?

— Он же артиллерист, бригадир-то наш, — отозвался «вагонетчик», краснощекий русский парень, неподалеку от нас грузивший свою «тележку» пестрыми камнями. — Ему вон по самой Германии палить было не страшно, а тут какая-то сопка. Правда, Гершман?

Лицо бригадира снова тронула легкая улыбка: судя по всему, человеку доставляет удовольствие, когда ему вот так, походя, кто-нибудь напомним о его недавнем «артиллерийском» прошлом. Но о событиях фронтовых своих лет Гершман говорит скупой и неторопливой. В том же спокойном тоне, что и о своей нынешней «войне» с твердокаменной сопкой — так, как если бы он кому-то объяснял, например, порядок остекления оконных рам или рассказывал о посадке картошки на огороде.

— Вы что же, каждый день вот так здесь взрываете? — продолжаю беседу с бригадиром.

— Да, каждый день, да и не один раз, а два или даже три. Ведь печи, в которых известку выжигают, неделями горят. Так что камнем их надо обеспечивать непрерывно. Вон видите, вагонетки уже загружают. Эй, поживей, ребята! — окликнул рабочих Гершман, беря в руки тяжеловесную кувалдочку на длинной рукояти. Удар, еще удар молотом по каменной глыбе, и она прямо на глазах превращается в грудку относительно мелких бесформенных, вполне «подъемных» кусков — таких, какими и загружаются печи для их «переделки» в негашеную известь.

— Наверное, человеку надо иметь немало силы, чтобы вот так, с одного-двух ударов развалить такую глыбину. Так?

Гершман, не ответив на мой вопрос, показал мне глазами на толстенную метровой длины каменную плиту: а ну, полюбуйтесь, мол, вот на такое, и тут же, широко размахнувшись, с силой ударил по ней молотом. Из-под молота сыпанул целый рой искр, от удара железом на

камне появилось едва заметное светлое пятнышко. Плита же осталась лежать так, как она и лежала.

— А теперь смотрите дальше, — перехватив молот, произнес Гершман. — Так, как я только что бил по этой каменюке, можно колотить по ней хоть до завтрашнего утра — все будет без толку. Чтобы вот так, вручную, мельчить известняк этот, быть каким-то там силачом и не надо — тут практика нужна, сноровка. Вот смотрите сюда.

С этими словами Гершман без видимого усилия ударил кувалдой по той же самой упрямой плите уже в другом месте, и она как по волшебству покрылась широкими трещинами, превратившись в добрый десяток мелких кусков.

— Эти камни, как те листья на дереве: все в прожилках, — опять заговорил Гершман. — И вот вы же видели? Ударил я туда, где совсем не видная жилка-трещинка притаилась, и все. И никакой такой силы и особой мудрости тут тебе не требуется. Так что работа наша разве что свежему человеку с виду тяжелой кажется. Да и здоровьем она ничуть не вредит, а даже напротив того. На наших мужиков вон хоть посмотрите.

— Вы уже давно на этом заводе?

— Двенадцать лет назад я тут поселился. Только когда мы сюда заехали, тут и завода еще никакого не было. Наши евреи тогда выжигали известь в маленьких печках прямо в горе, под открытым небом. И печки те были чуть больше тех, что в пекарнях кладутся. Ну а сейчас-то, сами видите, целый механизированный завод у нас. Дальше и еще будем расширяться... А известняка в сопке, на которой мы сейчас с вами стоим, как говорят инженеры, еще лет на сто хватит. И вон та сопочка, что дальше за ней, тоже из известняка. Нам сюда только людей подавай — на всех работы, да еще и с избытком, хватит...

Тем часом под неумолчный перестук молотков горки измельченного камня продолжают расти, а рабочим-«от-

катчикам», загружающим свои вагонетки, стоять без дела не приходится. Одна за другой их тележки, похожие на большие металлические корыта, уходят по рельсам в заводские цеха, где идет обжиг известняка.

Через широкий проход одного из цехов попадаю в помещение завода и я. Перед первой же обжиговой печью вижу средних лет солидного телосложения женщину-еврейку, ловко орудующую в пылающей топке примерно длинной кочергой. На голове «кочегарки» низко повязанный белый платок, рукава кофты закатаны выше локтя, лицо работницы серьезно и сосредоточенно: ни дать ни взять хозяйка большого семейства занята выпечкой халы.

— Как вы здесь живете-можете? — задаю вопрос работнице после приветствия и короткого с ней знакомства.

— Да как и всем здесь, наверное же, — отвечает женщина, несколько удивленная звучанием родной речи. — Но жаловаться вроде как и не на что. Работа есть, а остальное, как говорят, прилагается. Правда, работа у меня такая, что... Да вы сами ж видите. А что поделаешь, если людей не хватает? До войны по-другому было. А кто потом с фронта пусть хоть и живой вернулся, так, смотришь, то без руки, а кто и без ног. Конечно, нам, женщинам вон там, на горе, и делать нечего — вы ж видели, что там за работа. Да и здесь, в цеху, тоже не дело женщине у такой вот печки стоять. Только план-то все равно кто-то должен выполнять.

— А как у вас дома, в семье?

— Да как?... Вдовой я в войну осталась. А у меня дети. Трое. Бывает, соседку прошу за домом присмотреть. Та тоже на мужа похоронку получила... Да вот она тут же недалеко работает, на транспортере. Опять же не женское это занятие... Да ведь жить как-то надо. Ну и хозяйство держим. У меня корова доится, свинью кормим, куры есть. Огород тоже... А земля тут, ничего не ска-

жешь, хорошая. Как здесь в шутку говорят, камень в нее брось — и тот вырастет. Ну и сами видите, сколько здесь тех камней кругом повывадало...

— Па-па!.. Па-ап! Ну где тут папа? — сквозь шум цеха доносится до нас со стороны входа тонкий мальчишеский голос. В широких воротах цеха стоит запыхавшийся хлопчик с пустым ведерком в руке. Судя по всему, паренек ищет отца.

— А кто твой папа, мальчик? — обращается к нему моя собеседница.

— Симха.

— А, так это же сынишка нового переселенца. Тот сюда дрова возит. А зачем тебе папа? Что ты его ищешь? — интересуется женщина.

— Мама кухню хочет побелить. Ну и послала меня сюда к отцу за известкой. Он же здесь у вас работает?

Ни слова не говоря, «кочегарка» достает откуда-то сверху белый с кремовым оттенком камень и протягивает его мальчику:

— Давай сюда свое ведро.

Мальчишка с удивлением — нет, скорее даже с явным подозрением — смотрит на незнакомую тетеньку:

— Это что? Известка-а? — недоверчиво тянет он свой вопрос.

— Ну что ты ему скажешь? Вот нашли, кого послать... Мама-то твоя хоть знает, как известь распускают? Вот этот кусок залейте в ведерке холодной водой. Не забудешь ей передать? Хотя ладно, давай я сама тебе быстренько покажу, как это делают.

Женщина вытаскивает из-под дощатого настила низенькую, заляпанную известью шайку и, бросив в нее кусочек негашеной извести, осторожно, тонкой струей льет на него из широкого ковша воду. Камешек, зашипев, начинает разваливаться на мелкие частицы, вода вокруг него становится похожей на густое кипящее молоко.

— Ну вот тебе и известка! А того куска, что я тебе дала, и кухню, и всю хату побелить хватит. Только когда гасить его станете, уж будьте поосторожней.

...Время близится к полудню. Солнце стоит высоко. Сильно парит, как бывает это перед дождем. И сейчас никак не позавидуешь Шае Лихтеру, невысокому широкоплечему мужчине, в обязанность которого входит контроль за процессом обжига извести. Надо сказать, что рабочее место Шаи находится в непосредственной близости от ряда заводских печей, в которых жарко пылают пламя. Через специальные окошечки, проделанные в корпусах печей, Лихтер и наблюдает за ходом технологического процесса. Я бы, кажется, и часа не выдержал в такой жарнице.

— И как вы только умудряетесь проработать здесь целую смену?! — буквально обливаясь потом, интересуюсь у «жаростойкого» контролера.

— Да уж такая работа у меня. Надо значит надо, — отвечает он мне. — А потом и привычка много значит.

Мы поднимаемся наверх, на своего рода арочный мост, переброшенный через ряд работающих печей. Отсюда, сверху, нашим глазам открывается великолепная панорама окружающего мира, причудливо украшенного всеми оттенками зеленого и голубого.

— Вы только посмотрите, какая у нас здесь красота вокруг! — вздохнув полной грудью, восклицает Лихтер. — Вот такая она, биробиджанская земля наша! А время-то сейчас какое! Мир ведь, шолэм!..

АМУРЗЕТСКИЙ ЕВРЕЙ

Перевод с идиша Валерия Фоменко

Тихим солнечным утром я сидел в биробиджанском аэропорту в ожидании самолета в Амурзет — одно из сел Еврейской автономной области.

Небо было удивительно чистым, а облака, державшиеся на нем до рассвета, растеклись сейчас по краям горизонта, прикрыв легким туманом вершины дальних сопок.

— Вы, извиняюсь, тоже летите в Амурзет?

Поворачиваюсь на звук голоса и вижу перед собой среднего роста пожилого человека. В одной руке у него небольшой чемоданчик, в другой — дорожное пальто и трость. Сквозь редкие ресницы на меня буквально в упор смотрят черные глаза, отчего у меня невольно возникает впечатление, что незнакомец смотрит не на меня, а пристально разглядывает что-то или кого-то позади меня. И так, что мне невольно хочется обернуться. Знаю по опыту, что так смотрит на собеседника человек, не без успеха стремящийся с ходу подчинить того собственной воле. К примеру, заставить его без лишних разговоров купить у него какую-то вещь или даже, не задумываясь, одолжить ему нужную сумму денег. Подобная, своего рода гипнотизирующая манера смотреть на окружающих присуща управленцам или профессионалам в сфере торговли. Портрет обратившегося ко мне мужчины дополняет короткая седеющая бородка на смуглом его лице, как мне показалось, не очень удачно сочетающаяся с общим обликом незнакомца. Но что меня сильно удивило, можно сказать, поразило даже? А то, что здесь, в биробиджанском аэропорту, я отчетливо увидел перед собой

личность, которая — готов в этом поклясться — давным-давно мне хорошо знакома. «Только где же я мог встречать этого человека прежде? — не оставляет меня мысль. Ну где?.. Может быть, мы сталкивались с ним где-то и как-то однажды в суете большого города или в тихом еврейском местечке? Или даже я видел его на какой-нибудь сцене? А не попадался ли он мне на глаза в толчее рынка или ярмарки? Или, скажем, на перроне какого-нибудь вокзала? Но ведь если так оно и было, то это ж так далеко отсюда... И как же он, этот еврей, оказался здесь? Что он здесь увидел или нашел? Ведь тут ни тебе ни шумного рынка, ни ярмарочной толкотни, ни даже какого-нибудь киоска...

Здесь аэропорт. И здесь так тихо сейчас. Правда, если прислушаться, то уловишь разве что шум ближней рощицы да журчание ручейка...»

— А вам никогда не приходилось бывать в Амурзете? — снова звучит обращенный ко мне вопрос.

Нет, чем больше я смотрю на этого человека, тем трудней мне осознать его причастность или, если хотите, его непосредственную близость к Биробиджану или к тому Амурзету. Может статься, что этот еврей в родной своей Умани, Одессе или Звенигородке немедленно полетел сюда, получив известие, что в Амурзете этом вот-вот начнется большая ярмарка? А, может статься, он торопится туда, чтобы заключить очень выгодную торговую сделку или отхватить крупный куш за исполнение миссии свата-шадхена?..

...В ожидании самолета мы оба сидим на краю просторного летного поля на двух тесаных бревнах, заменяющих здесь скамью для потенциальных пассажиров и, видимо, оставленных здесь как память о вырубленном участке леса. Присаживаясь на «скамью», мой нечаянный знакомец, вырвав из-под ног пучок влажной травы, протер им запыленные сапоги и, взглянув на небо, заговорил:

— Я так понимаю, что вы летите-таки к нам в Амурзет? Так что мы с вами будем попутчиками. Ну а если это так, то я вас сразу же приглашаю в гости. Живу я прямо возле почты. Спросите, где дом Хайкла Наровлянского, вам там любой покажет.

— Вы что, из Амурзета сами?

— Ну разумеется. Вот уже ни много ни мало восемнадцать лет как.

Восемнадцать лет в области!.. Ну надо же! И чего это мне вдруг пришли на ум страницы Менделе Мойхер-Сфорима и типичные портреты его героев?..

— Вот как! А чем вы, простите мой вопрос, занимались до того, как приехали в ваш Амурзет?

— По правде сказать, я и сам вам толком не скажу чем. Одно время подрядчиком был, потом торговал немного. Потом агентом в компании Зингера служил. Ну той, вы знаете, наверное, что швейные машинки делала. А после, перед тем, как сюда переехать, кустарничал, значит. Обувь шил.

— А сейчас здесь?..

— Сейчас колхозник я. А у нас все, как у всех: каждый делает то, что надо и что лучше всего у него получается. Правда, в первое время ой как тяжело нам приходилось — честно говоря, даже и вспоминать не хочется.

Хайкл закуривает и, помолчав, с тяжелым вздохом продолжает:

— Эх, кто б только знал, сколько мы тут всего пережили да перетерпели!.. Вы представьте себе такого, как вот я, местечкового еврея, который кроме Шпицениц, Погребища да Казатина отродясь нигде не бывал и вдруг оказался в такой дали да в такой глуши...

Выпустив из ноздрей две длинных струи табачного дыма, рассказчик на секунду окидывает меня внимательным взглядом, как бы желая проверить, насколько внимательно я его слушаю, потом долго и задумчиво смотрит вдаль, в направлении дымчатой ленты сопок, будто

ожидаю, что это поможет ему вспомнить давние годы.

Хайкл продолжает рассказывать, и даже не слова, которые он произносит, а тон, в котором они звучат, не оставляют сомнения в правдивости его поистине драматического повествования. Довольно долгое время переселенцы, снявшиеся с обжитых мест, не знали не ведали, где этот Амур, куда их везут и где им предстоит жить, и что это вообще такое — «Амур»: город, река или, может быть, какой-нибудь остров.

— И когда мы сошли с парохода, который доставил нас из Хабаровска на пустой берег, евреи наши огляделись вокруг и...

Голос Наровлянского при этих словах отчетливо дрогнул: видимо, сейчас он зримо представил себе тот памятный для него день и тот берег, поросший диким лесом.

— «Божечка ж ты мой! — подумал я тогда. — И куда ж это нас загнали?» «И что, здесь мы будем строить себе дома?» — со слезами, помню, выкрикнула одна из женщин. «Да, — ответил ей кто-то из мужчин. — Здесь мы и будем строить себе дома». На следующее утро мы уже и начали обустраиваться на новом месте. А весна, помню, в тот год была поздняя, холодная. В тайге еще снег лежал. Ну что? Разбили мы на берегу, чуть ли не у самой воды, палатки, разложили костры, начали рубить тайгу, засыпать грязь в низинках... В общем, объявили этой глухоти войну.

Но долго-долго нас, переселенцев, не хотела добром принимать эта земля. Как нарочно, под первыми домами, которые мы там построили, начали бить родники. От гнуса просто деваться некуда было. Вы, верно, тоже уже знаете, что это такое? А одно время откуда-то страшный ураган сорвался. Да такой, что большие деревья с корнями вырывал. Представляете? А как-то одно лето дожди один за одним зарядили. День, второй... Неделю подряд. Ну и залил Амур наши поля. Короче говоря,

испытывал наших людей наш «новый дом» без всякой жалости и пощады: не сдадутся ли, мол, они перед силой дикой стихии, не опустят ли рук? Хотя не один раз приходилось слышать от новоселов: «И это “наш” Биробиджан?!» Скажу честно: не у всех хватило терпения и выдержки прижиться-закрепиться на том берегу. Таких людей я тоже хорошо понимаю: с ними ведь и старики были, и дети... «Это все Ревучиха здесь пакостит», — объясняли нам жители соседних деревенок причины дурной погоды.

Да, ходила в тех местах легенда такая: дескать, жил тут когда-то поблизости богач по фамилии Ревучих, и как будто бы злодей тот знался с нечистой силой. Но пришло время — прогнали отсюда белых. Ушел с ними, бросив все свое добро, и этот человек, а земли по Амуру, на которых он полным хозяином был, проклял тот лиходей до самого конца своей жизни.

— Ой, и чего мы только на первых порах ни пережили! — воскликнул Наровлянский, заканчивая свой рассказ. — Но ведь остались же мы здесь! А кто, скажите вы мне, хорошую жизнь заслужил, если сперва не заплатил за нее сполна? А земля там, где мы поселились, оказалась такой, что лучшей и желать не надо: все, что ни посеешь, что ни посади — все на ней вырастет и добрый урожай даст. И в поле, и в саду, и в огороде. Да вы и сами это увидите везде, где здесь люди живут. А Амурзет наш, говорят, стал сейчас в области самым большим селом.

...Да, вот уже восемнадцать лет исполнилось довольно плотно застроенному селу под названием «Амурзет». В области это слово поначалу писали по-русски «Амур-ЗЕТ», что означает «Амурское земельное еврейское товарищество». И река Амур стала поистине свидетельницей того, как переселенцы из городов и местечек — бывшие портные и сапожники, извозчики и мясники, мелкие торговцы и переплетчики, переносили на собствен-

ных плечах тысячи бревен, добыли в сопках десятки тонн дикого камня, чтобы построить себе дома. И еще видел Амур, как под неодолимым напором самоотверженных тружеников шаг за шагом отступала от его берега дремучая тайга, а на ее месте протягивались ряды улиц и рождалось селение.

...Нашу беседу с человеком из Амурзета прервало прибытие ожидавшегося нами самолета, к которому оба мы и поспешили. Причем мой попутчик, отчего-то необычно взволнованный предстоящей посадкой на самолет, не просто пошел к нему, а прямо-таки побежал. Лицо его покраснелось, в черных глазах появился необычный блеск. А мне было дано увидеть, как в далеком уже прошлом человек этот — живое подобие одного из героев Менделе Мойхер-Сфорима, всю свою жизнь мысленно строивший воздушные замки, через какие-то минуты впервые в своей жизни поднимется в царство своих призрачных владений.

Вот наш открытый двухместный аэропланчик уже готов к старту. Пилот велел нам одеться в полушубки, пошитые из светло-серых шкур диких косуль. И надо было видеть движения, позы и величественное выражение лица Хайкла Наровлянского, с преважным видом размещавшегося в своей кабине. Однако в то же время я довольно отчетливо расслышал, как угнездившись на своем сиденье, он пробормотал слова старой молитвы.

Летчик запускает двигатель, в лицо нам ударяет ветер, и наш самолет, оставив за собой целое облако пыли, уже покачивается над землей. Хайкл, защищая лицо от холодного ветра поднятой ладонью, все время смотрит вниз на удаляющиеся поляны и перелески, серую бечевку проселка, брошенную на зеленую ткань лугов. Между тем все это уходит от нас в подсиненную воздухом глубину и превращается в необъятное, от горизонта до горизонта открытое море. Далеко внизу проплывают мимо нас сопки, реки, озера, села, поля... Поистине неогляд-

ны просторы этой земли!.. И сколько же места на ней для новых городов, поселков и дорог!

Между тем, сосед мой тоже не отрывает глаз от земли. Неудивительно: ведь он человек земли, человек э т о й земли. И корни его не где-то там, где стоят призрачные воздушные замки, а вон там, внизу, где он построил совсем не сказочные, а самые обыкновенные деревянные дома и проложил дороги, ведущие от этих домов в широкие поля.

Вскоре мы прибыли в Амурзет. Хайкл Наровлянский шагает по улицам этого села не просто как пешеход — нет, он проходит по ним, как полноправный хозяин. И с особым, приподнято-радостным чувством он произносит сейчас в общем-то простые слова:

— Ай, как же хорошо на земле! Ну да разве ж может быть человеку плохо дома?

И в голосе Хайкла Наровлянского — жителя села под названием АмурЗЕТ — звучит твердая уверенность человека, который никогда не станет искать свое счастье где-то на стороне. Потому как он нашел его в этом краю, обретя свой дом здесь. И да будут царить в доме этом мир и благодать!

НА СВОЕЙ ЗЕМЛЕ

Перевод с идиша Валерия Фоменко

Дома первой со стороны города улицы села — усадьбы колхоза «Двадцать лет Октября» — стоят чуть ли не вплотную к обочине Валдгеймского шоссе. Остальные сельские постройки расположились тоже неподалеку от дороги, но их отсюда за деревьями почти и не разглядишь. Хотя за десять лет существования пригородной сельхозартели «Двадцать лет Октября» лес в ее владениях заметно поредел — топор и пила в руках сельчан сделали свое дело: лес пошел на строительство вот этих самых домов, хлевов, сараев и сооружение разномастных изгородей. Так вот росла и выросла здесь целая деревня — еще один населенный пункт Еврейской области. Теперь в здешней округе не часто встретишь коренных обитателей тайги, говорят, что поменьше стало комаров и мошки, так что сейчас, например, можно спокойно отдохнуть в тени деревьев, полежать на горячем песочке, искупавшись в Бире, которая протекает буквально в двух шагах от селения. Вот уж где раздолье для ребятни! И в этот жаркий день даже с оживленной дороги, связывающей Биробиджан и Валдгейм, можно легко расслышать звонкие детские голоса, доносящиеся со стороны реки.

...Третий дом на первой от города сельской улице — правление колхоза, попросту — контора. Войдя в нее, неожиданно для себя вижу стоящего у окна военного. Напротив него, возле печки, прижавшись к ней спиной и приложив к ней ладони, стоит пожилой еврей — судя по всему, человек из местных. Я появился в конторе, видимо, в самом начале беседы этих людей, и мне было нетрудно понять, о чем эти двое вели речь. Оказалось, что военный служащий буквально на днях получил письмо

от своего земляка из Гайсина. Тот, недавно узнав от кого-то из своих знакомых, что их родственник, старший сержант Йосеф Магидов, служит сейчас в Хабаровске, прислал Магидову письмо, в котором были такие строки: «От города, в котором вы несете свою почетную службу, как мне тут рассказали, совсем недалеко до Биробиджана. Так вот не будет ли у вас возможности побывать в том Биробиджане и хорошенько разузнать там, как и что, а потом отписать мне, как сейчас живут в Еврейской области переселенцы?» «Только, — было сказано в самом конце письма с Украины, — уж пожалуйста, пишите нам все по правде».

Прочитав письмо от земляка из Гайсина, старший сержант Магидов попросил командира дать ему трехдневный отпуск, чтобы съездить в Еврейскую область. Два дня Йосефу хватило, чтобы обойти Биробиджан и познакомиться с городскими предприятиями. Сказать к месту, здесь Магидов встретил немало теперь уже бывших своих земляков — людей самых разных специальностей. При этом едва ли не каждый из них интересовался у сержанта, где бы сам он после окончания службы захотел устроиться на работу, если у него появится желание остаться в областном центре. Посетил Магидов и учебные заведения города. Не преминул он заглянуть в городской парк, а также побывать в театре, где встречался и беседовал уж точно не с двумя-тремя горожанами, которые, не скупясь на слова, отвечали на все вопросы Йосефа, что называется, во всех подробностях.

Между прочим, тот автор письма из города Гайсина просил сержанта разузнать, как обустроились там еврей-переселенцы, пожелавшие жить и трудиться на земле, то бишь в колхозах. Так что Йосеф Магидов не поленился и отшагал добрый пяток километров от города до месторасположения сельхозартели «Двадцать лет Октября», дабы собственными глазами взглянуть на то, как живут еврей-крестьяне. Только вот незадача: появился сержант в колхозном поселочке в час, когда здесь не так просто

кого-то встретить. День летний, погожий — все на полях. Так что чистой случайностью можно было тут счесть встречу Магидова с Хаимом Гендиным, который оказался в конторе, чтобы ответить на ожидавшийся телефонный звонок из Биробиджана. Вообще-то сюда, в колхозное правление, из райисполкома должны бы звонить не ему, Гендину, а председателю «Октября» Ошеру Черняховскому, которому накануне было обещано дать ответ на какой-то важный для него деловой вопрос и перезвонить Черняховскому завтра. Только предколхоза в тот день понадобилось срочно отъехать на дальнюю пасеку, и, завернув по дороге к дому колхозного счетовода Гендина, председатель и перепоручил тому ответить на ожидаемый телефонный звонок из исполкома: вдруг, мол, сам предрайисполкома будет звонить... А он, Гендин, в селе все-таки тоже не последний человек, а председатель колхозной ревизионной комиссии. Вот счетовод и дежурит теперь в конторе, ожидая, пока наладят связь с городом, и при этом не сводит глаз с телефонного аппарата, что на стене напротив него. Такое впечатление, что он, Хаим Гендин, предстоящий звонок должен увидеть, а не услышать. При этом по всему чувствуется нетерпение «дежурного»: не дело в такую пору попусту время тратить... Впрочем, Йосеф Магидов примерно в том же положении: ему сегодня надо побывать еще и в облисполкоме, чтобы получить там исчерпывающие сведения об условиях переселения людей в ЕАО (земляк сержанта просил его написать об этом в Гайсин поподробней) и успеть к отправлению вечернего поезда на Хабаровск. Хотя, надо признать, сержант умело скрывает досаду. Действительно: он-то хотел здесь поговорить с колхозным председателем, а тут этот конторский, который и сам сидит сейчас как на иголках. Вернее, не сидит, а время от времени встает и нервно расхаживает по комнате, останавливаясь возле печки, и почему-то прикладывает к ней ладони, как делают это люди зимами, входя в помещение с мороза.

— Вот и торчи здесь теперь! — в сердцах выговаривает неизвестно кому счетовод. — Я где должен сейчас быть? Как все добрые люди, в поле я должен быть. Жатва же идет. Уборочная!

Подойдя к окну, Гендин смотрит в небо и, обернувшись к нам, спрашивает:

— А не кажется ли вам, товарищи, что дождем пахнет? Не смотрите, что небо пока чистое. Вон ведь парит-то как! Эх, хватало бы в колхозе народу, мы бы тут все в золоте ходили, и никакие дожди бы нас не пугали! Ну так когда же, товарищ старший сержант, появятся у нас здесь пассажиры из вашего Гайсина?

— «Появятся»... Только где они тут жить у вас будут?

— Как это «где»? — не на секунду не задумавшись, отвечает старожил колхозного села Хаим Гендин. — Мы ж не в шалашах здесь проживаем. Да и Биробиджан для всех нас не какой-нибудь дядька чужой. И приютит, и накормит. Лес на строительство у нас есть? Сколько хочешь. Государство кредиты дает? Дает. Только закатавай рукава повыше, берись покрепче за топор и пилу, да и строй себе. Я вам гарантию даю: сколько бы переселенцев к нам ни прибыло, все будут жильем обеспечены. Мне вон тоже раньше строителем быть не приходилось, а когда понадобилось, так и я научился плотницкий инструмент в руках держать. Да и не больно-то велика та премудрость. Стоит только захотеть, до всего и умом, и руками дойти сумеешь.

— То есть вы хотите сказать, что о квартирах новые переселенцы должны сами позаботиться, так что ли? — вставил свое слово в речь Гендина Йосеф. — Хотя с заработками тут у вас, я думаю, что...

— С заработками как? — не дав закончить фразу, возбужденно перебил собеседника Гендин. — Э, ты только знай себе работай. Чем, вы думаете, занимались те люди, которые приехали сюда первыми? Работой они занимались и имели за свою работу таки неплохо.

Хотя было у них, то есть у нас, в то время совсем

несложное ремесло — лес валить да пни корчевать. Но вы посмотрите на наших евреев сейчас. Настоящие ж богатыри!

— Вы вот мне говорили, что у вас тут даже виноград растет, — очевидно, возвращаясь к началу его беседы с Хаимом, заговорил Магидов. — Неужто и виноград здесь расти может?

— Представь себе, может. Зайди в наш сад — все сам увидишь. Да таких ягод, как у нас, даже в самой Одессе не постыдились бы.

— И что? Большой у вас сад?

— Да, и довольно большой. Нынче мы его еще увеличили. Клубнику посадили... Земли-то здесь кругом не мерено.

Тут я обратил внимание на то, что свои вопросы сельскому старожилу Магидов попросту вычитывает в письме, которое лежит у него под локтем на краю стола, и тут же делает на бумаге какие-то свои пометки. Ну а всяких разных вопросов у сержанта, кажется, и не сосчитать.

— А почвы у вас какие тут? — обращает Магидов к собеседнику очередной вопрос.

— Да примерно такие же, как по Амуру. Такие, что дождей не боятся. Песчаные. Не раз ведь бывало: как только уборочная началась, тут и полило. Но смотришь: денек-другой — и нет на полях никакой тебе воды. А главное же то, что здесь у нас, что ни посеешь, ни посади — все вырастет.

— Ну а на полях кроме овса и пшеницы что вы тут выращиваете?

— Ой, да все, что можно. Зелень разную, морковь, капусту, лук, помидоры, огурцы. Про картошку я уже не говорю. С прошлого года сою начали сеять. В общем, можешь себе записать, что на месте мы не стоим. Молочная ферма у нас есть, конюшня. Ну а в крепком колхозе — это ж всем понятно — и народ закрепляется.

— И что тот ваш народ имеет за свою работу?

— Что тебе сказать? До войны у нас трудодень был-таки богатый. Кроме хлеба выдавали на него картошку, овощи, ягоду, мед. Деньги даже. В прошлом году тоже вроде как неплохо люди заработали.

— И еще позволь задать вопрос. Сколько, например, тех трудодней за год ваш колхозник выработать может?

— Ну это уж как кто постарается. Хотя что говорить? Можно даже бумаги уже за этот год поднять. Да вот...

С этими словами Гендин подошел к вместительному шкафу возле одной из стен, снял с полки потрепанную папку и, развернув в ней нужное место, громко, как будто с трибуны людного собрания, начал читать:

— Мордко Кацев — двое работающих в семье — семьсот пятьдесят трудодней; сестры Закман — тоже двое — шестьсот сорок трудодней; Михл Донов с женой и сыном — семьсот; Йосл Басов с женой — девятьсот трудодней... И учтите, что это только за семь месяцев, да. Но читаем дальше: Пейси Гейшис...

В это время зазвонил телефон. Хаим Гендин, все это время сидевший как на иголках в ожидании звонка, неожиданно неторопливо и с преважным видом снял с рычага телефонную трубку и, басовито кашлянув для очистки голоса, представился звонившему:

— Хаим Гендин у аппарата. Слушаю вас. Что? Где Черняховский? В настоящий момент товарищ председатель находится на пасеке. Я? Я председатель ревизионной комиссии колхоза. А? Да, люди нам, наверное же, нужны. Что-что? Хорошо, поселим. Есть-есть еще где расселить.

Разговор закончен, но Гендин, очевидно, от волнения так и продолжает держать телефонную трубку плотно прижатой к щетинистой щеке. Но по другой щеке и по подбородку Хаима угадывается довольная улыбка. Хотя в глазах человека читается соответствующая моменту серьезность.

— Ну что, слышали? — обводит нас Гендин торжеству-

ющим взглядом. — Новых переселенцев нам прислать собираются.

И повесив на место трубку, решительно заключает:

— Ну а раз собираются, значит, и пришлют. Понятно? А Черняховский вот-вот подъехать должен. Так что с ним вы про все и переговорите. Между прочим, человек он уважаемый. Так что ваши из Гайсина, — кивнул Хаим на сержанта, — на его слова могут вполне полагаться. А знаете что? Давайте-ка пройдемся до поля. Тут недалеко. И как раз председателя-то, я думаю, мы сейчас там точно встретим.

— Что-то мне погодка сегодня не нравится, — неожиданно меняет тему разговора Гендин.

«С чего бы это? — подумалось мне. — День жаркий, с самого утра в небе ни облачка. А солнце какое!» Но, по мнению Гендина, именно такое солнце и предвещает ненастье.

— Да, насколько я уже понял, на осадки в теплое время года здешний климат не скупится, — заговорил Магидов. — Дождей тут льется больше, чем надо.

— Тут вы ошибаетесь, товарищ, — решительно возражает сержанту Гендин. — Вы знаете, почему так часто приходится слышать разные нехорошие толки о наших «биробиджанских» дождях?

— И почему же?

— Да потому что у вас на Украине дожди идут так: немножко весной, немножко летом, немножко осенью. А у нас иначе: днями, а то и неделями напролет, тепло, сухо, солнечно — душа радуется... Но если уж польет, то, бывает, на целую декаду. Ну и если посчитать, то дождливых-то дней у нас никак не больше, чем в том Гайсине. Я ведь родом тоже из ваших мест, с Украины. Да и в нашей области не первый год проживаю...

Слово за слово, и Йосеф Магидов соглашается с собеседником, что биробиджанское солнце равно, как и биробиджанские дожди, куда щедрее, нежели в краю прежних еврейских местечек.

— Хотя, правду сказать, и у нас там по-разному бывает. В прошлом году за все лето хорошо, если пару раз дождь прошел. И нынче, мне пишут, солнце опять жарит. Вот прямо, как у вас сейчас, — энергично обмахиваясь пилоткой, как веером, завершил дискуссию о капризах климата Магидов.

Между тем, перейдя шоссе, мы тут же оказываемся на нешироких сельских улицах и одновременно в тени больших деревьев. Уже отсюда ощущается и живительная прохлада ближнего леса.

Старший сержант Йосеф Магидов, привыкший шагать широко, по-военному, идет сейчас не спеша. Как раз теперь у него появилась возможность осмотреть здесь все лично самому и в непосредственной близости к этому «всему»: к домам с крылечками, к просторным дворикам за изгородями и к тому, чем могут похвалиться местные садоводы-любители. При этом, чуть отклонившись в сторону от темы «Жизнь в колхозе «Двадцать лет Октября»», Магидов продолжает разговор:

— Здесь мне все понятно, да. Но вы мне можете сказать, почему наших евреев сейчас-то тянет к вам в Биробиджан?

— Ха! А почему вы сказали «сейчас»? — живо откликается Гендин. — Все годы люди к нам сюда ехали и таки едут. Ну, может, и не так много народу приезжало, это правда, но область-то наша заселяться не перестает. Вот только я вас тут тоже спрошу: а легко ли это человеку — с насиженного места срываться? Если только его нужна, конечно, с того места не гонит. А в наше время человек на жизнь заработать может хоть здесь, хоть там, хоть еще где-то. Ведь сколько сейчас надо восстановить заводов и фабрик! За время войны целые города и села были стерты с лица земли. А мало ли людей вернулось из эвакуации к своим сожженным и разрушенным домам? И что? Берись и начинай все сначала. А разве это нельзя сделать и здесь, в нашей области? Крыша над головой любому из нас везде нужна.

ЛЮДИ БИРОБИДЖАНСКОГО ПОКОЛЕНИЯ

Пятьдесят один километр отделяет от областного центра село Бирофельд. По-разному преодолевали люди это расстояние в прежние годы. Точнее говоря, когда как: если в хорошую погоду, то за два-три дня, а по весне, когда таял снег, или летом в пору дождей, то за неделю, если не больше. Так, по крайней мере, рассказывали мне те переселенцы, которым в свое время не однажды и «по полной» пришлось испытать, что значит ездить дорогой, на которой тележные колеса то и дело чуть ли не по самую ступицу вязнут в липкой болотной грязи. Бедные лошадки!..

Теперь в Бирофельд можно поехать на поезде, который каждое утро отходит от биробиджанского вокзала. Каких-то два часа — и вы уже на месте. Если же ехать на машине, времени на дорогу уйдет и того меньше. Новое шоссе тянется по подножиям сопок сквозь густой лес, один за другим преодолевая подъемы и разгоняясь на спусках. Вглядываясь в окружающее пространство, невольно отмечаешь, что сплошная древесная растительность располагается здесь как бы двумя этажами: от самых обочин дороги все выше по склонам уходят заросли лиственных пород и кустарников, а на самых вершинах сопок темнеют хвойники, оторочившие волнистую линию совсем близкого горизонта...

Как раз на пятьдесят первом километре шоссе выходит к небольшому уютному вокзальчику новой железнодорожной станции Бирофельд. Слева от станции начинается дорога в переселенческий колхоз «Бирофельд» и в соседствующий с ним невеликий поселочек Бирского опытнического поля, а в противоположном направле-

нии в глубь заочкаренной равнины уходит неширокий, явно малоезжий проселок, ведущий к Ушумунской угольной шахте, по которому можно проехать туда только зимой. Проследовав по направлению к шахте километра полтора, наша машина останавливается: впереди — заболоченная низина. До шахты отсюда будет еще километров семь. Преодолеть это расстояние можно только пешком. Нет, не по воде и по грязи, а по уложенным по ним толстым бревнам, которые тянутся вдаль сплошной длинной линией — таким деревянным рельсом, который, если идти по нему, под ногами время от времени то подрагивает, то качается, то скользит. Шаг в сторону здесь будет, мягко говоря, совсем нежелательным.

— Ну что, Лейба? Пойдем? — стоя уже обеими ногами на толстеньком бревне, произносит Кальман Зевин, начальник Ушумунской шахты, обращаясь к Лейбе Мельману, который сидит в кабине «Москвича», как бы раздумывая, выходить из нее или не стоит.

— Нет, Кальман. Мы сейчас не пойдем, а полетим, — отзывается Зевину Мельман. — А ну, Цалик, — тронув за плечо водителя, продолжает он: — Привязывай-ка быстренько к своей машинке крылья!

— Есть привязать к автомобилю крылья! — резко выпрямившись на сиденье, по-военному рубит в ответ шофер.

— Да, Лейба, мысль таки неплохая. Пока здесь не проложили железную дорогу, было б здорово, сидя в машине, через все это болото перемахнуть. Ну а пока ты ничего лучше легковушки с крыльями не придумал, — переходя на серьезный тон, закончил фразу Зевин, — давай запрягать своих двоих.

— То есть туда пешочком и обратно тем же манером. Удивляюсь я на тебя, Кальман, — это ж на весь божий день такая экскурсия!

— А нечего тут удивляться. Я так и так тебя на своем острове почти до вечера продержу. А обратно... Ничего

страшного — одну ночь и в Бирофельде переночуешь. Да и у нас там на шахте, если что, место найдется. Это, во-первых. А во-вторых, разве самому тебе не интересно посмотреть, как люди железнодорожную ветку укладывают?

— Так а мне куда и когда за вами заезжать, товарищ директор? — спрашивает водитель, уже готовый завести мотор.

— Завтра сюда и в это же время, — вместо директора ответил водителю Зевин и махнул ему рукой: поезжай, мол, на сегодня свободен. И с тем поднял с земли толстый сук и, обломав с него лишние ветки, превратил его в увесистую дубину — этакий дорожный посох. Мельман, выйдя из машины, следует примеру товарища. В путь!

Директор машинно-тракторной станции Лейба Мельман выглядит несколько старше и солидней Зевина, хотя им обоим за тридцать. Рослый и широкоплечий, он производит приятное впечатление человека мужественного и, может быть, отчасти самоуверенного, что нетрудно заключить по привычному выражению его лица, тону голоса и пристальному, как бы оценивающему окружающее взгляду черных глаз. Вся фигура Мельмана заставляет вас думать о том, что обычно именуют атлетическим телосложением.

Кальман в росте немного уступает Лейбе, но так же, как и он, крепок, строен и широк в плечах. Да это и не удивительно: оба молодых человека — типичные представители того поколения биробиджанцев, которые росли не под крышами теплых и уютных домиков, а в условиях, мало чем отличимых от походных, когда перед тобой — нехоженные пути и открытое небо над головой. Так что на долю обоих в избытке достало и проливных дождей, и палящего солнца, и ледящих утренних ветров по зиме. Не так ли вырастают и могучие кедры в приамурской тайге? И сейчас, глядя, как легко, ловко,

будто играючи, мои провожатые передвигаются по шаткой бревенчатой «черте», наискось перечеркнувшей зелено-голубое пространство болот, я не могу отделаться от впечатления, что под ногами у них — асфальт тротуара.

— Что я хочу тебе сказать, Кальман, — обернувшись к идущему за ним Зевину, нарушает общее сосредоточенное молчание Лейба. — Лично для меня сегодняшняя прогулка, уж поверь, большого удовольствия не доставляет. Врагам бы нашим по такой мостовой ходить.

— И не говори, Лейба! Но вот осушим болото — от этой «мостовой» и следа не останется. Да если б не война, мы бы с тобой сейчас в Ушумун по доброй трассе да еще и с ветерком катили.

— Э, если б не война!..

Тут Лейба останавливается. Все время глядя себе под ноги и будучи сосредоточенными на необычном способе передвижения, мы даже и не заметили, как приблизились к небольшому реденькому лесочку. За ним просматривались несколько телеграфных столбов, оттуда же до слуха доносились обрывки человеческих голосов.

— Видите? Это мы подошли к тому месту, где сейчас прокладывается та самая железнодорожная ветка, которая соединит бирофельдскую станцию с нашей шахтой, — пояснил Зевин. — Так что скоро к нам можно будет поездом «доставляться».

Через несколько минут, атакуемые роем надоедливых комаров, мы входим в лесок, где под ногами уже не хлюпает болотная жижа. Неожиданно откуда-то из высокой травы с шумом взлетает стайка фазанов и быстро скрывается из глаз.

— Эх, ружьишко с собой не прихватил! — инстинктивно хлопнув себя ладонью по правому плечу, досадливо морщится Мельман.

— Я тебе сегодня, так и быть, свою двустволку одолжу, — отзывается Зевин. — Там у нас возле шахты лес по-

больше и погуще, чем тут. Тайга почти что. Да и людей пока мало бывает. Ты лучше приезжай ко мне в гости зимой. Уж тогда-то мы с тобой всласть поохотимся!

И вот уже новая бревенчатая «нитка» тянется под нашими ногами, уводя нас в сторону от лесного островка туда, где виднеются столбы телеграфной линии. Строители, работающие неподалеку от нее на прокладке ушумунской ветки, еще издали узнают моих спутников.

— Сам товарищ Мельман к нам в гости! Ты как сюда, Лейба? — выходит к нам навстречу мужчина, по виду явно не из рабочих.

— А меня сюда вот начальство отрядило посмотреть, как тут работы движутся. Надо ж, чтоб все здесь не иначе, как по первому классу было.

— Так оно и будет, товарищ представитель! — с готовностью отозвался на эти слова парень, проходивший мимо с увесистым обрезком рельса на плече. — Трудимся так, как биробиджанцам и положено.

На укладке железнодорожной ветки на Ушумун работает преимущественно молодежь — парни и девушки из Биробиджана, Алексеевки, Бирофельда и других ближних сел и деревень. В числе строителей есть люди и немолодые — как евреи, так и русские. Девчата, как я отметил, заняты в основном на «откатке» — подвозят вагонетками песок и гравий для будущей насыпи. Остальные (почти все — мужчины) копают водоотводные канавы, валят лес, устанавливают телеграфные столбы, кладут шпалы... Работа спорится, позванивает и поблескивает на ярком солнце металл.

Лейба Мельман встретил на постройке немало старых знакомых — из тех, кто девятнадцать лет назад приехал на земли будущей Еврейской области. С некоторыми из них он не виделся довольно давно, и можно себе представить, сколько громких восклицаний, сколько разных вопросов и ответов при этом прозвучало. Тем часом Кальман, как бы случайно оказавшийся у одной из ваго-

неток, уже с увлечением орудовал лопатой в паре с симпатичной дочерна загоревшей девушкой. Да вот и Лейба, явно не привыкший стоять в сторонке, когда кто-то работает, тоже, сбросив пиджак, взял в руки лопату, дабы показать «шахтеру», что умеет действовать землеройным инструментом ничуть не хуже того. Однако в этот самый момент он услышал за спиной хорошо знакомый голос:

— Лейба? Ты, что ли?

Обернувшись, Мельман видит перед собой человека среднего роста, который кажется низкорослым по той причине, что обут в заляпанные глиной сапоги с неимоверно высокими голенищами и, несмотря на жаркий день, одет в широкий брезентовый плащ-дождевик. Именно так выглядит сейчас Даниэль Хейфец — уполномоченный облисполкома и в настоящее время ответственный за ход строительства в районах. Вот уже восемнадцать лет Хейфец безвыездно проживает в Еврейской автономной области. Более точного адреса места жительства у него нет. Этого человека, по лицу скорее похожего на кабинетного ученого, сегодня можно встретить где-нибудь на Амуре, а завтра, глядишь, он уже вышагивает по таежной тропе в Хинганских горах. Коротко говоря, дом Хейфеца там, где строят.

...Если бы витебский паренек Даниэль Хейфец в свое время задумался о собственном благополучии, то через восемнадцать лет он имел бы не только постоянное местожительство, но был бы в полном достатке обеспеченным всеми материальными благами. В свои тринадцать лет он был подручным кузнеца, а, став уже мастером кузнечного дела в Биробиджане, мог бы жить и в этом городе, не испытывая в чем-либо никакой нужды: его квалификация гарантировала ему это как нельзя более надежно. Но Даниэль относится к тому поколению биробиджанцев, для которых собственное благо прочно связано с благосостоянием области, точнее будет сказать — с благом жителей этой области. Он, Хейфец, строил

Амурзет и Бирофельд, нисколько не помышляя о том, чтобы получить жилье для себя то ли здесь, то ли там. Но вот трудился Даниэль на строительных площадках так, как если бы строил дом для себя и для собственной семьи. Когда Даниэль Хейфец работал на корчевке в тайге (мало кому из первопоселенцев Биро-Биджанского национального района было не знакомо такого рода занятие), он даже и не помышлял тогда о том, сам ли он будет сажать, сеять и строиться на обновленной земле или кто-то другой. К этому стоит добавить то, что Даниэль всегда находил время для чтения, упорно занимаясь самообразованием. И когда спустя десяток лет Хейфеца по предложению областного руководства назначили заведующим сельским потребкооперативом, он, согласившись на перевод, и на новом месте действовал с полной самоотдачей, проявляя максимум усилий для бесперебойного снабжения сельчан нужными товарами. Потом Хейфеца избрали председателем райисполкома, а несколько позже ему предложили ответственную должность в облисполкоме. Так что вряд ли кто удивлялся, когда Даниэль Хейфец время от времени появлялся на месте укладки железнодорожной ветки на Ушумун. Не удивился встрече со старым знакомым и Лейба Мельман. Правда, тут же пошутил:

— Ну раз уж сюда сам товарищ Хейфец пожаловал, то, видно, у нас в области сейчас нет важнее стройки, чем эта. Только мне не совсем понятно, почему ты здесь, а не на Хинганском оловокомбинате. Там же, говорят, чуть ли не целый город строить начали.

— Успею и там побывать... У тебя-то как дела движутся? Отсеялись нормально? Я тут в ТОЗе как-то прочитал, что твою МТС в прошлом году лучшей в крае признали. Давай. Так и держись.

— Добро! А я тут мимоходом. Нам с Зевиным сегодня еще до шахты добраться надо. Так что бывай. Зай гэзунт!

— Ну ладно. Как-нибудь успеем еще поговорить. Мне

ведь тоже на шахту надо будет этими днями заглянуть, — на ходу проговорил Хейфец, направляясь к группе ожидавших его рабочих.

Прошагав по насыпи уже с аккуратно уложенными на ней шпалами, Мельман увидел в тени деревьев с десяток рабочих, отдыхающих после обеда. Один из них, судя по одежде (гимнастерка и солдатские галифе), недавно демобилизованный красноармеец, сидел в центре группы и, выразительно жестикулируя, громко рассказывал о чем-то внимательным слушателям. Никто из них, увлеченный любопытным повествованием товарища, кажется, и не заметил подошедшего Лейбу.

А сейчас представьте себе мужчину около сорока лет — Шлойме Родина, бывшего фронтовика и, к месту говоря, прямо-таки талантливоего рассказчика — человека, прошедшего дорогами войны от самого ее начала и до победного конца. Ну а без всяких натяжек поразительным здесь можно счесть то, что Родин, простой колхозник из-под Биробиджана, знает Европу, как кажется, не хуже какого-нибудь европейца. Шлойме с ходу может назвать вам никак не меньше двух, а то и трех сотен разных немецких, румынских и чехословацких городов, станций и сел и описать их расположение. Впору позабавлять памяти артиллериста-наводчика!.. Лейбе раньше как-то не доводилось встречаться с этим человеком, но в случае знакомства с Родиным он, пожалуй, решил бы, что тот всю свою жизнь имел дело с пушками. (Неспроста в родинской деревне говорят: «И башковитый же мужик наш Шлёма!»).

— Эх, и дали же мы шороху немчуре, когда ихний Кенигсберг брали! — взмахнув перед собой крепко сжатым кулаком, продолжал рассказ Родин. — До-олго те фрицы нас будут помнить. Ну из тех, кому в живых остаться повезло. Видели бы вы их, когда они — грязные да рваные — выходили нам навстречу с поднятыми руками и во все горло орал: «Гитлер капут! Рус гут! Това-

ришч!». Эти гады в Симферополе всех моих сестер и братьев вместе с их семьями порешили, — дрогнул голосом Шлойме. — Эх, не моя на то воля! Я бы без разговоров разобрался с этими «товарищами»...

— Слушай, Шлойме, — после короткой паузы заговорил с рассказчиком пожилой еврей. — У тебя же и тогда, и потом была-таки возможность спросить этих извергов, почему они так зверствовали на нашей земле.

— Эх, мил-человек! Ты думаешь, у кого-то из нас тогда было время для разговоров с этими подонками?! А вот пушечка моя «беседовала» с ними так, что от них только клочья летели...

Немного помолчав в задумчивости и осторожно подтянув ближе к себе ступню левой ноги, обутой в просторную калошу (все еще дает о себе знать старая рана), рассказчик продолжал:

— За четыре года войны много чего нашему брату изведать пришлось. Ведь сколько дорог мы прошагали, сколько разных городов перевидали! Только вот меня всегда тянуло сюда. Домой тянуло. Хотя что оно такое наш Бирофельд? Деревня да и все. Да только деревня не какая-нибудь, а таки своя. А свое как не любить? И я так скажу: чем ты дальше от дома сам, тем он сердцу твоему ближе. Хотя сколько мы тут в области живем...

— Кто как...

— Ну это да. Я, например, с лета двадцать восьмого здесь и, честно говоря, давно уж и позабыл, что прежде в городе Симферополе проживал.

Там, в Симферополе, Шлойме Родин был носильщиком. В Еврейской области он стал механизатором, трактористом и с полным на то правом числит себя старожилом здешних мест. При всем при этом то, прежнее занятие Шлойме, не могло не оставить на нем свой след: по земле Родин ступает твердо, сейчас разве что немного прихрамывая, а слегка приподнятое правое плечо его как будто готово в любой момент принять на себя тяже-

лый груз. И чувствуется в этом человеке большая внутренняя сила, так естественно и органично сочетающаяся сейчас с добродушной улыбкой на его широком загорелом лице.

Меж тем за разговором поначалу не замеченный сидящими чуть в сторонке от них возникает Мельман:

— Шлойме! Ты меня узнаёшь?

— О, ты только посмотри! Это ж Лейба Мельман! — радостно отзывается Родин. — Ты-то сюда как? Откуда? Или захотел вспомнить, как мы с тобой на корчевке «пахали»?

— Сегодня из города я. Вот уж не ожидал тебя здесь увидеть. Я думал, что ты все еще в армии. Дома-то давно?

— Давненько уж. А я гляжу, ты вроде как постарел малость. Понятно: война... Как Хана, как вообще семья, дочки? Старшая-то у тебя, должно, в невестах уже...

— Да нет, пока что в десятый класс нынче собралась. А ты давай-ка приезжай к нам на пару деньков. Дорогим гостем будешь. Где я живу, ты, наверно, знаешь.

— Да я тебя хоть где найду... Еще что спросить хочу, где сейчас наш Ихил Крейцман?

— Ихил? Да ты, я думал, про него сам знаешь. Как-то в газете о нем писали. Крейцман сейчас у меня тракторной бригадой командует. И всегда в передовиках.

— Так он же и с нами тогда, можно сказать, за двоих работал. Сам он, помню, из Бердичева. Там-то, он говорил, парой лошадок «командовал». Простым балагулой, значит, был.

— А ты раньше, кажется, в носильщиках ходил. Так?

— Так точно. Кому-то возить надо было, а кому-то и самому носить. Увидишь Ихила — большой от меня ему привет. Мы же с ним, если ты помнишь, на тракторных курсах тоже в одно время обучались. Ну что, за работу, мужики! — закончил фразу Родин, обращаясь уже к своим.

Не без видимого усилия распрямив раненую ногу в самодельной калошине, Шлойме поднялся с земли.

— Тяжелое ранение? — вполголоса спросил Родина Мельман.

— А, да почти зажило уже, — махнув рукой, бросил в ответ Шлойме. — Еще пару месяцев — и я опять на трактор. Ну а пока, видишь, здесь...

— Что, в колхозе для тебя полегче работы не нашлось?
рисунок Владислава Цапа

— А я, Лейба, как-то не привык к легким-то работам. И знаешь, о чем сейчас думаю? Вот как поправлюсь совсем и окончательно, попрошусь в шахту. Была у меня когда-то давно мечта шахтером стать. Только ведь в царской России нам, евреям, ты сам знаешь, работать не позволялось ни на земле, ни под землей... Ну что, балагулы мои? К вагонеткам! — оборвав беседу с Мельманом, дал команду рабочим Шлойме и, стараясь поменьше припадать на левую ногу, крепко ухватился за борт вагонетки, которая прямо как нарочно подкатилась к нему в этот момент. Погляди, мол, товарищ Мельман, как наш Шлойме Родин здесь с делом справляется.

Между тем Лейба Мельман уже присоединился к Кальману Зевину и уполномоченному облисполкома Даниэлю Хейфецу, которые с лопатами в руках загружали песком и гравием, наверное, уже третью вагонетку. Нет, в этом не ощущалось и просто не было даже тени какой-то рисовки. В Биробиджане изначально сложилось так: если один работает, другой в стороне стоять никогда не будет. Здесь отлично знают глубокую истинность и высокую цену известных слов: «Труд в СССР — дело чести, доблести и геройства». К месту стоит сказать, что в Еврейской автономной области, как, пожалуй, ни в каких других краях, слышишь от ее жителей не без гордости и удовлетворения звучащие слова: «Вот этот поселок я строить начинал», «Эту дорогу наша бригада здесь проложила», «Здесь мы когда-то лес вырубали, а

потом пни корчевали. И вы посмотрите, что тут теперь»...

Думается, не так уж много времени пройдет, когда Лейба Мельман будет ехать по этой, уже действующей, железнодорожной ветке и, глядя в открытое окно вагона на засеянные поля на месте заболоченной равнины, почувствует себя пассажиром поезда, идущего по дороге, к прокладке которой в какой-то мере-степени причастен и сам он, Мельман...

Закончен долгий рабочий день, и народ потянулся к реке, извилистой лентой уложенной по низине. Освежившись, люди собираются в полевом лагере, представляющем собою длинный ряд шалашей вдоль насыпи. Оттуда слышны песни, залиvistый девичий смех, разговоры. Вот уже знакомый нам Шлойме Родин, сидя на опрокинутой вагонетке, громко читает свежую газету. Слушатели — рабочие его бригады, а газеты только что привез в лагерь дорожников председатель колхоза «Бирофельд» Абрам Крамер. В одном из шалашей кто-то пробует сыграть на скрипке мелодию новой еврейской песни, а неподалеку, расположившись у костерка, русский паренек растягивает меха издававшей виды залиvистой двухрядки. По насыпи, уже расчерченной ровным строем шпал, прогуливаются поодаль молодые пары. А над равниной уже пламенеют широко распластанные по вечернему небу закатные облака.

Шлойме Родин, заметив Лейбу, который, явно досадуя, ожидал, когда же, наконец, появится находящийся, Зевин, подошел к Мельману, и у них снова завязывается разговор о былом и пережитом первопоселенцами будущей Еврейской области. В те годы оба были молоды, полны радужных надежд на счастливое и, конечно же, мирное будущее. Теперь и Родину, и Мельману далеко за тридцать, оба — отцы семейств. Но когда тот и другой заговорили обо всем, что отодвинуто от них уже почти двумя десятками лет, глаза старых друзей светлеют и искрятся юношеским задором. Словно и не было для

них тех лет, которые отделили отважных первопроходцев полудикой земли, на которую они когда-то ступили по зову сердца. Когда-то... А о совсем недавних событиях в их жизни напоминают им сейчас их боевые ордена и медали. На сотни и тысячи идет счет наградам, которых удостоены за ратный труд многие первостроители области. Разными дорогами — как сержант Родин и капитан Мельман — шли биробиджанцы через войну, но сюда, на Дальний Восток, все они — кому суждено было остаться в живых — возвращались по дороге одной — той, по которой следовали в 20-х и 30-х неспешные переселенческие эшелоны.

В тот летний вечер задержался в лагере дорожных строителей и председатель бирофельдского колхоза Абрам Крамер. Лейба знаком с ним давно, хорошо помнит его робким пареньком, все время старавшимся держаться как можно ближе к своим землякам из Лукашовки, с которыми только что прибыл в Тихонькую. Помнится, в разговорах «свежих» переселенцев тогда часто звучали слова «тайга», «сопки», «Амур», «комары», «болота», а вот Абрамка, как кажется, один из всех постоянно говорил о своей Лукашовке. Там он уже года два проработал подручным у пекаря. На новом месте парень тоже собирался работать только в пекарне. А когда это ему не удалось, приуныл.

— Ты, как я посмотрю, никак опять в свою эту Лукашовку отбыть вознамерился? — спросил как-то Крамера Лейба. Сейчас он уже и не помнит, что тогда ответил ему Абрам, но когда спустя уже года два или три Лейба встретил бывшего булочника в деревеньке под Бирофельдом, Крамер ну совсем уж не походил на того Абрамку из Лукашовки. Он даже внешне заметно изменился, удивительным образом переняв привычки и манеру поведения типичного местного крестьянина: по-охотничьи неторопливая, как бы скользящая походка, уверенность в движениях и в голосе. В отличие от того Крамера не-

многословен. Может, так повлиял на парня здешний климат с присущими ему влажным летним зноем, затяжными дождями и пыльными ветрами в апреле? Или то, что вместо замешивания и размешивания теста лукашовскому пекарю пришлось (и не одно лето) месить липкую глину на раскорчевке пней, зимами работать на лесоповале и осваивать плотницкое дело всегда, когда это было надо? Так или иначе, Дальний Восток изменил Крамера прямо-таки разительно. Изменил, разумеется, к лучшему. Не зря же было кем-то сказано и не единожды самой жизнью утверждено, что человека (в лучшем смысле этого слова) создает сопротивление окружающей среде.

Именно люди, которые вместе с Крамером пережили на новом месте многочисленные трудности первых лет будущей новой области, и избрали Абрама председателем колхоза. А когда он, уже прошедший через войну, вернулся домой, надо было видеть, с каким рвением руководитель сельхозартели принялся за дело. Далеко не каждому из здешних агрономов удастся так основательно изучить капризный характер местных земель, как знает его сегодня бывший подручный пекаря Абрам Крамер — ныне председатель коллективного хозяйства, известного не только в области, но и в крае.

...На удивление много общего можно увидеть в судьбах двух разных людей — колхозного председателя Крамера и начальника железнодорожного вокзала в Биробиджане Гирша Тагера. Тагер тоже был пекарем не только в «старом» своем доме, в Черкассах, но поначалу и в том самом колхозе, которым руководил и руководит бывший хлебопек Абрам Крамер. Подошел срок — Тагера призвали в армию, если точнее — на службу в железнодорожные войска, где он и получил одну из немалочисленных специальностей в области названного рода путей сообщения. Отслужив положенное, Тагер не стал возвращаться ни в пекарню, ни в бирофельдский колхоз. Некоторое время поработав в должности дежурного

по станции, бывший пекарь из Черкасс Гирш Тагер уже несколько лет занимает должность начальника самого крупного в области — биробиджанского — вокзала. А сегодня Гирш приехал на место прокладки Ушумунской ветки со своим приятелем — машинистом Мотей Ривкиным, который привел сюда паровоз с несколькими вагонами стройматериалов.

...Всякий раз, когда начинающий бердичевский извозчик Мотя Ривкин приезжал к вокзалу ко времени прибытия пассажирского поезда, он, случалось, подолгу простаивал на перроне. И пока его отец, тоже балагула, бегал от вагона к вагону в поисках желающих воспользоваться услугами извозчика, Мотя неподвижно стоял на перроне, зачарованный видом такого огромного и сказочно мощного локомотива. Машинисты уже хорошо знали в лицо паренька с кнутом в руке, который каждый раз, буквально поднявшись на цыпочки, старался заглянуть в окошко паровоза.

Тогда, стоя в Бердичеве на перроне с длинным извозничьим кнутом в руке, Мотя видел перед собой не только блестящие лаком вагоны, но и наблюдал за действиями орудовавших у горячих топок потных, перепачканных угольной пылью кочегаров. С детства привыкший к нелегкому труду стал однажды паровозным кочегаром и Мотя Ривкин. Еще через два года сообразительного и работающего парня перевели на должность помощника машиниста с правом водить поезда самостоятельно. Пятьдесят тысяч километров наездил Ривкин, прежде чем получить «титул» паровозного машиниста. А эти пятьдесят тысяч километров, между прочим, в семь раз превышают расстояние между Бердичевом и Биробиджаном. Ныне бывший извозчик водит пассажирские и товарные поезда по Дальневосточной железнодорожной магистрали. А хотите знать, о чем втайне мечтает сейчас Мотя Ривкин? Если в прежние годы он возил бердичевских евреев из города до вокзала, а с вокзала в город, то

сейчас заветное желание машиниста Ривкина доставить своим локомотивом целый эшелон евреев из того Бердичева в Биробиджан. Лелеет Мотя и еще одну мечту — он сам, а не кто-то другой должен будет привести туда же, в Биробиджан, грузовой поезд с первой партией ушумунского угля...

В каждом поселке, в каждом колхозе, на каждой станции, где приходится бывать Лейбе Мельману, он непременно встречает ровесников, а если выразиться точнее, людей своего поколения — тех, кто примерно в те же годы, что и он сам, Мельман, приехал строить и построил Еврейскую область. Он знает каждого из них как самого себя, как знает он Кальмана Зевина, Даниэля Хейфеца, Гирша Тагера, Шлойме Родина, Абрама Крамера и многих других из тех, кого он встретил сегодня на месте укладки Ушумунской железнодорожной ветки.

...Недалеко от Умани, в тихом местечке Погребище, жил да был еврей Вэлвл Мельман. И было у того еврея, не сглазить бы, многочисленное семейство, в котором народилось и росло ни много ни мало десять сыновей и дочек. И надо ж такому быть, чтобы дети Вэлвла все как один — от старших до младших — и лицом, и статью уродились в отца: рослые, крепкие, здоровые. А все пятеро парней такие, что хоть сейчас их в кузнецы отдавай. В городке удивлялись: и откуда бы в совсем небогатой семье детям такими здоровяками быть? Картошка у них что ли особенная какая? Понятно, что от одной картошки, какой она ни будь, богатырем не станешь, и поскольку Вэлвл Мельман время от времени занимал один из скромных прилавков на местном рынке, то большой семье сводить концы с концами таки удавалось. Хотя и не более того. В Погребище в те годы было немало таких «купцов», как Вэлвл, да вот только с покупателями все обстояло иначе. Лучше сказать, совсем плохо. Ладно, сам-то глава семейства при острой необходимости мог бы и каким-нибудь нехитрым ремеслом заняться, а вот с

детьми как быть? Может, и правда сыновей к какой-нибудь кузнице пристроить? Резон в таком решении был, да только мог ли ученик того же коваля больше, чем на пропитание себе заработать? К тому же в Погребнице вокруг рыночной площади и ближайшей к нему общественной бани было столько этих кузниц! Так их ковалям тоже за заказчиками впору было гоняться. Пришлось старшим сыновьям Мельмана самим себе занятие искать. Кто-то пошел работать на мельницу, кто-то — на сахарный завод. А вот младшего сына Вэлва, Лейбика, действительно тянуло к кузнечному делу. Летом ребяташки его возраста, бывало, от реки не отходят или по городку без дела носят, а Лейба тем часом в какой-нибудь кузнице обретается.

— Ну что тут поделаешь? — сказал как-то жене Вэлв, когда речь зашла о младшеньком. — Может, ему и правда суждено кузнецом стать.

Меж тем, Лейбка всегда ходил с непокрытой головой, понапрасну не тратил силы и проявлял большую охоту к обучению полюбившемуся ему ремеслу. В пятнадцать лет он уже был правой рукой не последнего в местечке кузнеца. Через год мастер скажет своему ученику, что научил его всему, что умеет сам, и что у парня золотые руки.

Как-то в одно из воскресений, одевшись, как на праздник, Лейба решил прогуляться по городку и по пути завернул на рынок к отцу.

— А знаешь, пап, я хочу отсюда уехать, — неожиданно услышал Вэлв звание сына.

Отец, окинув парня удивленным взглядом, ответил ему шутливыми вопросами:

— Или собрался себе невесту искать? И в каких же это краях? Может, ты и меня с собой возьмешь?

— А что ты себе думаешь? — на полном серьезе отвечал сын. — Если там, куда я собрался, ты сможешь приносить пользу, давай-таки вместе и поедem.

— И где же это самое место, например?

— В Биробиджане.

— В Биробиджане, говоришь? — собираясь с мыслями, озадаченно переспросил Вэлвл. — И как это ты надумал туда ехать? Один. Да еще в такую даль?

— А я не один поеду, папа. Знаешь, сколько народу в эту самую даль направляется!

— Ну и надолго ты туда?

— Навсегда, папа. Все мы едем строить Биробиджан. А со временем я и вас всех туда увезу. Вот посмотришь, папа, какую мы там, в Биробиджане нашем, жизнь устроим.

...Со времени того диалога сына и отца минуло без малого двадцать лет. Лейбе Мельману было тогда неполных шестнадцать, хотя выглядел он на все двадцать — рослый, широкоплечий, по-настоящему красивый.

Почти треть пассажиров переселенческого эшелона, пересекшего границу УССР, представляла собой молодежь. Спустя чуть ли не две недели большая часть пассажиров поезда сошла на станции Тихонькая, молодежь высадили только в Хабаровске. Там шумную толпу юношей и девушек препроводили на пристань, откуда пароход повез их вверх по Амуру до прибрежного села Сталинск, окрестности которого в скором времени планировалось занять угодьями крупного зерносовхоза.

В тот год в Приамурье выдалась на редкость холодная и дождливая весна, и только что прибывшим переселенцам в день их высадки на берег пришлось заночевать под открытым небом. Кроме косматого прошлогоднего бурьяна и еще не облиственных кустов и деревьев на месте будущего селения было разве что две избушки-развалюшки. Наутро на берегу Амура задымили десятки костров, начали появляться шалаши-балаганы, и людный пятачок между широченной рекой и неприятным лесом огласили бодрые песни. Так, под звон пил, бойкий перестук топоров и перекличку звонких молодых

голосов прямо за лагерем из шалашей начались заготовка строительного леса и раскорчевка пней на месте планируемых построек. А возглавил строительство первых домов в Сталинске Лейба Мельман, который еще в дороге проявил себя чутким отношением к товарищам, человеком, способным их сплотить и организовать, готовым преодолевать предстоящие и, конечно же, неизбежные трудности.

Между тем почти с каждого из причаливающих к Сталинску пароходов сходили на уже обитаемый берег новые молодые переселенцы. Кто-то из прибывающих где-то там, «дома», был скорняком, кто-то — жестянщиком, кто биндюжником, то бишь ломовым извозчиком, кто пекарем либо парикмахером. Лишь изредка старожилы амурского берега встречали среди новичков шоферов и трактористов — людей, без сомнения, самых востребованных здесь, на селе, профессий. Ну а молодежь есть молодежь, стремление ко всему новому и необычному у молодых, что называется, в крови, и многие сталинцы пожелали стать трактористами, комбайнерами, механиками. И никто иной, а именно Лейба Мельман обратился в то время с письмом в Тихонькую, подробно отразив в нем положение дел. Вскоре в Сталинске была открыта сельскохозяйственная школа. Первое занятие в этой школе проходило тоже под открытым небом — при распашке луговины, которую надо было превратить в хлебное поле. Знакомство с теорией вынужденно было отложено «на потом», и начинающие механизаторы осваивали приемы работы с сельскохозяйственной техникой по принципу «Делай, как я». Так молодежь из еврейских местечек и пересаживалась на трактора.

Ныне Лейба Мельман — директор крупной машинно-тракторной станции, известной во всем Хабаровском крае. Трудно будет сказать, сколько сил и энергии вложил за эти годы Мельман в организацию и становление колхозов. Неспроста же ему знакомы все дороги, дорожки и

тропы, ведущие в самые глухие и отдаленные уголки района. Точно так, как были ему когда-то знакомыми все улочки и переулки родного городка Погребища. С ранней весны до поздней осени, когда на седеющих от ночного инея полях убирают сою, Мельман неотлучно находится там, где работают механики, трактористы, комбайнеры. Среди них — вот же как время летит! — можно встретить уже и механизаторов, родившихся в Биробиджане. Для людей этого поколения он, Биробиджан, близок и дорог, как никакой другой город, и ничто им не кажется здесь необычным и даже странным — ни тайга, ни сопки, обступающие немереные километры болотистых равнин, ни повседневная их работа на далеко еще не прирученной земле. А вот рассказы бывших обитателей еврейских местечек о жизни в давние времена уроженцы этих мест воспринимают с изрядной долей недоверчивости. Как, например, шестнадцатилетняя дочь Лейбы Мельмана, в новеньком паспорте которой местом рождения и значится Биробиджан. Впрочем, как кажется, в памяти и самого Лейбы по прибытии его на Дальний Восток за «грудой дел, суматохой явлений» тоже скоро изгладились картины будничной жизни в его Погребище. Да и то сказать: ведь большая-то часть его собственной жизни проходила здесь, на земле Еврейской автономной области. И наверняка излишним будет утверждать, что за все это время Мельман ни разу не пожалел о своем решении, которое принял однажды девятнадцать лет назад. Трудясь на рубке леса, корчуя пни, строя дома, поднимая целину, становясь к кузнечному горну или рисуя агитационные плакаты, Лейба Мельман всегда чувствовал личную ответственность за все, что происходило рядом с ним и вокруг него. А вокруг него и рядом с ним делалось дело поистине гигантского масштаба — создавалась и заселялась Еврейская автономная область.

Вот и сегодня, можно сказать, почти случайно оказав-

шись на месте прокладки железнодорожной ветки на Ушумун, Лейба отнюдь не чувствовал здесь себя человеком посторонним и по привычке, выработанной им на руководящей должности, подмечал, казалось бы, несущественные детали в общей картине строительства. О них, об этих самых «несущественных» деталях, он накоротке и довольно энергично побеседовал с прорабом и мастерами в присутствии уполномоченного Хейфеца.

...Не дойдя каких-то ста метров до лесной опушки, железнодорожная насыпь с еще не уложенными по ней шпалами обрывалась, и дальше нам снова пришлось ступать по узкому бревенчатому «тротуару», чуть ли не плавающему в болотной жиже.

Будущий поселок Ушумун — это пока что несколько изб, стоящих вокруг темнеющего входа в шахту. Земля вокруг усыпана каменноугольной крошкой, здесь же неподалеку возвышается целая гора угля, ожидающего погрузки в вагоны.

— Вот тут мы и живем, — заговорил начальник шахты Зевин, обращаясь к гостям. — Со временем на этом месте будет целый поселок. Земля здесь буквально нафарширована углем.

— А что говорят геологи, Кальман? Ведь Ушумун планируется сделать биробиджанским Донбассом, — перебил Зевина Хейфец. — Говорят, что в здешней тайге таятся целые сокровища. Можно быть уверенным, что со временем здесь, возможно, целый город вырастет. Представьте себе, первый еврейский шахтерский город!

— Что-то, по-моему, гудит, — прислушиваясь, произносит Лейба. — Трактор как будто... Да, нет, такого здесь точно быть не может...

— Это под землей, Лейба. Водяные насосы там работают, — пояснил Кальман и подвел нас ко входу в шахту, похожему на колодец, не обозначенный срубом. Оттуда, из темноты, на нас дохнуло сырым холодом, напитанным незнакомым, каким-то даже зловещим запахом.

— Когда-то вот на этом самом месте охотники надумали себе зимовье соорудить, рядом колодец начали рыть, да только вместо воды до угля докопались, — сообщил Зевин.

— И что, глубокий тот колодец был?

— Да нет, может, чуть больше метра всего. Но мощные угольные пласты залегают в этом месте, конечно, гораздо глубже.

Здесь надо будет сказать, что Кальман Зевин, который до приезда в Биробиджан имел дело с каменным углем, разве что когда печку дома топил, сейчас говорит о добыче каменного угля как заправский специалист горного дела.

— Пока мы не имеем точного представления, — продолжает начальник шахты, — насколько велики здесь запасы «черного золота», как про каменный уголь пишут. Но вот давеча мне один здешний колхозник что рассказал? Пахал он, значит, где-то недалеко отсюда и нашел здоровенный кусок каменного угля. И, вы думаете, где? Представьте, прямо под лемехом плуга.

— Ну и ну...

— Каменный уголь для нашей области нужен не меньше, чем дождь для только что засеянного поля. Только дожди от нас пока что никак не зависят, а вот взять-добыть то богатство, что здесь под землей лежит, — это только в наших руках, в наших силах и возможностях, — заключил Даниэль Хейфец.

В этот момент в распахнутых дверях электростанции с шахтерской лампой в руке показался рослый молодой человек в запятнанном брезентовом комбинезоне и резиновых сапогах с высокими голенищами.

— Кальман, — повернулся к Зевину Лейба, — а это случаем не Никита Комаров?

— Комаров. А ты что, не узнал его?

— Сто лет тебя не видел, Никитка! — широко распахнув руки, шагнул навстречу человеку в комбинезоне

Мельман и обнял его как брата.

Никита Комаров, секретарь партийной организации Ушумунской шахты, принадлежит к тому же поколению биробиджанцев, что Лейба Мельман, Даниэль Хейфец и Абрам Крамер. Когда-то их общим домом была тайга, они вместе строили села, прокладывали дороги, а когда было открыто Ушумунское месторождение каменного угля, Никита Комаров оказался в числе первых строителей пока еще совсем невеликого шахтерского городка-временки. Еврейская область этому человеку мила и дорога точно так же, как тайга, в которой он вырос на берегах Енисея, как город в тех же краях, где он учился. Первопоселенцы Биробиджана с первых дней пребывания на новом месте видели в Комарове человека, готового помочь каждому из новоселов всем, чем он мог. Никита от души радовался прибытию очередной партии переселенцев и никогда не жалел сил для скорейшего обустройства приехавших на Дальний Восток тоже из не ближних краев страны и даже из-за ее границ. Мало кого удивляло то, что Никита Комаров общается с евреями на идише, посещает постановки еврейского театра, поет еврейские песни. И никому не приходило в голову считать все это каким-то чудачеством.

— В последнее время я тебя вообще нигде не встречаю. Как ты, где и что? — не выпуская из крепко сжатой ладони руку Комарова, снова заговорил первым Лейба.

— Я все там же и так же, как все те, кто был молодым в то, наше с тобой, время. Кроме тех, конечно, кто с войны не вернулся... А это сколько же мы с тобой не виделись, Лейбка? Года четыре однако? А я все это время в Николаевке работал, на лесозаводе. Сейчас, видишь, здесь. А ты сегодня оставайся у нас. У меня и переночуешь. Поговорим. Да, сразу тебя спросить хочу. Ты с новыми-то переселенцами видишься, знакомишь их с областью?

— Ну разумеется! Иначе как же?

— Ты при случае передай им, что нам тут сейчас люди прямо позарез нужны. Шахтер, ты знаешь, профессия почетная. У тебя-то самого, Лейбка, как дела? А я сегодня, представь себе, вот только что тебя вспоминал. Как чувал, что свидимся. Ты, правда, оставайся...

Когда Зевин вместе с Хейфецем, вооружившись шахтерскими лампами, в сопровождении Никиты Комарова спустились в шахту, Лейба Мельман решил немного осмотреться. Правда, с наступлением сумерек многое не увидишь, но Мельмана больше всего интересовало то, что находится прямо под ногами, то есть земля. Ведь если на этом месте когда-нибудь появится поселок, то где-то поблизости понадобится организовать и сельхозартель: шахтеров кормить надо не иначе, как только хорошо. А колхозникам без тракторов и комбайнов тоже, понятно, никак не обойтись. Так что, возможно, в области надо будет создавать и еще одну МТС.

Ему, Лейбе Мельману, чтобы оценить состояние почвы в том или ином месте, достаточно взглянуть на садик или клумбы под окнами дома, чтобы составить себе представление о плодородии почвы. Не зря же он когда-то дружил со старым корейцем Ли Хо Су, жившим на окраине села Благословенного неподалеку от Сталинска. И сейчас его ничуть не удивило то, что сквозь кучки повсюду рассыпанного здесь каменного угля проросла густая трава. Так что и в Ушумуне, как и повсюду в междуречье Биры и Биджана и вдоль Амура, почва не скупится обильно питать любую растительность.

Когда девятнадцать лет назад Лейба попал в биробиджанскую тайгу, он имел весьма отдаленное представление о деревьях, которые пилил, рубил и из которых строил дома. Но сейчас, находясь на краю почти непроходимой чащи древнего леса, он может без труда назвать не только породу каждого дерева, но и спрогнозировать перемены, которые произойдут в окрестностях урочища Ушумун в ближайшее время. Вон там тайга будет ото-

двинута на значительное расстояние отсюда, и на ее месте начнется капитальное строительство рабочего поселка, рядом для украшения его окраины будет оставлен зеленый остров из берез и кленов, а на невысоком пригорке, куда подтянется железнодорожная ветка, разместится новая станция, с которой пойдут отсюда товарные поезда с грузом «черного золота»...

Все это, разумеется, станет реальностью и потребует немалых трудов. Но разве не точно так же обстояло дело на станции Тихонькая в юные годы Лейбы Мельмана? А он, кажется, и сейчас, как и тогда, готов вооружиться топором или заступом, опробовать на вес то ли тяжелый лом, то ли кайло на длинной рукояти, отшлифованной десятками мозолистых ладоней, и вступить в решающий поединок с дикой и непокорной природой этого уголка земли. Нет, он, Мельман, теперь уже отец взрослых детей, по-прежнему полон сил и энергии, по-прежнему исполнен романтики первостроителя, а отныне и чувства хозяина на земле, именуемой ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТЬЮ.

СОДЕРЖАНИЕ

Моше Хашеватский

Поездка в Биро-биджан	7
-----------------------	---

Шмуэль Гордон

Биробиджанская семья	77
Путь-дорога	90
Биробиджанский богач	102
Там, где в сопках построен завод	114
Амурзетский еврей	160
На своей земле	
Люди биробиджанского поколения	

Сдано в набор 03.07.2019. Подписано к печати 31.07.2019.
Формат 60х90^{1/16}. Бумага КМА. Печать ризографская.
Гарнитура “Таймс”. Тираж 500 экз. Объем 24. Заказ №1331.
ОГАУ “Издательский дом “Биробиджан”,
г. Биробиджан, ул. Ленина, д. 32. 2019 г. (И19)